АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
ОТДЕЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Д.М. АБДРАХМАНОВ, А.М. БУРАНЧИН, М.М. НУГУМАНОВ, З.Л. СИЗОНЕНКО

ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИЗМА В ПОЛИЭТНИЧНОМ И МНОГОКОНФЕССИОНАЛЬНОМ РЕГИОНЕ: ТЕНДЕНЦИИ, РИСКИ И ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

УФА-2020

ББК 66.094
УДК 323.1
А 13

Исследование проведено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 18-411-020006 «Профилактика экстремизма в полиэтничном и многоконфессиональном регионе: тенденции, риски и психолого-педагогические детерминанты».

Рецензенты:
Академик РАЕН и АН РБ, доктор философских наук,
профессор Ф.С. Файзуллин
Член-корреспондент АН РБ, доктор социологических наук,
профессор М.Д. Киекбаев

Абдрахманов Д.М., Буранчин А.М., Нугуманов М.М., Сизоненко З.Л. Профилактика экстремизма в полиэтничном и многоконфессиональном регионе: тенденции, риски и психолого-педагогические детерминанты. Уфа: Мир печати, 2020. – 132 с.

Монография посвящена осмыслению теоретических и практических проблем совершенствования и координации деятельности органов государственной и муниципальной власти, общественных и религиозных организаций, научного и педагогического сообщества по профилактике экстремизма и терроризма на региональном уровне.

Освящается комплекс причин возникновения экстремизма, а также анализ социальной сущности идеологии и практики радикальных групп. Отдельно уделено внимание разработке методов, средств и способов противостояния им, опираясь на отечественные традиции патриотизма, толерантности и взаимного уважения к расовым, этническим, национальным, конфессиональным, языковым и другим различиям народов России.

ISBN 978-5-9613-0638-5

© Абдрахманов Д.М., Буранчин А.М., Нугуманов М.М., Сизоненко З.Л., 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ……. 4
ГЛАВА 1. ЭКСТРЕМИЗМ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ, ОСОБЕННОСТИ……. 9
1.1. Экстремизм: понятие, сущность, разновидности…….. 9
1.2. Государственная политика в сфере противодействия экстремизму…… 24
1.3. Историко-культурный генезис экстремизма…… 32
ГЛАВА 2. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЭКСТРЕМИЗМА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ…… 37
2.1. Интеграция иностранных граждан как фактор предотвращения формирования экстремистских настроений в обществе…….. 37
2.2. Миграционные процессы в контексте проявления экстремистских настроений в обществе…….. 50
2.3. Тенденции развития миграционных процессов в Республике Башкортостан на современном этапе…….. 54
ГЛАВА 3. РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКСТРЕМИЗМА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)…… 59
3.1. Современные формы экстремизма на региональном уровне в контексте угроз нового типа…… 59
3.2. Роль институтов модерна в противодействии религиозному экстремизму среди молодежи Башкортостана…….. 74
3.3. Проблемы духовной безопасности российских регионов: на примере Республики Башкортостан…… 80
3.4. Роль национально-культурных объединений Республики Башкортостан в разрешении межэтнических конфликтов и профилактике экстремизма……... 87
ГЛАВА 4. ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИЗМА В ПОЛИЭТНИЧНОМ И МНОГОКОНФЕССИОНАЛЬНОМ РЕГИОНЕ: ТЕНДЕНЦИИ, РИСКИ И ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ.... 102
ЗАКЛЮЧЕНИЕ…….. 122
Список источников и литературы…… 127

ВВЕДЕНИЕ

Проблема распространения экстремизма в Российской Федерации является одним из факторов, угрожающих национальной безопасности и целостности государства. Если терроризм, бесспорно, отвергается обществом, то экстремизм – ключевой элемент разрушения основ конституционного строя, все еще воспринимается гражданами как вполне допустимый инструмент политического противостояния.

Экстремизм – это приверженность к крайним взглядам и мерам. К ним можно отнести публичное оправдание террористической деятельности, возбуждение социальной, национальной, расовой или религиозной вражды, пропаганда националистической атрибутики, финансирование таких деяний или любая помощь в их организации. Другими словами, терроризм во многом лишь следствие или явное проявление сложных и скрытых форм экстремизма, постепенной радикализации общества. И причины, лежащие в ее основе, имеют самый широкий спектр – от экономических до социокультурных проблем (например, всплески социальной архаики).

Особую актуальность данные угрозы приобретают сегодня на региональном уровне (и в первую очередь в полиэтничных субъектах РФ), в условиях социально-экономической нестабильности в стране, роста протестных настроений среди населения.

На современном этапе развития российского общества серьезную тревогу представляет и распространение экстремизма на националистической и религиозной почве в молодежной среде. Основными чертами современного молодежного экстремизма являются: возрастающая организованность; сплоченность группировок, формирование в них идеологических, аналитических и боевых структур; усиление мер конспирации; применение для распространения своей идеологии и координации действий новейших информационных и коммуникационных технологий.

Используя глобальную сеть Интернет и возможности компьютерной коммуникации, идеологи экстремистских движений и групп активно воздействуют на неокрепшее сознание, неустоявшуюся систему социокультурных координат российской молодежи. В результате в последние годы происходит обострение проблемы молодежного экстремизма, который в настоящее время может рассматриваться как проблема общегосударственного значения и угроза национальной безопасности России.

Необходимо признать: нынешняя российская молодежь живет в глобализирующемся информационном обществе, обществе всеобщего риска. Для того чтобы осуществлять адекватное управленческое воздействие на молодежь, способствовать преодолению девиаций в молодежной среде необходимо изучение социокоммуникативных условий ее жизнедеятельности.

В условиях глобализации и информатизации социума, когда барьеры контроля и управления информационными потоками практически сняты, а национальные границы государств нивелированы, главным образом, в коммуникативном аспекте, молодежные экстремистские движения получили дополнительные помогающие условия для воздействия на сознание и поведение молодежи. Если еще 10-15 лет назад деятельность экстремистских движений, групп локализовывалась пространственными границами города, района, области, то сейчас, благодаря информационно-коммуникационным технологиям, и, прежде всего, Интернету, экстремистская деятельность становится элементом медийной повестки дня в масштабах страны, а то и всего русскоязычного сегмента СМК (в частности, Рунета). К этому необходимо прибавить расширившиеся возможности сотовой связи, мультимедиа, компьютерной коммуникации, которые трансформировали межличностную и групповую коммуникацию до масштабов массовой (форумы, чаты, блоги и пр. стали достоянием широких слоев Интернет-аудитории, а не только тех, кто непосредственно ведет общение).

Одновременно наблюдается постепенный процесс актуализации политического экстремизма, который сегодня объясняется ростом и радикализацией религиозного фундаментализма и этно-национальных конфликтов в современной России.

Этнонациональный экстремизм представляет собой деструктивное социальное явление, включающее исторически и социально обусловленную идеологию и практику, опирающиеся на идеи защиты этнонациональных интересов посредством применения крайних, в т. ч. насильственных, форм и методов деятельности и использующие существующие в различных этнических общностях этнонационалистические предубеждения, заблуждения и фобии.

Особенности этнонационального экстремизма, а также исторические условия, в которых он проявляет себя, делают его достаточно стабильной и серьезной угрозой для национальной безопасности России как в настоящее время, так и на длительную перспективу, поскольку долговременными, сложными и многочисленными являются сама этнонациональная система, входящие в нее общности и имеющиеся проблемы в этнонациональных отношениях.

Этнонациональная ситуация в нашей стране осложняется наличием большого числа религиозных деноминаций, обширностью территории и неравномерностью экономического развития регионов.

Весьма опасной и наиболее активно прогрессирующей разновидностью экстремизма в условиях постсекулярного общества является национально-религиозный экстремизм, осознание которого в феноменологическом плане – сложная методологическая задача. Несмотря на то, что термин «национально-религиозный экстремизм» не является бесспорным, но он уже прочно вошел в научный оборот, так как сторонники радикальных националистических и религиозных воззрений мотивируют свои действия

именно защитой этнокультурных и конфессиональных ценностей как подлинных и исключительных. Таким образом, под национально-религиозным экстремизмом нужно понимать радикальную идеолого-мировоззренческую и деятельно-акторную систему, институированную на ложных, демагогических трактовках догматов религиозного учения и свойств этнической идентичности.

Особую актуальность национально-религиозный экстремизм приобретает именно в настоящее время, поскольку в религиозной сфере происходят масштабные изменения, и этот факт признают практически все современные исследователи.

Сегодня можно констатировать, что усиление роли религиозного фактора в жизни нашего общества выразилось, с одной стороны, в стремлении людей приобщиться к традиционным национальным и религиозным духовным ценностям, но с другой стороны – в активизации деятельности экстремистских группировок, прикрывающихся авторитетом мировых религий. Надо признать: во многом им это удается. В качестве примера можно привести неутешительную тенденцию, обозначившуюся в последние 3-4 года, о которой говорил на расширенном заседании коллегии МВД РФ в марте 2016 года глава ведомства В.А. Колокольцев: «если число тяжких и особо тяжких преступлений снижается, то число преступлений экстремистской направленности постоянно растет»[1].

Серьезную тревогу вызывает бурный рост преступлений экстремистского характера с использованием сети Интернет. В настоящее время две трети выявляемых в России экстремистских преступлений совершаются с опорой на ресурсы «мировой паутины». Идеологи радикальных религиозных течений часто размещают экстремистские материалы в социальных сетях, внедряются в Интернет-сообщества, которые, как известно, пользуются большой популярностью в подростковой и молодежной среде.

Известно также, что основными причинами способствующими распространению деструктивных процессов, в том числе экстремистского характера, являются длительные периоды социально-экономической нестабильности, сопровождающиеся, с одной стороны, социальной дифференциацией граждан, бедностью, с другой – низкой эффективностью работы государственного аппарата, общественных институтов, отсутствием надежных механизмов правовой защиты населения. К сожалению, это по-прежнему остается актуальной проблемой и для современной России. К примеру, несмотря на то что в период экономического подъема в 2000-е годы доходы российского населения ощутимо выросли по сравнению с этапом реформ 1990-х годов, показатели неравенства в России остаются одними из самых высоких в мире. В этих условиях попытки правительства провести

[1] Колокольцев В.А. Выступление на расширенном заседании коллегии МВД РФ 15 марта 2016 года [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/document/9663663 (дата обращения: 16.05.2019).

болезненные пенсионные реформы, лишь красноречиво обнажили все противоречия, накопившиеся в социально-экономической сфере страны.

Как утверждает авторитетный российский социолог О. Шкаратан: «Де-факто осуществляемая властями социальная политика не достигает декларируемых целей; возможности налоговых мер по перераспределению богатств в пользу наиболее нуждающихся слоев населения остаются нереализованными. Весомая часть россиян живет в условиях бедности, многие из них при этом работают, но их доходы лишь незначительно превышают прожиточный минимум. В то же время отсутствие существенных результатов в эгалитарной политике государства сопровождается ростом числа олигархов, что позволяет сделать выводы о недостаточной реализации имеющегося потенциала по сокращению неравенства в России»[1].

Как считает другой социолог Л. Бызов, «несмотря на годы стабильности и относительного достатка, российское общество так и не смирилось с ситуацией глубокого общественного неравенства, вызванного не до конца продуманными реформами начала 90-х годов, и так и не преодоленного до дня сегодняшнего. Опросы рисуют картину классового, глубоко стратифицированного общества, наполненного глубокой агрессией, пожалуй, более разобщенного чем когда-либо в своей новейшей истории, налицо ситуация тотального недоверия наших граждан и друг к другу и к власти, которая остается в целом неизменной»[2].

Другими причинами, способствующими возникновению и распространению деструктивных идеологий, являются сложные социокультурные процессы в обществах, вступивших на путь трансформаций, которые концентрируются в маргинальных слоях социума, характеризующихся причудливым сочетанием традиционных и новых черт культуры, неполным изменением статуса и условий жизни[3].

Однако трагизм ситуации заключается в том, что громоздкая машина силового и правоохранительного блока зачастую не видит сложную цепочку причинно-следственных связей, борясь преимущественно с последствиями, а не с условиями, породившими деструктивные социальные явления, часто при этом ломая судьбы людей (особенно молодежи) большими сроками за экстремизм или терроризм. Главной же причиной этого во многом является отсутствие устойчивой системы обратной связи – как следствие невыполнения государством коммуникативных задач в отношении структур «гражданского общества», особенно на региональном уровне[4].

---

[1] Шкаратан О.И. Социально-экономическое неравенство в современном мире и становление новых форм социального расслоения в России // Мир России. 2018. №2. С. 6.

[2] Бызов Л.Г. Ценностные трансформации путинской эпохи: от консолидации к дисбалансу (2000-2018 гг.) // http://www.proza.ru/2018/07/15/1028.

[3] Паин Э.А. Социальная природа экстремизма и терроризма // Общественные науки и современность. 2002. №4. С. 114.

[4] Шайхисламов Р.Б. Коммуникативные проблемы социокультурной интеграции современного российского общества. Автореф. дис. … доктора социологических наук. Уфа, 2007.

Поэтому противодействие государства и общества угрозам безопасности Российской Федерации в сфере этнонациональных отношений в течение длительного времени имеет стратегическое значение для обеспечения общественно-политической стабильности России, ее конституционного строя и территориального единства.

В настоящей монографии, помимо общих аспектов экстремизма, рассмотрена проблема нарастания деструктивных процессов в российских регионах, в том числе на примере Республики Башкортостан, как национально-территориального образования РФ со своим социокультурным ландшафтом и особенностями политического развития.

Первая глава, написанный кандидатом философских наук Д.М. Абдрахмановым, посвящена обзору теоретических исследований феномена экстремизма. Автор анализирует сложившиеся подходы, которые существуют в настоящий момент в российской гуманитарной науке при изучении данного явления. Во второй главе М.М. Нугумановым рассмотрены проблемы распространения экстремистских идей в контексте миграционных процессов.

В третьей главе кандидатом исторических наук А.М. Буранчиным исследуется проблема влияния деструктивных идеологий на политические, экономические и социокультурные процессы, притекающие сегодня в Республике Башкортостан, включая аспекты, связанные с ослаблением институтов модерна в региональном сообществе.

Наконец в четвертой главе подготовленной кандидатом социологических наук З.Л. Сизоненко представлен отчет по экспертному опросу – исследованию детерминации и проявлений экстремистских настроений в массовом сознании населения Республики Башкортостан и регионов России, включая практические рекомендации по профилактике экстремизма в молодежной среде.

ГЛАВА 1. ЭКСТРЕМИЗМ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ, ОСОБЕННОСТИ*

1.1. Экстремизм: понятие, сущность, разновидности

Мировая культура и экономика современности вступили в эпоху глобализации, характеризующуюся сосуществованием и взаимопроникновением различных культур, национальных обычаев, традиций, соприкосновением религий.

Каждый социум, формируясь, создает специфичную только для него культуру, которая представляет лабильную систему, находящуюся в постоянном движении.

Процесс взаимообогащения культур имеет две стороны: позитивную – насыщение национальных культур наследием других этносов; и негативную, которая проявляется сепаратизмом в национальных отношениях, напряжением в межнациональных, межконфессиональных отношениях, появлением предпосылок к повышению экстремистской активности.

Политологи отмечают, что в мире отмечается рост экстремистских угроз. Россия также находится на острие борьбы с внешними и внутренними экстремистскими угрозами. В Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (Утверждена Президентом РФ 28.11.2014 г., Пр-2753) выделяется 2 группы экстремистских угроз.

В общей статистике совершаемых на территории Российской Федерации преступлений доля правонарушения экстремистской направленности довольно мала, но в связи с идеологией этих преступлений каждая акция должна вызывать общественный резонанс, который может способствовать дестабилизации социально-политической обстановки как в отдельном регионе, так и по стране в целом.

Эффективность профилактических мероприятий, направленных на профилактику экстремизма, напрямую зависит от ясного видения и понимания этиологии этого сложного социального явления. Определение понятия экстремизм имеет не столько теоретическое, а сколько практическое значение. Осознание данного феномена пришло к большинству исследователей, практическая же реализация должна быть возложена на законодательную и исполнительную власти государств.

К сожалению, в мире так и не пришли к единому и универсальному определению этого понятия, так в современной литературе фигурирует более ста дефиниций.

Например, в политическом словаре дано такое определение: экстремизм (от лат.extremus – крайний) – приверженность в политике к крайним взглядам и мерам, но оно не раскрывает всю глубину этого социально – политического явления. Кроме того, это определение не

---

* Автор раздела – кандидат философских наук, доцент Д.М. Абдрахманов. При подготовке использованы материалы: Абдрахманов Д.М., Максимов К.В. в соавт. Экстремизм. 100 ответов на насущные вопросы об экстремизме и терроризме. Информационно-справочное пособие. Уфа: Мир печати, 2018. 80 с.

раскрывает количественной и качественной меры «крайности» и не ставит границ между экстремизмом и проявлениями конфликта.

Распространено также экземплярное определение, когда вместо научного определения предлагается суррогат из простого перечисления явлений или действий, относящихся к экстремистским.

В юридической же литературе под понятие «экстремизм» подпадают общественно опасные деяния, связанные с нарушением правовых норм, предусмотренных Уголовным кодексом РФ (далее – УК РФ).

Ряд статей УК РФ предусматривает ответственность за те или иные преступления, совершенные на почве национальной или расовой вражды или ненависти; ст. 282 УК РФ, помещенная в отдельную главу о преступлениях против основ конституционного строя и безопасности государства, предусматривает уголовную ответственность за возбуждение национальной или расовой вражды. В законодательствах о СМИ, об общественных организациях, Трудовом кодексе РФ имеются статьи, запрещающие пропаганду ксенофобии, национальной ненависти и дискриминацию по национальному или расовому признаку.

Российским законодательством в нормах УК предусматривается ответственность за:

- ✓ умышленное причинение легкого вреда здоровью по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ);
- ✓ побои по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (п. «б» ч. 2 ст. 116 УК РФ);
- ✓ публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ);
- ✓ возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ);
- ✓ организация экстремистского сообщества (ст. 282-1 УК РФ);
- ✓ организация деятельности экстремистской организации (ст.282-2 УК РФ).

В Уголовном кодексе РФ отсутствует статья «Экстремизм» или «Экстремистская деятельность», что связывают с незаконченностью дискуссии по вопросу о существовании «некриминальных форм экстремизма». Данная правовая коллизия не способствует организации эффективного противодействия экстремистской деятельности и повышению качества работы правоохранительных органов в данной сфере.

Основным законодательным актом, который посвящен вопросам борьбы с экстремизмом и его профилактике, является Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»;

п. 2 ст. 1 ФЗ от 25 июля 2002 г. № 112-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты РФ в связи с принятием ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»; ст. 55 Федерального закона от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 01.07.2011 г.) «О полиции». Дефиниция «экстремизм» в законе «О полиции» не разъясняется, однако в нем представлен исчерпывающий перечень противозаконных действий, подпадающих под данное определение.

В действующем законодательстве понятию «экстремизм» не дано научного и политологического определения, и поэтому понятие носит описательный характер и выглядит как простое перечисление характерных признаков. К тому же, с момента принятия в 2002 году ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» список признаков не раз изменяли: был расширен в 2006 году и существенно сокращен в 2007 году. На сегодняшний день ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» указывает на тринадцать видов деяний, рассматриваемых как экстремистские. Их объединяют призывы и стремление к насилию, возбуждение ненависти, вражды или унижение достоинства в связи с принадлежностью к определенной группе (национальной, религиозной, социальной).

1. Насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации.

Если некая группа лиц поставит перед своей организацией цель изменить конституционный строй или целостность Российской Федерации, то ее деятельность может быть оценена как экстремистская, а может и не получить такой оценки, все зависит от методов выбранных для решения поставленной задачи.

Изменение конституционного строя и целостности Российской Федерации может происходить, но только на законных основаниях: посредством выборов и референдумов. Экстремистскими признаются: призывы к революции, восстанию и неповиновению законно избранной власти; а так же деятельность, именуемая в уголовном законодательстве вооруженным мятежом. Революционный мятеж всегда имеет своей целью присвоение или захват властных полномочий. Захватом является любой приход к власти лиц вопреки законной процедуре выборов и передачи властных полномочий.

Экстремистские организации, стремясь насильственно изменить основы конституционного строя, посягают на безопасность государства. По большей части неофиты принимают не различные формы «этнического» ислама, например, т.н. «татарский» суфийский ислам, а т.н. «чистый» ислам, т.е. салафизм, на котором зиждется исламизм как политическая идеология, это облегчает процесс окончательной радикализации и вступления в ряды исламистов[1].

---

[1] «Исламское государство». Пропаганда группировки и механизмы ее распространения. Аналитический доклад / Автор А.Крупнов. М.: Центр изучения новых коммуникаций, 2017. С.9.

Обеспечение внешней безопасности подразумевает противодействие подрывной деятельности иностранных разведок, а обеспечение внутренней безопасности направлено на противодействие диверсиям: совершению действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, путей и средств сообщения, связи, объектов жизнеобеспечения населения в целях подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации.

Насильственный захват власти и изменение строя невозможно без создания незаконных вооруженных формирований. Эти вооруженные формирования, организованные в группы, имеют внутреннюю иерархию и ставят перед собой цель насильственного изменения конституционного строя и целостности Российской Федерации силовыми методами.

Территориальная целостность РФ закреплена Конституцией, и сепаратизм, то есть попытки (включая призывы) к незаконному, в том числе насильственному отделению от России ее отдельных регионов является серьезным посягательством на безопасность государства.

2. Публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность.

Согласно Федеральному Закону «О противодействии терроризму», терроризм – идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий. Поэтому в качестве террористической деятельности могут быть расценены призывы к насильственным акциям с целью оказать давление на органы власти и общественное мнение для получения решения в свою пользу.

В качестве террористических организаций и террористов следует считать тех лиц, в отношении которых вступило в силу решение судов РФ. В настоящее время список организаций, признанных Верховным судом РФ террористическими, деятельность которых запрещена на территории России, включает в себя 19 наименований (приводится в приложении). Нельзя считать экстремистами людей позитивно оценивающих зарубежных террористов и террористические группировки, если они не признаны таковыми российскими судами (например, палестинскую организацию ХАМАС); нельзя считать экстремистскими позитивные оценки организаций и личностей ушедших эпох (например, «Черной сотни» или революционных террористов).

3. Возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни.

Под ответственность по данной статье подпадают действия насильственного характера или призывы к ним: призывы к убийству, избиению или выселению лиц какой - то определенной социальной группы; организация, совершение или подстрекательство к таковым действиям, которые должны носить публичный характер и быть направленными на лиц

определенной религиозной, национальной или социальной группы.

Пункт «возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни» нельзя применить к межличностным конфликтам, возникающим на бытовой почве, когда стороны в качестве последнего аргумента используют оскорбительные этнические стереотипы и шаблоны обидных характеристик.

Уточнения требует и понятие «социальная группа». Из контекста закона понятно, что в группы объединяются лица с определенными признаками: половой или профессиональной принадлежности; по принадлежности к определенным политическим или общественным организациям; возрастному признаку. Неприязнь и рознь могут быть возбуждены по отношению к представителям различных социальных групп, таких как любители тяжелого рока, коммунистам или пацифистам, молодежи, старикам или инвалидам, мужчинам и женщинам, представителям правоохранительных органов и т.д.

Механизмом возбуждения социальной, расовой, национальной или религиозной розни является унижение национального достоинства, под которым понимается негативный отзыв или действие по отношению к лицу либо группы лиц в связи с их национальной принадлежностью. Национальное достоинство – категория личного или группового самосознания, поэтому, чтобы оценить унижено ли национальное достоинство, достаточно заявления самого лица или представителей национальной группы. Несомненно, что такие признаки, как: использование ненормативной лексики, общепринято негативных названий этнических групп («жиды», «ниггеры», использование вместо наименования национальности названия предметов или животных («чурка», «ишак», «русские свиньи» и т.д.), оскорбление национальных религиозных святынь или значимых исторических событий, осквернение храмов или икон, карикатуры на пророков и святых; осквернение памяти героев и Великой Отечественной войны или жертв Холокоста и т.д., являются унижением национального достоинства.

В спорных же ситуациях иногда возникает необходимость проведения историко-культурологической экспертизы, позволяющей определить: задеты ли в действительности национальные чувства. В любом случае, главным критерием унижения является мнение самих представителей национальной группы.

4. Пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии.

Понятие пропаганды подразумевает систематические действия, направленные на внедрение в общественное сознание идей и формирование установок. Поэтому пропагандой нельзя назвать единичные высказывания или суждения, выдвинутые в качестве тезиса мировоззренческой или

политической дискуссии (высказывания участников телевизионных ток-шоу или интернет-форумов).

Так же пропагандой не могут быть названы высказывания лиц, низкий образовательный и культурный уровень которых не позволяет им аргументированно вести дискуссию и сознавать степень социальной ответственности за свои слова.

Идея богоизбранности адептов именно этой религии является столпом всех существующих религий. Поэтому распространение проповедниками идеи избранничества нельзя считать пропагандой исключительности и религиозного превосходства, но если проповеди содержат требования ограничить объем гражданских прав или унижают национальное достоинство иной этнорелигиозной группы, то в этом случае пропаганда является экстремистской. Например, высказывание о том, что «только мусульмане имеют истинную Веру» экстремистским не является, в то же время высказывание о том, что «власть в нашей стране и во всем мире должна принадлежать мусульманам» может быть расценено как экстремистское.

5. Нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии.

Здесь под законными интересами и правами гражданина имеется в виду весь спектр прав и свобод: экономических, политических, социальных, культурных. Нарушения прав могут быть выражены в отказе трудоустройства или в отказе предоставить какую-либо услугу, если это мотивируется неприязнью к человеку определенных убеждений, расы, национальности или социальной принадлежности, вероисповедания и происхождения (например, публичное заявление торговца на базаре в отказе продавать товар лицу иной национальности или печатное объявление подобного же содержания).

Нарушение прав в отношении лица может быть совершено путем нанесения ущерба, сопровождающегося заявлениями оскорбительного характера, которые обязательно должны быть зафиксированы свидетельскими показаниями. Важно в таких случаях определить мотив противоправных действий. Это возможно по лозунгам (устным или письменным), декларируемым в момент их совершения, зафиксированных видео или фотосъемкой, или свидетельскими показаниями, содержащими признаки возбуждения расовой, национальной, религиозной или социальной розни, унижения национального достоинства.

К действиям с экстремистской направленностью следует отнести создание и распространение печатных, аудио-, аудиовизуальных и иных материалов, предназначенных для публичного использования и содержащих хотя бы один из перечисленных признаков.

6. Воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения.

7. Воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения.

К действиям, указанным в данном пункте не относятся призывы политических партий и движений, а также отдельных лиц не принимать участие в выборах, так как, во-первых, они не носят насильственный характер, а во-вторых, участвовать или не участвовать в выборах является правом на свободное волеизъявление каждого избирателя.

8. Совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Правонарушениями, предусмотренными пунктами 7 и 8 признаются: незаконное проникновение в помещения органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций; хищение документов соответствующих организаций; умышленная порча их имущества и оборудования; физическое и морально-психологическое давление на сотрудников и персонал данных организаций с целью прекращения выполнения ими своих обязанностей.

9. Пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходной с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения.

Россия, являясь историческим правопреемником Советского Союза, внесшего наибольший вклад в разгром германского нацизма и его союзников, понесшего огромные людские потери, поэтому российский народ не приемлет пропаганды нацистских идей и публичной демонстрации нацисткой символики. Статья 6 Федерального закона «Об увековечении победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» гласит: «В Российской Федерации запрещается использование в любой форме нацистской символики как оскорбляющей многонациональный народ и память о понесённых в Великой Отечественной войне жертвах». Чтобы правильно оценить является ли символика или пропаганда нацисткой, нужны четкие критерии определения данного понятия.

Российское законодательство определяет нацизм как идеологию и практику Германского Рейха и его союзников в XX веке. Чтобы оценить существующие идеологии и движения как нацистские, необходимо доказать их идеологическую связь с европейским нацизмом времен Второй мировой войны. Французский Национальный фронт Ле Пэн не имеет подобных связей, поэтому его нельзя называть нацистским.

Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» указывает, что такие труды руководителей национал-социалистской рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, как:

- «Моя борьба» («Майн кампф») – Адольф Гитлер;
- «Будущий путь германской внешней политики» – Альфред Розенберг;

- «Миф XX века» – Альфред Розенберг;

являются экстремистскими, так как несут идеологию германского нацизма.

Судебное решение Нюрнбергского процесса 1946 года, вынесенное при участии СССР, признало преступными такие организации гитлеровской Германии, как НСДРП (Национал-социалистическая рабочая партия Германии), штурмовые отряды СА, охранные отряды СС, службу безопасности СД, государственную тайную полицию Гестапо, поэтому любые публикации, оправдывающие деятельность вышеуказанных организаций, являются экстремистскими.

Следует знать, что вооруженные силы Германии (Вермахт) и его структурные подразделения, преступными признаны не были, поэтому публикации, описывающие их историю, позитивно оценивающие их стратегию и тактику, не несут признаков экстремизма.

Публикации же, которые вызывают подозрения на то, что они обосновывают или оправдывают национальное и (или) расовое превосходство, либо оправдывают практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы, направляются на экспертизу, чтобы в судебном порядке их признали экстремистскими.

10. Публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения.

Первостепенным по данному пункту является оценка материалов, с целью квалификации их как экстремистские.

Согласно федеральному Закону «О противодействии экстремистской деятельности» экстремистскими признаются: информация, материалы на различных носителях, документы, предназначенные для обнародования и призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей национал-социалистской рабочей партии Германии, фашистской партии Италии; публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы.

11. Публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением.

Клеветой является распространение сведений о лице, заведомо не

соответствующих действительности и задевающих его честь и достоинство. Поэтому следует отличать политическую полемику, допускающую жесткие высказывания, от публичной клеветы, факт которой устанавливается в судебном порядке. Например, карикатура на губернатора, смысл которой в том, что он вообще (без указания на конкретные действия этого лица) плохо исполняет свои обязанности, не является клеветой, так как затрагивает политический курс, а не саму личность. Так же нельзя считать клеветой материалы, где политик изображается условно, без приведения полных Ф.И.О., в виде «человека, похожего на…».

В любом случае, дело об установлении факта клеветы на личность политика должно инициироваться им самим или его представителями.

12.Организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению.

13. Финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

В современной науке понятие «экстремизм» стоит в одном ряду с такими понятиями, как «радикализм», «фанатизм», «терроризм», что требует их логической дифференциации и теоретического определения. Без четкого разграничения этих терминов дать определение сущности экстремизма невозможно.

Радикализм (от лат. radicalis – *коренной*) в научной литературе описывается как социально-политические идеи и действия, направленные на решительное (*коренное*, фундаментальное) изменение существующих общественных институтов, заметно проявляющиеся в кризисные, переходные исторические периоды, когда возникает угроза существованию, традициям и укладу тех или иных слоёв и групп. Это социальное явление проявляется стремлением личности или группы лиц бескомпромиссно доводить политическое или иное мнение, позицию до его конечных логических выводов и практических результатов. Радикализм противоположен консерватизму, умеренности, традиционализму.

Термин «радикализм», «радикальный» в XVIII веке в научный оборот ввел французский мыслитель Ж.-Ж. Руссо, считавший, что повинующийся верховной деспотической власти народ поступает правильно, но если восстанет и свергнет эту власть, то поступит лучше.

Главной мыслью Руссо была идеализация общества Золотого Века, когда, по его мнению, люди были равны и свободны, и человеческая жизнь опиралась на естественное право и на естественную мораль.

Но появившаяся частная собственность дала толчок к возникновению гражданского общества, прогресса и цивилизационному толчку, разрушившему основы общества Золотого Века. Чтобы преодолеть издержки цивилизации, Руссо предлагал сделать право договорным, поровну распределить собственность, подчинить деятельность правительства Общей

Воле, радикально изменить в обществе представления о справедливости. Сделать все эти фундаментальные изменения в обществе может и должен сам народ, которому никто не должен мешать. Такая программа фундаментального переустройства общества, по мнению Руссо, особенно подходит для небольших государств.

Марксистский радикализм проистекает из реалий существования людей в обществе частной собственности. Угнетенные слои общества, особенно их вожди, осознают необходимость изменения общественных отношений и реализуют ее в своей деятельности.

Противоположной позицией следует считать концепцию Л.Н. Гумелева, который считал, что осуществляют – люди, практически бессознательно проявляющие активность в том или ином направлении и создающие новые формы в обществе и политике. Формы радикализма в этом случае можно различать по степени активности его представителей, а также в зависимости от глубины планируемых преобразований.

Л.Н. Гумелев предложил «пассионарную» концепцию, по которой радикальные идеи возникают не в обществе в целом, а в умах пассионариев (людей, практически бессознательно проявляющих активность в том или ином направлении и создающих новые формы в обществе и политике), осуществляющих радикализацию общества. Формы радикализма будут иметь различия в зависимости от степени активности его представителей, а также от глубины планируемых преобразований.

Отдельного изучения требует феномен **радикального сознания**. Выделим некоторые типы такого сознания.

- *«Нигилистический»* – первый тип радикального сознания, исторические корни которого восходят к самой радикальной версии гностицизма - манихейству III века.

По этой версии разрешение противоречий существующего миропорядка возможно только двумя путями: либо его радикальное преобразование в максимально короткие сроки (что заведомо признается практически не осуществимым и невозможным), либо его уничтожение. Вся философия нигилистического радикализма строится на отрицании ценностей врага, и никогда – на утверждении своих ценностей. Нигилисту важнее уничтожить врага, чем победить самому.

Историческими наследниками такого манихейского нигилизма можно назвать, как минимум, четыре группы политических движений новейшего времени:

1) Анархо-либералы, апологеты любого «гражданского сепаратизма»;
2) Анархо-коммунистическое направление в левом движении, радикальный ленинизм-троцкизм;
3) Нацисты, то есть биологические этнонационалисты секулярного или мистического типа;
4) Любые представители религиозного нигилизма, от суицидальных сект языческо-буддистского происхождения до авраамического

анархо-космополитизма неокальвинистского или ваххабитского толка.

- *«Фундаменталистский»* – второй тип радикального сознания. Идеология фундаменталистского радикализма по отношению к действительности в отличие от нигилистического пропагандирует: преобразование мира, подчинение его воле радикального субъекта, но не уничтожение, ибо сам этот мир остается ценностью, за которую и нужно бороться. Фундаменталистский радикализм воспринимает этот мир как свой, как зону собственных интересов и законного владения, чем отличается от нигилистического радикализма.

Философия фундаменталистского радикализма строится на утверждении собственной фундаментальной ценности, по определению укорененной в этом мире как его первооснова, а вовсе не инородное, разрушительное начало.

Выразителями фундаменталистского радикализма являются представители таких политических движений, как:

1. Англо-американские (атлантистские) неолибералы (называющие себя «новыми правыми» или «неоконсерваторами»);
1. «Правые коммунисты» сталинско-маоистского типа, иначе называемые национал-большевиками;
2. Консервативные революционеры и реакционеры всех типов (кроме нацистов) от клерикалов и цезаристов до подлинных «новых правых» и «неоконсерваторов»;
3. Представители всех типов политической религиозности, ставящие в основу своей практики перманентное миссионерство.

Радикализация может иметь различный облик, к ней могут вести разные пути, да и распространяться она может с разной скоростью. Уровень образования, судя по всему, не может служить надежным показателем уязвимости к радикализации, однако выявлены социально-экономические, психологические и институциональные факторы, которые ведут к насильственному экстремизму. Специалисты разделяют эти факторы на две основные категории[1]:

«Подталкивающие факторы», которые подвигают людей к насильственному экстремизму, например: маргинальное положение, неравенство, дискриминация, гонения, реальные или вымышленные; ограниченный доступ к высококачественному актуальному образованию; лишение прав и гражданских свобод; другие экологические, исторические и социально-экономические невзгоды.

«Притягивающие факторы», которые придают насильственному экстремизму привлекательный облик, например: существование, хорошо организованных групп сторонников насильственного экстремизма с их

[1] Методическое пособие по предотвращению насильственного экстремизма (A Teacher's Guide on the Prevention of Violent Extremism). Опубликовано в 2016 г. Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. С.12.

убедительными призывами и эффектными программами, обеспечивающими получение услуг, дохода и/или занятости в обмен на членство в них. Такие группы также могут привлекать новых членов, предоставляя им возможность выразить свое недовольство и обещая интересную и свободную жизнь. Кроме того, кажется, что такие группы способны предоставить душевный комфорт, возможность «быть своим», благоприятную социальную среду.

Наконец, существуют контекстуальные факторы, обеспечивающие плодородную почву для появления групп сторонников насильственного экстремизма, такие как нестабильные государства, отсутствие верховенства закона, коррупция и преступность.

Безусловно, одним из основных направлений профилактики экстремизма является образовательное. Как справедливо замечает В.В. Плотников, «нарушение функциональности в сфере религии приводит к повышению общей нагрузки на институт образования»[1]. В то же время следует иметь ввиду результаты исследований, которые свидетельствуют о неоднозначном влиянии образования на уровень экстремистских проявлений. «В целом наши данные показывают, что вероятность примыкания к экстремистским группировкам не понижается, а повышается с повышением уровня образования, причем для специальностей с высоким уровнем требований к профессиональным знаниям эта вероятность еще выше. Это первое системное подтверждение того, что ядро исламского экстремизма составляют потенциальные элиты, а не бедные и обездоленные»[2].

Для более четкого понимания развития социально политического процесса, необходимо проанализировать взаимосвязи в понятийном ряду «радикализм» – «экстремизм» – «терроризм». **Радикализм** – это идеология (образ мыслей, планирование, стратегия). **Экстремизм** – это действия (практическая реализация идей в действиях и акциях). **Терроризм** – это крайняя, насильственная, вооруженная форма проявления экстремизма. Экстремизм как понятие шире, чем терроризм – так для достижения цели могут использоваться как насильственные, так и ненасильственные методы. Экстремистские политические организации, открыто пропагандирующие свои взгляды, часто работают легально. Террористические же организации часто находятся на нелегальном положении, так как их деятельность направлена в основном на совершение актов насилия, в том числе – вооруженного. Прослеживается линия трансформации ***радикальных*** идей в ***экстремистские,*** которые имеют тенденцию к практической реализации в действиях и акциях, которые могут, в силу разных причин, принять форму и направленность ***террористических***.

В современном мире формы проявления экстремизма многообразны, что свидетельствует об их эффективности в установлении тоталитарных

---

[1] Плотников В.В., Бабенков В.А. Феноменология института религии: социальная функция и дисфункция в системе государства // Теория и практика общественного развития. 2015. №3. С.39.

[2] Gambetta D., Hertog St. Engineers of Jihad: The Curious Connection between Violent Extremism and Education. Princeton University Press, 2016.

форм правления, которым присущ выбор упрощенных, элементарных вариантов решения сложнейших социально-политических проблем.

В научных публикациях освещаются следующие ***виды экстремизма***:

Политический экстремизм – исторически и социально обусловленное явление, появление которого вызвано совокупностью объективных и субъективных причин экономического, национального, социального, идеологического, психологического характера, который направлен на изменение насильственным путем политического строя или социально-экономической политики государства. Политический экстремизм, базирующийся на утопических социальных теориях от псевдореволюционных до фашистских, можно условно подразделить на «левый» («революционный») и «правый». Методом достижения своих целей экстремисты в большинстве случаев выбирают террор: убийства политических противников, акты устрашения, попытки дестабилизации ситуации в стране и т. п.

Для политического экстремизма характерны следующие признаки:

1. *Политическая составляющая экстремистской деятельности* направлена на борьбу за власть. Основная цель любой политической борьбы – приход к власти, но способы ее достижения сильно расходятся: движения, не являющиеся экстремистскими, стремятся прийти к власти легитимным путем, тогда как для политических экстремистов методом выбора является ее захват, путем применения насилия или угроз.

2. *Использование насилия или угрозы* его применения по отношению к оппонентам в борьбе за достижение своих политических интересов (агрессивное физическое и морально-психологическое воздействие), стремление добиться поставленных целей, невзирая на средства.

3.Организованный характер деятельности, строгая иерархия, наличие системы структурных образований (субъектов политического экстремизма) различающихся функционально, по идейно-политической направленности и материально-технической обеспеченности.

4.Бескомпромиссность субъектов политического экстремизма, оформлена в виде отказа от любых договоренностей с политическими противниками. Доводами для принятия такой позиции политическими экстремистами являются: во-первых, решительность в достижении поставленных целей, во-вторых, использование насилия в качестве инструмента своей стратегии, в-третьих, неверие в возможность достижения своих целей иными путями.

Предложенное определение понятия политического экстремизма не является общепризнанным, к тому же, на данный момент не существует точного перечня его признаков.

Некоторые социологи склонны отождествлять политический экстремизм с фашизмом, кто-то с шовинизмом, иные с правым или левым радикализмом, но названные явления лишь части политического экстремизма.

Одним из таких частных течений является *молодежный экстремизм*,

представленный молодежными антисоциальными формированиями, особенность большинства из них – политизированность.

Апологеты *национального (националистического)* экстремизма выступают под знаменем защиты «своего народа», его культурных ценностей, национального языка, экономических интересов, в ущерб интересов представителей других национальностей, проживающих на данной территории. Национальный экстремизм тесно переплетается с элементами религиозного (представители экстремистских движений национальность обычно приравнивают к религиозной принадлежности) и политического экстремизма. Целью националистов является создание самостоятельного независимого государственного образования, в котором они претендуют на политическую власть.

Как известно национал-шовинистические экстремистские идеи могут высказывать представители наиболее многочисленной в государстве национальности; коренные жители отдельных городов или определенные группы граждан могут быть привержены идеям национал-экстремизма. Так называемый бытовой национализм наблюдается у представителей всех слоев населения, и только хорошо отлаженная пропагандистская работа может стать эффективной профилактикой националистического экстремизма.

Сутью *религиозного экстремизма* является нетерпимость в отношении инакомыслия представителей той же религиозной конфессии и еще большая нетерпимость по отношению к представителям других религий и к атеистам.

Проповедники религиозного экстремизма – это обычно адепты сект, идеология которых очень далека от традиционных религиозных догматов всех крупных религий: ислама, христианства, индуизма и, отчасти, буддизма.

Религиозный, как и любой другой, экстремизм предусматривает распространение идей своей организации, через создание государственных или административных образований, в которых догматы этой секты стали бы официальными и господствующими, но главная цель это экономическое и политическое господство.

Присутствующее в большинстве научных работ, разделение экстремистских движений по политическому, национальному и религиозному признакам условно, так как явления социальной действительности находятся в постоянном взаимодействии и взаимообмене, поэтому в реальности выделенные виды экстремизма в чистом виде, как правило, не встречаются.

Экологический экстремизм – в отличие от правомерной природоохранной политики, нацелен на насильственное устранение вредных для окружающей среды производств согласно идее, что ликвидация неблагоприятных в экологическом отношении предприятий – единственно возможный путь улучшения качества окружающей среды.

Экономический экстремизм направлен на устранение конкуренции в предпринимательской деятельности, установление удобных единицам методов хозяйствования и форм собственности. Это обычно преступные

группировки, сплотившиеся вокруг коммерческих предприятий, для бандитских нападений на конкурентов, устрашения руководителей государственных предприятий, исполнения заказных криминальных насильственных действий.

В последнее время в Российской Федерации происходят рейдерские захваты, являющиеся частным случаем экономического экстремизма, которые направлены на преступное отчуждение предприятий, заводов, фабрик, иных коммерческих организаций, при помощи судебных органов, исполнительной власти, фальсификации документов, насильственного захвата контрольного пакета акций и т. п.

А.В. Иванов предлагает несколько иной подход к классификации экстремизма и выделяет следующие его виды:

1. *Рациональный экстремизм*. Ставит своей целью максимально эффективное преодоление социальных дисфункций с помощью радикальных мер. Причиной порождающей рациональный экстремизм является бездеятельность исполнительной власти или законодателей, которые оказываются не в состоянии разрешить возникшую социальную проблему легитимным путем.

2. *Иррациональный экстремизм* безжалостен, цели приземленные, не вызывают положительного отклика у основной массы населения. Иррациональный экстремизм это: молодежный (вандализм), психопатический (немотивированные массовые убийства), спортивный (спортивные фанаты). Этот вид экстремизма объясняется психологией толпы и нюансами психологии несовершеннолетних: негативизмом, нигилизм, склонность объединяться в группировки.

Классификации экстремизма, предложенная А.В. Ивановым, логично дифференцирует экстремизм по его видам, учитывает психологию толпы и психологические аспекты экстремизма молодежи.

В зарубежной научной литературе предложена типология экстремизма, основанная на целях и мотивах насильственных проявлений. Выделяется четыре типа экстремизма:

• криминальный – использование насилия с целью получения материальной выгоды;

• совершаемый по психологическим мотивам и на основе религиозного фанатизма;

• военный – использование соответствующих средств для запугивания противника;

• политический – систематическое использование насилия в борьбе за власть.

Предложенные варианты не исчерпывают весь спектр классификаций экстремизма, но и рассмотренных достаточно для того, чтобы получить представление о наиболее распространенных видах и формах его проявлений.

1.2. Государственная политика в сфере противодействия экстремизму

В Российской Федерации экстремизм приобрел значение проблемы, угрожающей национальной безопасности, решение которой требует усилий на государственном уровне, что связано с многообразием форм и проявлений экстремизма, неоднородностью по организационной структуре, идеологической концепции и составом экстремистских организаций.

Экстремисты всех мастей на современном этапе агрессивно пропагандируют идеологию, оправдывающую правомочность насильственных действий для достижения поставленных общественно опасных целей.

Прямое и косвенное воздействие экстремистской деятельности затрагивает все основные сферы общественной жизни: политическую, экономическую и социальную, что требует организации широкого фронта по противодействию экстремизму на всех уровнях, а также разработки путей минимизации его последствий.

Правовую базу по противодействию экстремистской деятельности составляют Конституция РФ; Уголовный кодекс РФ; федеральные законы и ряд других нормативных актов, включая нормы международного права, ратифицированные международные соглашения. Важное место необходимо отвести Концепции национальной безопасности РФ; Доктрине информационной безопасности РФ, а также нормативным правовым актам Президента РФ и Правительства РФ, Генеральной прокуратуры РФ и федеральных ведомств, регламентирующих деятельность по борьбе с терроризмом и экстремизмом.

В целом нормативно-правовая база, регулирующая сферу борьбы с экстремизмом, отвечает интересам национальной безопасности, но требует дальнейшего совершенствования в виду многообразия постоянно модернизирующихся форм экстремизма.

Целью государственной политики в сфере противодействия экстремизму является защита основ конституционного строя Российской Федерации, общественной безопасности, прав и свобод граждан от экстремистских угроз.

Основными задачами государственной политики в сфере противодействия экстремизму являются:

а) создание единой государственной системы мониторинга в сфере противодействия экстремизму;

б) совершенствование законодательства Российской Федерации и правоприменительной практики в сфере противодействия экстремизму;

в) консолидация усилий федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества и организаций в целях противодействия проявлениям экстремизма;

г) организация в средствах массовой информации, информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет», информационного сопровождения деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества и организаций по противодействию экстремизму, а также реализация эффективных мер информационного противодействия распространению идеологии экстремизма;

д) разработка и осуществление комплекса мер по повышению эффективности профилактики, выявления и пресечения правонарушений и преступлений экстремистской направленности.

Основной принцип формирования общенациональной системы противодействия экстремизму и терроризму согласно требованиям момента поменял курс от преимущественно силовых методов подавления очагов борьбы в сторону противодействия, сосредотачивая основные усилия на профилактику экстремизма.

Федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления в пределах своей компетенции осуществляют меры по противодействию экстремистской деятельности: профилактические, воспитательные, пропагандистские, согласно ст.5 ФЗ от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

Согласно статье 2 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», противодействие экстремистской деятельности основывается на следующих *принципах*:

- признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, а равно законных интересов организации;
- законность;
- гласность;
- приоритет обеспечения безопасности Российской Федерации;
- приоритет мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности;
- сотрудничество государства с общественными и религиозными объединениями, иными организациями, гражданами в противодействии экстремистской деятельности;
- неотвратимость наказания за осуществление экстремистской деятельности.

Противодействие экстремистской деятельности осуществляется по следующим *основным направлениям* (ст.3. того же ФЗ):

- принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности;
- выявление, предупреждение и пресечение экстремистской

деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц.

В целях противодействия экстремизму разработана и утверждена Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (далее – Стратегия).

Стратегия разработана в целях конкретизации положений Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», Указа Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». Согласно данным документам, одним из источников угроз национальной безопасности Российской Федерации признана экстремистская деятельность националистических, радикальных религиозных, этнических или иных организаций и структур, направленных на территориальную целостность и конституционный строй Российской Федерации, дестабилизацию внутриполитической и социальной обстановки государства.

Стратегия является руководящим документом для федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, в котором определены цели, задачи и основные направления государственной политики в сфере противодействия экстремизму с учетом стоящих перед Российской Федерацией вызовов и угроз и направлен на объединение усилий указанных органов, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в целях: укрепления гражданского единства (межнационального, межэтнического, межконфессионального), сохранения этнокультурного многообразия народов Российской Федерации, формирования в обществе обстановки нетерпимости к экстремистской деятельности и распространению экстремистских идей, пресечения экстремистской деятельности.

В Стратегии определены понятия:

- *Субъекты противодействия экстремизму* – федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, институты гражданского общества, организации и физические лица;
- *Противодействие экстремизму* – деятельность субъектов противодействия экстремизму, направленная на выявление и последующее устранение причин экстремистских проявлений, а также на предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений экстремистской направленности, минимизацию и (или) ликвидацию последствий экстремизма.

В Стратегии также отражены основные направления государственной политики по противодействию экстремизму:

а) в сфере законодательной деятельности:

- обеспечение эффективного применения норм законодательства

Российской Федерации в сфере противодействия экстремизму;

- проведение систематического мониторинга правоприменительной практики в сфере противодействия экстремизму;

- совершенствование законодательства Российской Федерации в сфере противодействия экстремизму в части, касающейся пресечения производства и распространения экстремистских материалов, в том числе на электронных носителях информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет»;

- принятие на региональном и муниципальном уровнях соответствующих целевых программ, предусматривающих формирование системы профилактики экстремизма и терроризма, предупреждения межнациональных конфликтов;

- принятие управленческих решений, разработка проектов нормативных правовых актов и программных документов в сфере противодействия экстремизму с учетом национальных, конфессиональных и региональных факторов;

б) в сфере правоохранительной деятельности:

- координация действий правоохранительных органов, органов государственной власти, органов местного самоуправления, политических партий, общественных и религиозных объединений по пресечению экстремистских проявлений;

- проведение профилактической работы с лицами, подверженными влиянию идеологии экстремизма;

- реализация принципа неотвратимости наказания за осуществление экстремистской деятельности;

- обеспечение подготовки сотрудников правоохранительных органов и получения ими дополнительного профессионального образования по утвержденным в установленном порядке типовым учебным программам по вопросам выявления, пресечения, раскрытия, профилактики и квалификации экстремистских проявлений;

- обеспечение совместно с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и организаторами собраний, митингов, демонстраций, шествий и других публичных мероприятий безопасности граждан и общественного порядка в местах их проведения;

- обеспечение взаимодействия субъектов противодействия экстремизму на приграничных территориях в целях пресечения проникновения на территорию Российской Федерации членов международных экстремистских организаций;

- выявление и устранение источников и каналов финансирования экстремистской деятельности;

в) в сфере государственной национальной политики:

- проведение мониторинга межрасовых, межнациональных (межэтнических) и межконфессиональных отношений, социально-

политической ситуации в Российской Федерации в целях предотвращения возникновения конфликтов либо их обострения, а также выявления причин и условий экстремистских проявлений и минимизации их последствий;

- реализация мер правового и информационного характера по недопущению использования этнического фактора в избирательном процессе и в партийных программах;

- обеспечение реализации прав граждан на свободу совести и свободу вероисповедания без нанесения ущерба религиозным чувствам верующих и национальной идентичности граждан России;

- разработка и реализация с участием институтов гражданского общества региональных и муниципальных программ по противодействию экстремизму;

- проведение социологических исследований по вопросам противодействия экстремизму, а также оценка эффективности действий органов государственной власти и органов местного самоуправления по профилактике экстремизма;

- своевременное реагирование органов государственной власти, органов местного самоуправления и институтов гражданского общества на возникновение конфликтных и предконфликтных ситуаций;

- мотивирование граждан к информированию государственных органов о ставших им известными фактах подготовки к осуществлению экстремистской деятельности, а также о любых обстоятельствах, которые могут способствовать предупреждению экстремистской деятельности, ликвидации или минимизации ее последствий;

г) в сфере государственной миграционной политики:

- совершенствование миграционной политики государства в части, касающейся привлечения иностранных работников и определения потребности в иностранной рабочей силе;

- пресечение криминальных и коррупционных механизмов в процессе реализации миграционной политики и оперативное реагирование на выявленные факты нарушений в этой области;

- совершенствование мер по противодействию организаций незаконной миграции и незаконному осуществлению, трудовой деятельности иностранными гражданами и лицами без гражданства;

- развитие двустороннего взаимодействия с иностранными государствами, в том числе по вопросам подготовки иностранных граждан к временному проживанию в Российской Федерации;

- совершенствование механизмов депортации, выдворения и реадмиссии иностранных граждан, нарушивших российское законодательство, а также механизма установления запрета на въезд таких граждан в Российскую Федерацию;

- усиление пограничного контроля и создание информационных систем учета иностранных граждан, пребывание которых на территории Российской Федерации является нежелательным;

- совершенствование программ социальной и культурной интеграции мигрантов в российское общество и их адаптации к условиям жизни в нем с привлечением к реализации и финансированию таких программ работодателей, получающих квоты на привлечение иностранной рабочей силы;

д) в сфере государственной информационной политики:

- осуществление мониторинга средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет", в целях выявления фактов распространения идеологии экстремизма, экстремистских материалов и незамедлительного реагирования на них;

- совершенствование процедуры ограничения доступа на территории Российской Федерации к информационным ресурсам, распространяющим экстремистскую идеологию, путем создания единого реестра запрещенных сайтов и единой базы экстремистских материалов;

- принятие эффективных мер по недопущению ввоза на территорию Российской Федерации экстремистских материалов, а также по их изготовлению и распространению внутри страны;

- использование возможностей государственных средств массовой информации в целях сохранения традиционных для России нравственных ориентиров, межнационального и межконфессионального согласия, а также приобщения молодежи к ценностям российской культуры;

- оказание содействия средствам массовой информации в широком и объективном освещении деятельности органов государственной власти по противодействию экстремизму и терроризму в целях формирования в обществе нетерпимого отношения к распространению экстремизма;

- проведение тематических встреч с представителями средств массовой информации и интернет-сообщества в целях противодействия распространению идеологии экстремизма;

- подготовка и размещение в средствах массовой информации, в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет», социальной рекламы, направленной на патриотическое воспитание молодежи;

- координация осуществления мер информационного противодействия распространению экстремистской идеологии в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (в том числе в социальных сетях), а также проведение на системной и регулярной основе работы с привлечением видных деятелей культуры, науки, авторитетных представителей общественности, информационного сообщества, конфессий и национальных общин по разъяснению сути противоправной деятельности лидеров экстремистских организаций;

- информирование граждан о работе субъектов противодействия экстремизму, в том числе о выявлении ими организаций, которые дестабилизируют социально-политическую и экономическую ситуацию в Российской Федерации и способствуют возникновению конфликтов между

традиционными конфессиями;

- подготовка и распространение информационных материалов о предупреждении и пресечении экстремистской деятельности, ориентированных на повышение бдительности российских граждан, формирование у них чувства заинтересованности в противодействии экстремизму, а также чувства сопричастности деятельности государства в этой сфере;

- повышение эффективности работы уполномоченных органов государственной власти по выявлению и пресечению изготовления и хранения, а также распространения в средствах массовой информации и (или) информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет», экстремистских материалов, символики и атрибутики экстремистских организаций, иных материалов, содержащих призывы к религиозной и национальной вражде;

- создание и эффективное использование специализированных информационных систем в целях обеспечения правоприменительной практики в сфере противодействия экстремизму;

е) в сфере образования и государственной молодежной политики:

- включение в региональные и муниципальные программы по развитию образования и воспитанию несовершеннолетних мероприятий по формированию у подрастающего поколения уважительного отношения ко всем этносам и религиям;

- организация досуга детей, подростков, молодежи, семейного досуга, обеспечение доступности для населения объектов культуры, спорта и отдыха, создание условий для реализации творческого и спортивного потенциала, культурного роста граждан;

- осуществление мер государственной поддержки системы воспитания молодежи, на основе традиционных для российской культуры духовных, нравственных и патриотических ценностей;

- проведение в образовательных организациях занятий по воспитанию патриотизма, культуры мирного поведения, межнациональной и межконфессиональной дружбы, по обучению навыкам бесконфликтного общения, а также умению отстаивать собственное мнение, противодействовать социально опасному поведению, в том числе вовлечению в экстремистскую деятельность, всеми законными средствами;

- включение в учебные планы, учебники, учебно-методические материалы тем, направленных на воспитание традиционных для российской культуры ценностей;

- повышение профессионального уровня педагогических работников, разработка и внедрение новых образовательных стандартов и педагогических методик, направленных на противодействие экстремизму;

- обеспечение активного участия коллегиальных органов управления образовательных организаций в профилактике экстремизма среди учащихся и студентов;

- проведение социологических исследований социальной обстановки в образовательных организациях, мониторинга девиантного поведения молодежи, анализа деятельности молодежных субкультур в целях выявления фактов распространения экстремистской идеологии;

- повышение престижности образования, полученного в российских религиозных образовательных организациях, а также осуществление мер государственной поддержки системы общественного контроля, за выездом российских граждан для обучения в иностранных религиозных образовательных организациях;

- включение в федеральный государственный образовательный стандарт по специальности журналистика образовательных программ по информационному освещению вопросов противодействия экстремизму;

- усиление роли общественных советов при федеральных органах исполнительной власти в деятельности по воспитанию патриотизма и формированию гражданского самосознания у молодежи;

- взаимодействие с молодежными общественными объединениями и организациями футбольных болельщиков в целях профилактики экстремистских проявлений при проведении массовых мероприятий;

ж) в сфере государственной культурной политики:

- формирование в Российской Федерации межконфессионального и внутриконфессионального взаимодействия в целях обеспечения гражданского мира и согласия;

- включение в программы подготовки работников культуры, изучения основ духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации;

- содействие активному распространению идеи исторического единства народов Российской Федерации;

- государственная поддержка общественных и религиозных объединений, деятельность которых направлена на противодействие экстремистским проявлениям;

- использование потенциала институтов гражданского общества, в том числе ветеранских и молодежных организаций, в целях воспитания граждан в духе патриотизма, обеспечения единства российского народа, формирования в обществе неприятия идеологии экстремизма, использования насилия для достижения социальных и политических целей;

- государственная поддержка создания телевизионных программ и художественных произведений, направленных на профилактику экстремистских проявлений;

з) в сфере международного сотрудничества:

- укрепление позиций Российской Федерации в международных организациях, деятельность которых направлена на противодействие экстремизму и терроризму;

- развитие международного, межкультурного и межрелигиозного взаимодействия как эффективного средства противодействия распространению идеологии экстремизма;

- совершенствование взаимодействия с правоохранительными органами и спецслужбами иностранных государств в сфере противодействия экстремизму;

- обмен с иностранными государствами передовым опытом в вопросах противодействия экстремизму и распространения его идеологии, а также создание условий для использования эффективных наработок в данной сфере;

- продвижение в двусторонних и многосторонних форматах российских инициатив по вопросам противодействия экстремистской деятельности, в том числе осуществляемой с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»;

- заключение с иностранными государствами соглашений, направленных на решение задач в сфере противодействия экстремизму и терроризму.

1.3. Историко-культурный генезис экстремизма

Для понимания сущности экстремизма помимо вскрытия причин, условий возникновения и существования, требуется глубокое изучение историко-культурных корней данного феномена.

Противодействие этому деструктивному явлению, его содержание и особенности привлекали и привлекают внимание не только отечественных, но и зарубежных правоведов, политологов, философов, историков не только на современном этапе, но и в историческом прошлом.

Так Российский революционный экстремизм XIX-XX вв. нашел свое отражение в работах таких представителей отечественной правовой и философской мысли, как И.А. Ильин, Н.А. Бердяев, П.И. Новгородцев, Г.В. Плеханов, К.П. Победоносцев, Л.А. Тихомиров, М.Н. Катков и др.

В истории экстремизма в России выделяются два крупных периода.

Исторически экстремизм в России, пройдя XIX-XX вв. этап политического, в конце XX и начале XXI в. получил свое продолжение в виде национально-религиозного. Эти два периода разделены эпохой существования Советского Союза, социальная политика которой была достаточно эффективной в борьбе и профилактике экстремизма.

Первый период оставил отпечаток на социально-политических процессах в Российской империи, приведших к революционному перевороту, и опосредованно повлиял на дальнейшие судьбы страны, во многом предопределив черты второго этапа, в котором главенствуют идеи национально-религиозного экстремизма.

При этом мы отмечаем, что первый период получил в советской историографии и общественно-политической литературе однобокое освещение, при котором выделялась прогрессивная сущность политического терроризма, его «обновляющая» роль в общественном развитии. Террор рассматривался как инструмент освободительного движения.

Революционный экстремизм в России конца XIX – начала XX в. сформировался как социальное явление, отразившее социально-политическую структуру, менталитет и исторические традиции.

Экстремизм получил распространение на фоне углубляющегося конфликта и противостояния между самодержавным строем и радикальными оппозиционными слоями общества.

Исторические исследования показывают, что начатый с реформ 1860-х гг. процесс перехода к конституционной монархии оказался нерешительным и замедленным, провоцируя общественное недовольство. Ряд непродуманных действий, стесняющих свободу университетской жизни, вызывал вспышки студенческих волнений. Вместо компромиссных форм взаимодействия укоренялись жесткие, антагонистические формы противостояния и борьбы.

В такой обстановке, не имея других механизмов влияния на судьбу страны, оппозиционные элементы стали чаще прибегать к исключительным, преступным действиям, в том числе к таким, как политический террор. В программных документах многих террористических кружков и сообществ указывалось на применение террора как ответной меры на репрессии правительства.

Террористические настроения в условиях абсолютной самодержавной власти подогревались иллюзиями быстрого и сравнительно легкого, обновления страны с помощью физического устранения самодержца, его окружения, дестабилизации с этим системы государственного управления. Это тем более казалось привлекательным на фоне провала «хождения в народ» и развеявшейся мечты о близкой крестьянской революции. Отсюда ориентация лишь на узкий круг заговорщиков и использование террора как детонатора к революционному возбуждению народа.

Результатом первого периода стала смена общественно-политического строя в России, которая сопровождалась активным применением насилия к населению страны, при формировании государственного аппарата, обеспечившего жесткое репрессивное управление.

Историко-культурный анализ показывает глубокую связь и аналогию современной психологии экстремизма с паттернами революционной экстремистской деятельности, которая на протяжении всего XIX в. росла и крепла в Российской Империи, а затем выплеснулась в ужасающих формах революционного террора.

Второй период подъема экстремистских настроений, который приходится на наши дни, также имеет свою специфику. В этот период социальную базу экстремистских группировок составляют люди, относимые к категории социальных аутсайдеров, не сумевшие адаптироваться к новым условиям жизни (молодежь, не имеющая образования и достойного уровня жизни, безработные, лица, уволенные по сокращению из вооруженных сил и других силовых структур). Кроме этого, некоторые формы экстремизма имеют исторические корни, что, разумеется, никак не служит его

оправданию.

Оживление экстремизма в России произошло в начале 1990-х гг. в связи с усилением кризисных явлений в экономической, социальной и политической сферах. Распад СССР спровоцировал многочисленные социальные проблемы, главной из которых стало большое социальное и имущественное расслоение населения. Советское общество вдруг перестало быть «единым», «монолитным» и «непротиворечивым», оно перестало функционировать как единый организм, спаянный едиными целями, идеями, общими ценностями. Рост социальной напряженности привел к появлению групп, стремящихся изменить сложившиеся порядки, в том числе и насильственными методами.

Постперестроечный период оказался весьма сложным этапом для молодой демократической России. Вся страна была занята проблемами гораздо более глобальными, нежели дела молодежи. Передел сфер влияния в преступном мире, финансовые махинации, коррупция, массовая алкоголизация и наркомания, безработица, кровопролитная чеченская война – все это способствовало тому, что, пользуясь своей безнаказанностью, эти молодежные группировки взрослели, приобретали опыт, налаживали связи, привлекали новые кадры.

Социальная дезорганизация граждан, по мнению многочисленных исследователей, является главной причиной возникновения и распространения экстремизма в современной России.

Этнический негативизм стал возрастать уже в последние годы существования СССР. В 1989 г., судя по данным ВЦИОМ (руководитель Ю. Левада), признаки открытой ксенофобии обнаруживались примерно у 20 % населения СССР, агрессивной этнофобии и того меньше – около 6-12%, в зависимости от региона. Однако уже в 1990 г. социологические показатели острой этнической антипатии выросли до 35-40%, а в зонах этнических конфликтов охватывали почти все население. В постсоветской России, в условиях революционного слома всей системы советских отношений, отмеченные тенденции усилились, хотя кратковременные волны подъема ксенофобии (1992-1993 гг. и 1994-1996 гг.) сменялись сравнительно длительными периодами относительной стабилизации. Лишь после экономического кризиса 1998 г. и особенно после серии террористических актов в городах России и начала «второй чеченской войны» рост ксенофобии стал стремительным и неудержимым. В начале, устойчивый рост проявлялся только в динамике античеченских настроений, а после 2000 г. распространился на многие другие разновидности этнических фобий. С этого времени примерно 2/3 респондентов, опрошенных социологами ВЦИОМ, демонстрировали различные формы неприязни к представителям других национальностей.

В России переходный период от одной социально-экономической системы к другой на протяжении двух десятилетий сопровождался самыми варварскими проявлениями религиозно-политического экстремизма, начиная

с угроз и физического устранения политических конкурентов и заканчивая втягиваем целых народов в междоусобные войны. При этом цель была одна – передел власти, сфер влияния, материальных и энергетических ресурсов. И если в конце 80-х-начале 90-х гг. эти процессы были инициированы распадом Советского Союза и мировой социалистической системы, то в последующее десятилетие проявлениями политического экстремизма стали охвачены практически все государства постсоветского пространства и бывшие социалистические страны. Особенно остро это на себе ощутили такие страны, как Югославия, Албания, Румыния, Грузия, Таджикистан, Узбекистан, и конечно, Россия.

Корни экстремизма в этих странах лежат в тех явлениях и процессах, которые происходили и в определенной степени продолжают происходить. Суть их состоит в следующем.

А) *Духовно-идеологический аспект:*

- Размывание прежних идеалов и духовно-идеологических ценностей и поиск новых;
- Реакция на отторжение коммунистической (социалистической) модели общества, которая была основана на принципах интернационализма;
- Падение престижности и привлекательности для молодежи образования и науки, деградация образовательных и научных структур.

Б) *Политико-экономический аспект*:

- Децентрализация управления обществом, отказ от планово-директивной системы хозяйства и переход к рынку;
- Серьезные экономические трудности, приведшие к обнищанию (люмпенизации) широких слоев населения, безработица и деквалификация рабочих и инженерно-технических кадров;
- Появление большого количества мигрантов, беженцев и вынужденных переселенцев в условиях полного отсутствия государственной политики и государственного влияния в этой сфере.

В) *Этнокультурный и социально-психологический аспект*:

- Чувство национального унижения, возникшее после распада СССР;
- Отчетливая национальная окрашенность ряда криминальных группировок, что вызывает сложности во взаимоотношениях различных национально-этнических групп населения;
- Усиление в слоях общества тяги к «сильной руке», к силовым, революционным способам решения сложных политических и экономических проблем;
- Возрастание в обществе страха, неуверенности и как психологической реакции на эти настроения – нетерпимости;

- Привыкание к насилию в результате ожесточенных конфликтов на постсоветском пространстве, роста криминогенности в обществе, что приводит к допустимости насилия как наиболее предпочтительного метода достижения целей.

Г) *Правовой аспект:*

- Ослабление институтов власти, в том числе и правоохранительной системы;
- Неотработанность антиэктремистской законодательной базы и правоприменительной практики.

Наиболее существенным фактором, который воздействует на потенциальную активизацию экстремистских действий части населения, является социальная дискриминация как следствие непродуманной политики государства, которая начала осуществляться в годы преобразований в конце 80-х-начале 90-х гг.

Необходимо избегать давления, скучных наставлений и морализаторства, агрессивных попыток убеждения. Экстремистская идеология строится на «черно-белом» понимании мира, возвышении одних ценностей и принижении других. Чем проще идеи в основе экстремистской пропаганды, тем она эффективнее, так как в моменты угроз (мнимых или реальных) людям свойственно думать упрощенно. Поэтому преподаватели должны обращать внимание учеников не только на идеологические нестыковки в экстремистской пропаганде, но и на раскрытие логики мышления экстремиста. Это позволяет снизить риски радикализации, так как учащиеся начинают критически воспринимать экстремистские материалы, понимать реальные причины и манипулятивные технологии[1].

Парадоксальная диалектика духовной жизни может, таким образом, быть выражена в следующей форме: подлинная духовная безопасность личности, т.е. возможность раскрытия подлинного существования «я», обретения им стойкости перед угрозами духовного зла и осуществления сотериологической потенции (если продолжать эту мысль в теологической перспективе), возможна лишь через экзистенциальные потрясения и «деструкцию» обыденного сознания[2].

---

[1] Мухаметзарипов И.А. Европейские программы дерадикализации сторонников экстремистских и террористических организаций. Учебное пособие. Казань: Изд-во АН РТ, 2017. С.40.

[2] Чудинов С.И. Духовная безопасность и турбулентное общество в философской рефлексии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 12(74): в 3-х ч. Ч. 2. С. 199.

ГЛАВА 2. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЭКСТРЕМИЗМА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ*

2.1. Интеграция иностранных граждан как фактор предотвращения формирования экстремистских настроений в обществе

Миллионы мигрантов находятся на территории нашей страны, большая часть из которых не осознают того факта, что они в ином государстве, со своими традициями, обычаями и, конечно же, – законами. А это значит, что общество и государство должны так выстроить взаимоотношения с ними, чтобы соблюдались права и законные интересы, как российских граждан, так и мигрантов. Добиться этого можно только в результате целенаправленной работы в области адаптации и интеграции мигрантов, эффективность данной деятельности напрямую будет зависеть от исследования факторов, оказывающих влияние на социально-культурную и правовую адаптацию иностранных граждан. Выявление и изучение критериев позволит определить степень эффективности данного процесса.

Работа по интеграции мигрантов должна проводиться с учетом привития чувства уважения к российским законам, культуре, обычаям, традициям и принятым в обществе правилам поведения. Прочный межнациональный мир возможен только тогда, когда различные этнические группы с уважением относятся друг к другу и к своему духовному наследию, а это возможно только при целенаправленном моделировании адаптационного процесса.

Термин «адаптация» подразумевает многомерные процессы, итогом которых является достижение равновесия социально-экономической системы. Социальная адаптация – это результат, итог целенаправленного накопления количественных и качественных изменений с целью приспособления индивидов или групп индивидов к новым условиям социальной среды, за счет умения анализировать текущие социальные ситуации, контролировать и сдерживать свое поведение, способности изменять и влиять на условия, в которых происходит адаптация[1].

При нарушении процесса адаптации в новой социально-культурной и правовой среде мигрант оказывается в состоянии дезадаптированности. При этом присущие состоянию адаптированности положительные психологические характеристики отсутствуют. Дезадаптированность также выражается в неспособности мигранта жить в гармонии со своими собственным потребностям и притязаниям. В результате возникает длительное переживание внешних и внутренних конфликтов.

Важным аспектом социальной адаптации является принятие мигрантом определенной социальной роли. Можно говорить о двух формах социальной

---

* Автор раздела – М.М. Нугуманов.

[1] Ромм М.В. Теоретико-методологические проблемы исследования социальной адаптации личности (информационный подход): Автореф. дис. канд. фил. наук / М.В. Ромм. Новосибирск, 1995. С. 10.

адаптации: активной, когда мигранты стремятся воздействовать на среду с тем, чтобы вызвать реакцию изменения (в том числе тех норм, ценностей, форм взаимодействия и деятельности, которые он должен освоить), и пассивной, конформной, когда они не стремится к такому воздействию и изменению.

Успешность социально-культурной и правовой адаптации зависит от характеристик, как самого мигранта, так и принимающей среды. Чем сложнее социальная среда, в которую мигранту предстоит интегрироваться, тем интенсивнее в ней происходят изменения, и тем более трудным для мигрантов оказывается процесс адаптации. В сложных проблемных ситуациях адаптивные процессы протекают с участием не отдельных, изолированных механизмов, а их комплексов, которые используются в сходных социальных ситуациях, закрепляются и становятся характерными для личности мигранта.

В различных жизненных условиях социально-культурная адаптация подразделяется на добровольную и вынужденную. Добровольная адаптация происходит посредством согласования в процессе жизнедеятельности человека в принимающей социальной среде системы новых ценностных ориентаций, убеждений, идеалов, которые не противоречат прежней системе взглядов и ценностей индивида, то есть принимаются им добровольно без сопротивления.

Вынужденная адаптация происходит в случае, когда новая социальная среда предъявляет те требования мигранту, которые вступают в противоречие с системой нравственно-моральных и социальных принципов мигранта. Характеристики и свойства новой для субъекта среды жизнедеятельности, не соответствуют и противоречат его ценностно-нормативным установкам. Однако, при этом, субъект не может не принять эти характеристики[1].

То есть, в отличие от добровольной адаптации, вынужденная адаптация жёстко заставляет человека принять новые условия жизнедеятельности. Не сделав этого, он не сможет не только найти новую для себя социальную нишу и новые возможности самореализации, но и утратит имеющиеся.

Вопросы налаживания взаимоотношений с местным населением, трудоустройства, образования и другие социально значимые проблемы являются особенно актуальными в процессе адаптации иностранных граждан в местах нового проживания.

Необходимость налаживания взаимоотношений с местным населением, а также обустройства их расселения по типу «село-город», являются немаловажными факторами успешной адаптации иностранных граждан. Эти факторы важны, поскольку на прежнем месте жительства иностранные граждане пользовались преимуществами бытовой и социокультурной

[1] Шабанова М.А. Социальная адаптация в контексте свободы // Социс. 1995. № 9. С. 83.

обустроенности городской жизни, а также привилегиями «господствующей» этнонациональной группы.

Адаптирующиеся мигранты, независимо от страны выхода будут иметь отличные культурные особенности от социокультурного пространства принимающей страны. Поэтому, в первую очередь, необходимо учитывать, что иностранный гражданин – носитель специфической культуры и субкультуры.

Нередко низкий уровень толерантности местного населения становится причиной непонимания и приводит к появлению взаимной нетерпимости, следствием которой становятся социальные и межэтнические конфликты. Необходимо учитывать, что иностранные граждане являются носителями своей уникальной национальной культуры, само их присутствие в принимающем социуме запускает многие социальные процессы, в том числе обогащает и привносит этнокультурное разнообразие в общество страны резидента. Иностранные граждане нередко являются постоянным объектом недовольства и негативного отношения. Полная социальная изоляция и почти невозможная адаптация происходит у иностранных граждан из дальнего зарубежья, только небольшое количество способно завести близкие и дружеские знакомства среди местных жителей. Вследствие этого даже после продолжительного периода проживания в России мигранты не осваивают русский язык и не включаются в социокультурную и даже правовую структуру принимающего социума[1].

Прибывая в Россию, иностранные граждане попадают в иную правовую систему, в которой действуют иные нормы права, регулирующие все сферы общественной жизни, в том числе взаимоотношения иностранных граждан с институтами государственной власти.

Необходимо учитывать, что правоохранительная и судебная система в силу ряда объективных причин не воспринимаются мигрантами как институты, стоящие на службе защиты их прав и законных интересов. Иностранные граждане, проходя социализацию и адаптируясь к условиям мест вселения в Российской Федерации, ощущают отсутствие привычного контроля и надзора за правомерным поведением, и совершают на данной почве акты противоправного поведения. Актуальность данной проблемы вызвана еще и тем, что преступления, совершаемые мигрантами, вызывают огромный общественный резонанс, провоцируют на разжигание ксенофобии, ненависти по признакам расы, национальности и вероисповедания. Особую остроту этот вопрос приобрел в последнее время не только на федеральном уровне, но и на региональном. Существенный рост экстремизма в стране вызывает серьезную обеспокоенность. Вышеуказанная проблема в совокупности с активизацией миграционных процессов, обуславливающих приток мигрантов из стран Азиатско-Тихоокеанского региона, приобретает

[1] Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А. Социально-психологическая адаптация вынужденных мигрантов // Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы. М.: 2001. С. 83.

особую остроту и требует повышенного внимания к формированию системы государственных органов Российской Федерации, осуществляющих учет иностранных граждан и контроль за их поведением.

На правовую адаптацию иностранных граждан влияет возникшее с начала 90-х годов XX века и существующее в некоторых аспектах по сей день отношение местной власти и государства. Не менее распространены и до сегодняшнего времени жалобы представителей диаспор на дискриминацию и притеснения со стороны властей.

Подобная политика ведет к возникновению правового нигилизма, мигранты не верят в силу закона и правомерность действий государственных институтов, как следствие возникает потребность и привычка искать неформальные, а порой и противозаконные пути решения своих проблем.

Зачастую, иностранные граждане хотят получить гражданство РФ, не зная, что до подачи указанного заявления, необходимо пройти ряд процедур и получить необходимые документы. Недостаточная правовая подготовка и, как следствие, нарушение миграционного законодательства оборачивается конфликтом с сотрудниками миграционной службы, лишая тем самым мигранта возможности на дальнейшую легальную интеграцию в российское общество. Зная, что срок действия регистрации истек, они продолжают находиться на территории России, рискуя в дальнейшем не получить разрешение на трудовую деятельность и временное проживание.

Низкая правовая осведомленность иностранных граждан порождает еще как минимум два аспекта исследуемой проблемы. Первый аспект заключается в том, что многие иностранные граждане порой не могут определить, что их права были нарушены, они не рискуют оспаривать действия работодателей либо представителей официальных властей: не знают, в какие официальные структуры следует обращаться, чтобы защитить свои нарушенные права. Это вынуждает мигрантов руководствоваться иными нормами права, вытекающими из традиций и обычаев, зачастую сложившихся и действующих внутри диаспор.

Второй аспект связан с социальной сферой и обуславливается незнанием мигрантов о вакансиях на рынке труда, о государственных программах трудоустройства и иных видах государственной поддержки, о доступности необходимых медицинских и образовательных услуг.

Явно недостаточна и роль неправительственных организаций в деле защиты прав иностранных граждан. Немногочисленные действующие организации не получают поддержки государства и работают, как правило, на деньги международных спонсоров.

Деятельность российской правоохранительной и судебной системы на практике сводится к проверке легальности пребывания иностранных граждан, соблюдению ими миграционного законодательства, в случае выявления нарушений принимаются все меры по обеспечению их отъезда.

Нередки случаи, когда сами работники правоохранительных органов посягают на права и свободы мигрантов, производят незаконные задержания,

требуют предоставления избыточного перечня справок и документов, снабжают недостоверной информацией, что приводит к значительным потерям времени и сил у потребителей таких «государственных услуг» и в значительной мере провоцирует рост коррупции.

Отдельно стоит выделить такие важные факторы как помощь и содействие интеграции мигрантов в социальную среду со стороны национально-культурных объединений – диаспор. Данные факторы с нашей точки зрения являются наиболее значимыми в адаптационном процессе.

Мигранты из многих стран, работающие в России, поддерживают очень тесные контакты с национальными объединениями (диаспорами), действующими в нашей стране, получая от них поддержку и помощь в поиске жилья и работы.

Под диаспорой (от греч. – «рассеяние») понимается – часть народа (этноса), проживающая вне страны своего происхождения, образующая сплочённые и устойчивые этнические группы в стране проживания, и имеющая социальные институты для поддержания и развития своей идентичности и общности.

В настоящее время в России насчитывается значительное количество национально-культурных объединений. Многие из них представляют собой достаточно хорошо организованные структуры со своим уставом, финансовым обеспечением, выборными органами управления. К примеру, Всероссийская афганская диаспора имеет свой сайт, в состав органов её управления входят люди, занимающие достаточно высокое социальное положение. Бюджет формируется не только из взносов членов диаспоры, но и за счет инвестиций, торговой и иной деятельности осуществляемой диаспорой. Согласно уставу данной диаспоры основу деятельности составляет защита гражданских прав и свобод афганцев, проживающих на территории Российской Федерации в соответствии с принципами Всеобщей декларации прав и свобод человека и законодательства Российской Федерации.

В качестве целей обозначены такие направления деятельности как содействие в трудоустройстве и поиске жилья, предоставление гуманитарной, юридической, консультационной помощи афганцам, непрерывная деятельность по установлению взаимно-дружественных отношений с народом России и реализация мер по обеспечению добрых отношений между государствами и народами России и Афганистана, борьба с дискриминацией и нацизмом.

И это не единичный пример. Анализ деятельности национально-культурных объединений позволяет сделать вывод, что на сегодняшний день наше государство и лидеры национально-культурных объединений мигрантов понимают высокое значение совместной работы и деятельности по оказанию помощи в интеграции и адаптации мигрантов в местах вселения. Очень высока роль национальных диаспор в выстраивании правового диалога между мигрантами и органами государственной власти, их

ориентирования на соблюдение российского законодательства, уважение культурных традиций титульного населения.

С другой стороны, некоторые национально-культурные объединения мигрантов представляют собой компактные поселения, жители которых на протяжении многих поколений сохраняют свою культуру, язык, поддерживают прочные социальные и экономические связи внутри диаспоры и с родиной. Этим, к примеру, объясняется и психологический феномен чайнатауна: там, где есть китаец, есть и Китай. Проживая в таких поселениях, мигранты успешно проходят социально-культурную и правовую адаптацию, но их интеграция в социальную структуру российского общества не происходит, поскольку необходимая социальная среда существует внутри диаспоры и удовлетворяет всем потребностям мигранта. Таким образом, данные поселения выступают самостоятельным взаимодействующим элементом социальной структуры, но не интегрируются в неё. Влияние подобных объединений с высокой долей вероятности отрицательно скажется на социально-культурной и правовой адаптации.

Анализ критериев и факторов социально-культурной и правовой адаптации показывает, что в каждом регионе присутствуют свои уникальные особенности, которые обуславливают неповторимость исследуемых социальных процессов. В тоже время, в соответствии с требованиями общенаучного принципа о выявлении устойчивости, инвариантности в многообразных связях и изменениях нами выявлена совокупность факторов, влияющих на адаптацию мигрантов и критериев, на основе которых можно судить о степени успешности прохождения адаптационного процесса.

К выявленным критериям относятся:

- социальный статус, материальное положение;
- психологическое самочувствие, психологическая удовлетворенность социальной средой;
- стремление к перемещению в другую социальную среду, к смене места жительства, желание покинуть принимающий социум и государство;
- конфликтность с членами принимающего общества, коллектива, группы;
- уровень социализации;
- реализация внутреннего потенциала, проявление своих конструктивных, творческих возможностей;
- соответствие результата выполняемой деятельности и поставленной цели;
- характер трудовой деятельности;
- наличие личных взаимоотношений, наличие друзей, товарищей, знакомых;
- степень принятия культурных норм, обычаев, правил поведения принятых в инородном обществе;
- владение правовой информацией, знание законов;
- владение русским языком;

- правомерное поведение;
- направленность социальной установки.

В основе выявленных критериев лежат культурологический и этносоциологический подходы.

Культурологический подход объясняет человеческое поведение через господствующие в обществе социоцентрические нормы, ценности и правила поведения. Человеческое поведение не может осуществляться без влияния культуры. Культурологический подход рассматривает развитие через исторические типы культуры.

Этносоциологический подход позволяет выделить не только отдельные аспекты миграции, наряду с социальными, экономическими, правовыми, но и рассмотреть миграцию на более глубоком уровне через понимание её механизмов, с учетом исторических традиций народа, в том числе отражающих прежний миграционный опыт. Данный подход позволяет рассматривать концепцию культуры народа как коллективный способ адаптации к окружающей природной и социальной среде.

На основе выделенных критериев, можно охарактеризовать иностранных граждан которые успешно прошли социально-культурную и правовую адаптацию. Данные мигранты освоили достаточное количество социальных навыков, которые обеспечили приобретение высокого социального статуса. Трудовая деятельность осуществляется ими в соответствии с профессиональными навыками, и(или) в желаемой области, позволяет в полной мере реализовать свой внутренний потенциал, проявить свои творческие возможности. Присутствует психологическая удовлетворенность социальной средой, они бесконфликтно существуют в принимающем обществе и коллективе, психологическое самочувствие характеризуется хорошим настроением, уверенностью в завтрашнем дне, высокой продуктивностью в повседневных делах и отсутствием фрустрации. Тесные взаимоотношения с членами принимающего общества проявляются в наличии друзей и знакомых, которые могут оказать помощь в сложной кризисной ситуации.

Культурные традиции, правила поведения, принятые в инородном социуме, полностью принимаются ими, они вырабатывают способность таким образом соединить различные ценности, чтобы освоить и принять новые культурные нормы и правила, при этом сохранить собственную самобытность. Здесь можно говорить о проявлении духовного синтеза как неотъемлемого критерия социально-культурной адаптации.

Владение русским языком и правовыми знаниями характеризуется как высокое. Мигранты хорошо представляют действие законов, эффективно используют их для реализации собственных правомерных целей. Правосознание достаточно развитое. Материальное положение позволяет приобрести вещи длительного пользования без ущерба для бюджета семьи. Они ориентированы в долгосрочной перспективе на проживание в Российской Федерации. Социальная установка имеет положительную

направленность, несет созидательный эффект по укреплению межкультурного взаимодействия и поддержания правопорядка.

Владение русским языком и правовыми знаниями характеризуется как низкое. Мигранты не знают законов и соответственно не могут защитить свои права. Возникает необходимость искать неформальные, а порой и противозаконные решения своих проблем. Данная категория мигрантов не ориентирована на проживание в России в долгосрочной перспективе, они мечтают уехать из неё. Социальная установка имеет отрицательную направленность, несет разрушительное действие в межкультурных, межнациональных связях, подрывает основы правопорядка.

К выявленным факторам относятся:

- миграционная политика государства;
- степень различия правовых систем двух государств;
- правовой режим, установленный для иностранных граждан.
- реальное закрепление и реализация прав и свобод мигрантов;
- содействие в адаптации со стороны национально-культурных объединений;
- правовая культура принимающего социума;
- индивидуальные характеристики мигранта (наличие прошлого адаптивного опыта, профессиональная подготовка, образование);
- тип расселения мигрантов (общинно-компактный или разрозненный).

К факторам, оказывающим непосредственное влияние на правовую адаптацию, относятся: степень различия правовых систем двух государств и правовая культура принимающего общества, иные факторы оказывают косвенное влияние.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что долгосрочное стратегическое планирование миграционной политики должно лежать в сфере обеспечения легализации возрастающего числа трудовых мигрантов. Данная стратегия обуславливается как потребностью России в восполнении демографических потерь и обеспечении ведущих отраслей экономики рабочей силой, так и потребностью стран-доноров перераспределить свои трудовые ресурсы.

Проведенный анализ критериев и факторов правовой адаптации свидетельствует, что большинство проблем в сфере привлечения и использования иностранной рабочей силы были обусловлены отсутствием стратегического компонента в управлении миграцией. Такой стратегический компонент получил свое методическое и институциональное обеспечение, и был внедрен в практику управления миграционными процессами, путем разработки концепции государственной миграционной политики. Поскольку государственная миграционная политика предполагает долгосрочную поэтапную реализацию, большинство проблем связанных с миграцией на сегодняшний день сохраняются.

Анализ факторов социально-культурной адаптации позволяет сделать вывод, что на сегодняшний день правительство Российской Федерации и

лидеры национально-культурных объединений понимают острую необходимость в расширении и укреплении взаимного сотрудничества по адаптации и интеграции мигрантов в социальную структуру российского общества, ведению правового диалога ориентированного на построение взаимно-дружественных межнациональных отношений, исключающих всякое проявления дискриминации и расизма.

Проведенный анализ выявленных факторов и критериев социально-культурной и правовой адаптации иностранных граждан, позволяет выделить социологические переменные необходимые для разработки и обоснования методики исследования изучаемых адаптационных процессов.

Вместе с тем деятельность организованных преступных групп, построенных на этнической основе, попытки их влияния на органы государственной власти и органы местного самоуправления, коррупция, связанная с деятельностью этих групп, использование труда нелегальных мигрантов провоцируют рост националистических настроений, приводящих к межнациональным конфликтам. Отсутствие целенаправленной профилактической работы в среде этнических диаспор усиливает конфронтацию между коренным населением и представителями национальных меньшинств, продуцируя экстремистские проявления, имеющие широкий общественный резонанс.

Сегодня, когда на примере ряда соседних государств, а также стран Ближнего Востока и Северной Африки мы убедились в негативных последствиях заигрывания с такими явлениями, как радикальный национализм и радикальные религиозные течения. События последних лет в крупнейших столицах и городах Западной Европы в результате вспышки неконтролируемой миграции показали какую реальную угрозу для всего мирового сообщества, безопасности государств, социально-политической стабильности представляют проявления экстремизма в различных его формах и терроризма как наиболее опасной его разновидности.

Миграционные процессы имеют определяющее значение в системе детерминации преступлений экстремистской направленности. Воздействуя на различные стороны и процессы общественной жизни, миграция выступает в качестве составной части следующих детерминант, наиболее остро проявляющихся в Российской Федерации:

1) экономических (значительное влияние миграции на рынок труда);

2) социальных (формирование мест компактного проживания по этническому и религиозному признаку);

3) социально-психологических (отчуждение и социальная изоляция диаспоральных групп, приводящая к социальному сопротивлению, провокационное поведение);

4) организационно-управленческих (недостатки при принятии органами государственной власти комплекса предупредительных мер в миграционной сфере, недостаточная реакция со стороны

правоохранительных органов на совершение преступлений представителями диаспоральных групп);

5) идеологических (распространение экстремистской идеологии на основе национализма и религиозного фундаментализма);

6) криминальных (конкретные общеуголовные преступления представителей диаспоральных групп, деятельность организованных преступных групп, сформированных по этническому признаку).

Характерной для России негативной тенденцией миграции иностранных граждан является их вовлечение в функционирование криминальных рынков. К категории этих лиц, прежде всего, относятся иностранные граждане:

1) являющиеся участниками международных террористических и экстремистских организаций;

2) состоящие в организованных группах и преступных сообществах;

3) прибывшие в Российскую Федерацию с целью избежать уголовной ответственности или уклониться от исполнения уголовного наказания на территориях своих государств, а также отбывшие наказание на территории Российской Федерации;

4) скрывающиеся в Российской Федерации с целью избежать призыва на службу в Вооруженных Силах своих государств.

Последние две категории представляют собой питательную среду для пополнения участников организованных групп и преступных сообществ.

Как показывает международный опыт (прежде всего, США и Франции), в основе межэтнических и межконфессиональных конфликтов во многом лежит обособленность этнических диаспор. Мигранты, даже если они переезжают на постоянное место жительства, часто стремятся не адаптироваться в новой социально-экономической среде, а привнести в нее свой национальный менталитет, жить замкнутыми национальными анклавами по своим обычаям и даже открыто их демонстрировать и пропагандировать.

Переселенцы и экономические мигранты, приезжающие в Центральную Россию из-за границы либо из других регионов России, тоже зачастую пытаются создать обособленные закрытые анклавы. Вполне понятное стремление опереться на помощь земляков превращается в нежелание воспринимать новую этнокультурную среду. В своем замкнутом пространстве мигранты пытаются жить по своим законам и обычаям, не изучая ни норм права, ни традиций и обычаев местного населения.

Этнические диаспоры часто «привозят» с собою конфликты по отношению к другим этническим группам.

Замкнутость мононациональных и моноконфессиональных сообществ существенно искажает психику мигрантов, особенно подрастающего поколения, не позволяет им адекватно воспринимать окружающий мир и затрудняет их восприятие окружающим миром. Не предпринимая попыток ассимилироваться, поддерживающие друг друга приезжие зачастую ведут

себя вызывающе, агрессивно по отношению к не столь сплоченному местному населению. Следует учитывать, что местное население может воспринимать как вызов и агрессию даже такие особенности поведения «чужаков» (громкая речь, «развязная» походка, «приставание» к женщинам), которые практически не замечались бы, если бы их проявляли «свои». Когда мигранты культивируют свою обособленность от местного населения, то массовое сознание приписывает «чужакам» самые разнообразные пороки. Поэтому, в частности, пользуется большой популярностью мнение об очень высокой криминализованности диаспор.

В современной России замкнутость диаспор пока не достигла той остроты, как в США или во Франции: из-за низкой мобильности жилищного рынка этнические кварталы не получили распространения. (Хотя в городах Дальнего Востока уже начали появляться чайна-тауны.) Сплоченность членов этнических диаспор проявляется скорее в их сетевом (сплоченном) социально-экономическом поведении, чем в компактном расселении. Одной из форм проявления подобной сплоченности является формирование этнических молодежных группировок, которые формируются во многом на основе враждебности к русским.

Следует учитывать, что форму националистического экстремизма часто принимают социальные конфликты совершенно иной природы. В частности, в ряде регионов России истинной причиной так называемых межнациональных и межконфессиональных конфликтов являются чисто экономические интересы – в том числе, интересы криминалитета и отдельных групп коррумпированных представителей элит по переделу собственности и сфер теневого бизнеса.

Наряду с националистическим экстремизмом крайне опасным дестабилизирующим фактором является исламистский экстремизм, смыкающийся с исламистским терроризмом. Речь идет об интерпретации ислама как религии воинствующей нетерпимости к инаковерующим (включая мусульман иных толков), которая оправдывает применение против них любых форм насилия.

В современной России есть два основных региона, где ислам является главной конфессией и где популярны исламистские движения, – это республики Поволжья (прежде всего, Татарстан) и республики Северного Кавказа (особенно Чечня и Дагестан). Распространение идеологии исламизма в России - во многом результат пропагандистской деятельности радикальных международных исламских организаций. В Татарстане вооруженные организации радикально исламского толка не сложились – вероятно, в первую очередь, благодаря тому, что протестные настроения в «богатом» Татарстане распространены гораздо слабее, чем в «бедных» республиках Северного Кавказа. Тем не менее, на территории Поволжья тоже были попытки организации крупных терактов (в частности, на нефтеперерабатывающих предприятиях), что могло привести к кризисным ситуациям. Пропагандисты радикального ислама (в частности, ваххабизма)

действуют и в ряде других регионов России – в ряде крупных городов (Москва, Пермь), а также в Астраханской, Оренбургской, Свердловской, Ульяновской областях и др.

Деятельность международных исламских организаций, приобщающих российских мусульман к иным, не свойственным местной традиции трактовкам религиозных, а также общественно-политических вопросов, является, по мнению специалистов, одним из основных источников радикализации ислама в России.

Становление и развитие демократического общества в России вызвало наряду с другими явлениями в религиозном пространстве страны необычайно мощный всплеск активности приверженцев ислама, стремительно укрепляющих свои позиции. За короткое время количество мечетей возросло более чем в 100 раз, открылись десятки средних и высших медресе, появились многочисленные мусульманские средства массовой информации – печатные, радиоэлектронные и сетевые. Мусульмане получили возможность свободно исповедовать свою веру, обучаться за рубежом, выезжать на хадж.

К сожалению, процесс исламского возрождения в значительной мере омрачен прогрессирующим расколом духовных управлений мусульман (ДУМ), приведшим к появлению десятков соперничающих между собой муфтиятов. Раздробленность российской уммы способствует развитию межэтнических и внутрирелигиозных конфликтов, а также позволяет манипулировать исламом для прикрытия политических и даже чисто коммерческих интересов многочисленных «групп влияния».

В условиях Юга России особую опасность представляет активная вербовочная работа «джамаатов», вовлекающих молодых мусульман в лоно радикального ислама, организующих их выезд в зарубежные религиозные центры. Массовое направление молодых мусульман на обучение в зарубежные теологические центры, где преподаются основы радикального ислама, становится механизмом нарастающей радикализации российской уммы. Более 2 тысяч хорошо подготовленных выпускников уже возвратились в Россию. Начался процесс вытеснения (зачастую с использованием криминального насилия) имамов мечетей, проповедующих традиционный умеренный ислам, молодыми радикально настроенными выпускниками зарубежных исламистских школ и университетов.

На сегодняшний день имеется проблема распространения на территории республики идеологии международных террористических организаций «Хизбут-Тахрир аль-Ислами» и «Имарат Кавказ», деятельность которых сопровождается созданием подпольных ячеек различного рода «джамаатов», распространением экстремистской литературы, пропагандой «всемирного халифата».

Отмечается увеличение количества различных деструктивных организаций религиозной направленности, часть которых функционирует в качестве религиозных групп.

Активность при этом проявляют объединение «Орда» («Ата-жолы», «Путь предков»), «АлляАят», «Свидетели Иеговы», «Церковь Саентологии» и некоторые другие. Используя различные методики, они изменяют сознание и психоэмоциональное состояние граждан, а также манипулируют их отношением к устоявшимся традициям в обществе, формируют общественно опасное социальное поведение.

Как отмечают специалисты, наибольшую активность в пропаганде радикального ислама среди российских мусульман проявляют исламистские общественные организации из стран Ближнего Востока (Саудовской Аравии, Кувейта и др.). Помощь распространению радикального ислама осуществляется этими организациями по двум направлениям:

- собственно пропаганда путем организации обучения российских мусульман в тех зарубежных исламских институтах и университетах, где распространены идеи исламизма, а также проповеди идей исламизма непосредственно в России;
- финансовая помощь (включая прямые денежные вознаграждения) пропагандистам и сторонникам исламизма в России.

По данным исследователей развития ислама в России, распространение идей радикального ислама имамами и преподавателями медресе, выпускниками Саудовской Аравии и иных зарубежных стран, отмечено во многих регионах России. В результате мечети начинают использоваться для пропаганды экстремистских идей.

Основное внимание в международном сотрудничестве в сфере противодействия исламистскому экстремизму следует обратить на борьбу именно с исламистской пропагандой. Если по другим направлениям борьбы с исламским экстремизмом (в частности, финансовому) уже предприняты достаточно эффективные меры (в том числе при опоре на широкое международное сотрудничество), то идейно-теоретическая сторона пока остается без внимания российских властей.

Актуальность организации эффективного противодействия исламистской пропаганде для России определяется также тем, что российские духовные управления мусульман и иные официальные исламские центры не проявляют достаточной активности и умения в идейном противоборстве с исламистским экстремизмом, уходят от прямой полемики с исламскими радикалами по ключевым проблемам мусульманско-правовой теории, ограничиваясь общими декларациями. Традиционный российский ислам пока еще не готов предложить действенную идейную альтернативу взглядам исламских экстремистов.

2.2. Миграционные процессы в контексте проявления экстремистских настроений в обществе

Миграционное движение в Российской Федерации определяется, прежде всего, международной миграцией, оказывающей огромное социально-экономическое и демографическое воздействие. В последние четверть века массовая иммиграция иностранных граждан, прибывающих как на законных основаниях, так и незаконно, способствовала усилению межнациональных и межконфессиональных противоречий, нарастанию напряженности в обществе и росту экстремистских преступлений. В свою очередь преступления экстремистской направленности, порождая замкнутый круг неспровоцированного насилия и ответа на него в качестве расплаты, создают реальную угрозу раскола в обществе.

В последние годы под влиянием глобализации и военных конфликтов в мире наблюдается бурный рост масштабов миграционных процессов, которые по своим результатам неоднозначны и имеют амбивалентный характер. С одной стороны, миграционные процессы способствуют развитию экономики стран, что побуждает политиков содействовать иммиграции, с другой – несут угрозы государственной, общественной безопасности и безопасности личности.

Высокие риски проявлений экстремизма в современных миграционных процессах, широкий общественный резонанс и огромный материальный ущерб от совершаемых экстремистских актов, а также опасность политической нестабильности дают основание утверждать, что феномен экстремизма в миграционных процессах приобрел политическую окраску и представляет реальную угрозу национальной безопасности.

Экстремизм в миграционных процессах представляет собой сложное явление, вбирающее в себя два компонента: радикализацию общественных отношений миграционной направленности и экстремистскую деятельность в миграционной сфере.

Особенность экстремизма в современных миграционных процессах заключается в том, что радикализация миграционных отношений, которая, по нашему мнению, представляет собой процесс обострения миграционных настроений между субъектами миграционного процесса, несущий в себе потенциал ненависти и вражды между ними, развивается между парными субъектами миграционного процесса: мигранты – мигранты, мигранты – местное население, мигранты – органы местного самоуправления и проч., доводя обострение отношений между ними с уровня межличностной и групповой неприязни (радикальные настроения) до уровня вражды и ненависти друг к другу с участием больших людских масс (проявления экстремизма).

Именно радикализация миграционных отношений является источником и мотивом активизации экстремисткой деятельности лиц, групп и организаций в миграционных процессах. И наоборот, экстремистская

деятельность лиц, групп и организаций во многом ориентирована на разжигание вражды и ненависти между субъектами миграционных отношений, т.е. на радикализацию миграционных отношений. Таким образом, экстремизм в миграционных процессах одновременно характеризуется и радикализацией миграционных отношений, и экстремистской деятельностью радикально настроенных лиц, групп и организаций.

Миграция как сложное социально-политическое явление оказывает неоднозначное воздействие на социально-экономическую и политическую ситуацию в России. Миграционные процессы играют как положительную, так и отрицательную роль в ее развитии. Позитивное значение миграции заключается в том, что постоянный приток мигрантов, с одной стороны, восполняет демографические потери страны, а с другой стороны, компенсирует увеличивающийся дефицит рабочей силы. Статистические данные показывают, что в ближайшие десятилетия «демографическая яма» в России и ограниченные трудовые ресурсы во многом будут восполняться внешними миграционными потоками, что вынуждает руководство страны последовательно проводить иммиграционную политику, ориентированную на привлечение трудовых мигрантов.

Одновременно с этим, на фоне роста численности мигрантов, отчетливо видны и негативные стороны миграции:

− потоки нелегальных мигрантов стимулируют теневой сектор экономики и недобросовестную конкуренцию, вызывают обострение безработицы, уменьшают пополнение бюджета государства;

− ухудшается экологическая, инфекционная и эпидемиологическая обстановка;

− происходит отрицание и маргинализация, то есть утрата традиционных социально-культурных ценностей коренного населения под воздействием инокультурной низкокачественной миграции;

− нарастает криминализация отношений в обществе, вызванная, с одной стороны, недовольством мигрантами своим бесправным положением и необходимостью их выживания в условиях обостряющегося социально-экономического кризиса, а с другой стороны, формируются этно-, мигранто-, исламофобии, растет недовольство коренного населения, переходящее зачастую в условиях дисфункциональности управленческих и правоохранительных структур государства к внеправовым экстремистским способам отстаивания своих прав;

− сохраняется многочисленный отток коренного населения из Сибири и Дальнего Востока, приводящий к упадку в социальной и экономической сферах этих регионов, и замещающий его бесконтрольный массовый приток иностранных мигрантов (в первую очередь китайских), несущий в себе потенциальную угрозу территориальной целостности страны;

− продолжается эмиграция в более развитые страны наиболее квалифицированных и образованных специалистов («утечка мозгов»), что осложняет модернизационный потенциал российского общества;

− нарастает урбанизация страны, деградация деревень, вызванная стремлением сельских жителей к переезду в более комфортные для жизни крупные города и ряд других негативных тенденций;

− растут риски проявлений терроризма.

Перечисленные выше негативные стороны миграции представляют собой спектр многочисленных миграционных угроз. Однако следует заметить, что представленный перечень нуждается в существенном дополнении. В последние годы особую опасность представляет рост экстремизма в миграционных процессах. Данный феномен является питательной средой для политического радикализма, экстремизма и терроризма. На территориях массовых вселений мигрантов зачастую формируются иммигрантские этнические и религиозные молодежные группировки экстремистской направленности, они демонстрируют свое агрессивное и враждебное отношение к менее сплоченному местному населению. В противовес им из числа местного населения создаются молодежные группировки тоже экстремисткой направленности, ориентированные на разжигание враждебного отношения к иммигрантам.

Формированию среди местного населения неприязненного отношения к мигрантам способствует укоренившаяся в общественном сознании диспропорция региональных рынков труда, вызванная привлечением иностранной рабочей силы на фоне недостатков законодательства по регулированию миграции. Уровень социальной напряженности увеличивается ввиду низкого образовательного уровня и профессиональной подготовки прибывших, отсутствия с их стороны почтительного отношения к российской культуре и национальным традициям. Негативные тенденции успешно используются некоторыми общественными объединениями и их представителями для осуществления экстремистской деятельности[1].

Наибольшая же опасность исходит от экстремистской идеологии в миграционных процессах (фашизм, радикальный национализм, этническая исключительность, религиозное превосходство и другие). В иммиграционной среде экстремистская идеология, подкрепленная экстремисткой деятельностью, способствуют анклавизации мигрантов − обособлению их в пределах отдельных территорий, что в свою очередь влечет за собой: правовой нигилизм, страх перед местным населением и, как следствие, негативное отношение к нему, рост организованной и бытовой преступности, распространение инфекционных заболеваний, рабский труд и рабские отношения, увеличение рядов незаконных мигрантов и многое другое, что не вписывается в рамки цивилизационного проживания людей.

---

[1] Бикеев И.И., Никитин А.Г. Экстремизм: междисциплинарное правовое исследование. Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2011. С. 53-78.

В иммиграционных анклавах практически не развиваются процессы адаптации и интеграции мигрантов. Даже третье поколение мигрантов не может интегрироваться в местное общество. С другой стороны, экстремистская идеология, распространяемая в среде принимающих обществ, формирует негативное отношение местного населения к мигрантам как к пришлым людям чуждой культуры, отбирающим у местного населения рабочие места, являющимися источниками распространения инфекционных заболеваний, роста преступности, терроризма и иных негативных явлений.

В целом идеология экстремизма, распространяемая как в мигрантских кругах, так и в среде местного населения, подкрепленная экстремисткой деятельностью, радикализует общественные настроения, разжигает ненависть местного населения к мигрантам, а мигрантов к местному населению, доводя общественные настроения до черты социального взрыва. Все это указывает на то, что экстремизм в миграционных процессах представляет собой достаточно специфическое общественное явление, несущее угрозу политической стабильности[1].

Руководство России осознает наличие миграционных угроз, в том числе и угрозу экстремизма в миграционных процессах. Так, выступая 31 марта 2016 г. на заседании Совета Безопасности, посвященном вопросам совершенствования государственной миграционной политики, Президент Российской Федерации В.В. Путин заявил: «Мы видим, к каким серьезным последствиям привели практически неконтролируемые потоки беженцев в Европу из стран Ближнего Востока, Северной Африки, из Афганистана, из других регионов. Здесь и всплеск преступности, и конфликты на национальной и религиозной почве, и социальное напряжение. Мигранты, фактически лишенные возможности интегрироваться в общество, становятся объектом пропаганды, вербовки со стороны экстремистов и террористических организаций. Растут радикальные настроения в этой среде. Но радикальные настроения в этой связи растут и среди местных граждан». В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации неконтролируемая миграция отнесена к главным стратегическим угрозам национальной безопасности, так как нелегальные каналы миграции пытаются использовать в своих интересах преступные группировки, наркоторговцы, зарубежные спецслужбы, а также эмиссары международных экстремистских, террористических организаций.

В миграционной политике Российская Федерация стремится проводить сбалансированное регулирование миграции населения. С одной стороны, способствует реализации интересов государства и бизнеса, направленных на привлечение в страну мигрантов, с другой – принимает меры по обеспечению государственной, общественной безопасности и безопасности личности.

---

[1] Кононов Л.А., Чеботарев А.В. Взаимосвязь экстремизма и современных миграционных процессов как предмет политологического исследования // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. №70. С. 112-114.

2.3. Тенденции развития миграционных процессов в Республике Башкортостан на современном этапе

Миграционное движение в Российской Федерации определяется, прежде всего, международной миграцией, оказывающей огромное социально-экономическое и демографическое воздействие. В последние четверть века массовая миграция иностранных граждан, прибывающих как на законных основаниях, так и незаконно, способствовала усилению межнациональных и межконфессиональных противоречий, нарастанию напряженности в обществе и росту экстремистских преступлений.

Согласно Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года в качестве одной из проблем и угроз национальной безопасности страны выделены: незаконная миграция, несовершенство действующей системы социальной и культурной адаптации иностранных граждан в Российской Федерации и их интеграции в российское общество, формирование замкнутых этнических анклавов[1].

Башкортостан является миграционно привлекательным регионом и миграционные процессы оказывают значительное влияние на социально-экономическое и социокультурное развитие республики.

Региональная структура населения Республики Башкортостан и характерные для нее показатели этнического комфорта меняются под влиянием историко-культурных, социальных, политических, экономических факторов. Одной из таких составляющих трансформации этнических структур и дистанций является миграция.

Миграционные процессы являются одной из важных компонент развития межнациональных отношений. Возрастающая дифференциация населения по этнонациональному и конфессиональному признакам сопровождается нарушением сложившегося этнокультурного равновесия, сегментацией рынка труда, сложностями межкультурной адаптации и, как следствие, снижением толерантности совместно проживающих людей[2]. Также, источником напряженности между коренным населением и мигрантами во многом служит изменение этнического состава населения, из-за неравномерного расселения мигрантов на территории. Предпочтение мигрантами, как внутренними, так и внешними, определенных территорий формируют различия не только в численности, но и в плотности их распределения.

Беспокойство местного населения миграционными процессами в основном связано с социально-экономическими и бытовыми причинами. Миграция, прежде всего, проявляется в росте нагрузки на экономическую (рынок труда) и социокультурную (рынок потребления услуг)

---

[1] Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666).

[2] Шакиров И.А. Нетрагическая демография городского башкирского населения // Городские башкиры: Проблемы сохранения этничности. Материалы X Межрегиональной научно-практической конференции. Отв. ред. Псянчин А.В. Уфа, 2018. С. 132-134.

инфраструктуру, что приводит к росту конкуренции[1]. Оценка конкуренции в массовом сознании, преломляется сквозь призму межэтнических отношений. Возрастание культурной дистанцированности от принимающей стороны, формирование замкнутых этнических общин, распределение мигрантов и коренных жителей по разным сферам приложения труда формирует социальную напряженность в местах повышенной концентрации мигрантов, ведет к возможным локальным вспышкам этнических конфликтов, росту ксенофобии.

Для современной России, как, впрочем, и для других государств, вопросы, связанные с противодействием терроризму, относятся к числу наиболее трудно разрешимых. Между тем на сегодняшний день уже выявлены факторы, наиболее активно способствующие террористической деятельности. Среди прочих, мешают выставлению заслона терроризму неконтролируемые миграционные процессы.

Незаконная миграция – это вызов для государств, для межгосударственных отношений, реальная угроза стабильности стран и регионов мира. Она тесно связана с такими формами трансграничной преступности, как международный терроризм, торговля оружием, незаконный оборот наркотиков и торговля людьми. Соответственно от эффективности миграционной политики зависит противодействие терроризму и преступности в целом.

В 2017 году иностранцы и лица без гражданства совершили 41 047 преступлений в России. Это на 6,6% меньше, чем в 2016 году. Из них 36 233 преступления (на 5,9% меньше, чем в прошлом году) совершили граждане стран СНГ, что составило 88,3% от всех преступлений, совершенных не российскими гражданами. Сами мигранты в прошлом году пострадали в 14 679 преступлениях – это на 6,3% меньше, чем в 2016 году.

В связи с вышеуказанным, необходимо указать, что Республика Башкортостан принимает на своей территории массовые потоки не только коренных этносов России, но и представителей титульных национальностей других государств постсоветского пространства и дальнего зарубежья. Таким образом, имеет место усиление межэтнических миграций, центром притяжения которых продолжает оставаться регион.

Основную массу мигрантов составляют выходцы из бывших, в основном среднеазиатских, республик СССР, тесные связи с которыми сохраняются до сих пор, а развитию отношений с ними придается особое значение. В строительстве, в сферах жилищно-коммунального хозяйства и услуг, аграрном секторе и экономике в целом нехватка кадров всех квалификаций восполняется за счет иностранных работников.

---

[1] Шакиров И.А. К проблеме коллективной этнической субъектности в контексте современной этнонациональной политики России // Этногенез. История. Культура: III Юсуповские чтения Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти Рината Мухаметовича Юсупова (1951-2011). Отв. ред. Псянчин А.В. Уфа, 2018. С. 290-295.

В 2018 году по данным УВМ МВД по РБ на территорию республики прибыло 70.887 иностранных граждан, из них выходцев из стран Средней Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) – 47.180 человек, из стран Закавказья (Абхазия, Азербайджан, Армения, Грузия, Южная Осетия) –7.961, из стран с напряженной и неблагоприятной террористической и экстремистской обстановкой (Афганистан, Ирак, Иран, Пакистан, Сирия, Турция, Украина) – 3.153.

Как сообщает МВД по РБ, одной из основных проблем продолжает оставаться вопрос нелегальной регистрации иностранных граждан. Мигранты, согласившись на покупку регистрации, в том числе посредством сети Интернет и, оформив поддельные документы, оказываются на нелегальном положении со всеми вытекающими для них последствиями.

На региональном уровне миграционная политика регулируется рядом документов и программ: Концепцией миграционной политики Республики Башкортостан на период до 2025 года (утв. постановлением Правительства Республики Башкортостан от 13 октября 2015 г. N 446); Государственной программой «Регулирование рынка труда и содействие занятости населения в Республике Башкортостан», ее подпрограммой «Оказание содействия добровольному переселению в Республику Башкортостан соотечественников, проживающих за рубежом»[1].

Координацию деятельности исполнителей указанной подпрограммы осуществляет Межведомственная комиссия по миграционной политике при Правительстве Республики Башкортостан, чей статус сейчас остается неопределенным.

Также выделим государственную программу «Сохранение и развитие государственных языков Республики Башкортостан и языков народов Республики Башкортостан» и государственную программу «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов в Республике Башкортостан»[2].

Указанные документы учитываются при реализации «Стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 года».

Необходимо отметить, что на уровне Правительства РБ, ежегодно осуществляется корректировка и выполнение плана мероприятий по реализации в 2016-2020 годах Концепции миграционной политики Республики Башкортостан на период до 2025 года.

Анализ стратегических документов федерального уровня показывает, что в сфере миграционной политики основной упор делается на социокультурную адаптацию мигрантов.

---

[1] Концепция миграционной политики Республики Башкортостан на период до 2025 года (утв. Постановлением Правительства Республики Башкортостан от 13 октября 2015 г. № 446).

[2] Государственная программа «Сохранение и развитие государственных языков Республики Башкортостан и языков народов Республики Башкортостан»; Государственная программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов в Республике Башкортостан».

Отмечается, что отечественная экономика ощущает нехватку трудовых ресурсов, которая восполняется, прежде всего, за счет мигрантов. С другой стороны, мигранты являются одной из проблемных групп населения, для которых затруднен доступ к получению многих социальных услуг и права которых оказываются ущемлены.

Миграция способствует созданию дисбаланса в социальной структуре общества, что провоцирует маргинализацию заметной части населения. Маргиналы характеризуются низкими адаптивными способностями, нередко асоциальными и антисоциальными установками в своей социально-экономической деятельности, что негативно сказывается как на жизнедеятельности отдельных местных сообществ, так и общества в целом.

Касательно нашего региона, необходимо отметить, что вопросами адаптации мигрантов занимаются различные общественные организации. В их числе РОО «МИГРАНТ», ООО «Иностранный Гражданинъ», ООО «Центр межкультурного сотрудничества», АНО ДПО Учебно-методический центр «СПЕКТР», АНО ДО «Школа Метрополитан», АНО УЦ «Лидер», ООО «Центр образования, ЧОУ ДО «Центр Тестирования».

Из вузов республики, вопросами адаптации занимается Региональный центр тестирования граждан зарубежных стран при БашГУ, аналогичные структуры действует при УГНТУ и БГПУ им. М. Акмуллы.

В республике действует Региональный научно-методический совет по координации деятельности образовательных организаций Республики Башкортостан, имеющих право на проведение экзамена на владение русским языком, знание истории России и основ законодательства РФ.

Мы видим, что значительная часть сферы адаптации иностранных граждан находится в частных руках. В этом нет ничего плохого, еще в ноябре 2016 года президент России В. Путин призвал вплотную заняться вопросом адаптации мигрантов. В частности, оказывать поддержку и предоставить привилегии некоммерческим организациям, которые занимаются этой работой.

В тоже время, чувствуется отсутствие системного подхода в ведении работы по адаптации мигрантов, нехватка централизованных усилий.

Стоит указать, что сфера выдачи разрешений на работу является довольно криминализованной. Распространена покупка квалификационных сертификатов. Так, в 2018 г. была пресечена деятельность преступной группы, действовавшей на территории РБ и РТ, занимавшейся организацией фиктивных тестов. Иностранцы заполняли фиктивные тестовые задания, которые затем предоставлялись в московские вузы. Там мигрантам оформляли сертификаты, которые подтверждали, что приезжие на должном уровне знают русский язык, историю государственности России, а также основные ее законы. На самом деле, ни один иностранец не сдавал экзаменов, а заполнять все задания им помогали. Зато в последующем, благодаря этим документам, в миграционной службе приезжие получали разрешительные документы на работу и проживание.

Необходимо указать, что данная проблема не является частной для нашего региона, а характерна для всей страны.

Таким образом, на основании краткого обзора ряда документов, мы видим, что действующее миграционное законодательство не в полной мере соответствует текущим и будущим потребностям экономического, социального и демографического развития, интересам работодателей и российского общества в целом. Оно ориентировано на привлечение временных иностранных работников. Сейчас ведутся активные работы по введению мер, способствующих переезду на постоянное место жительства, адаптации и интеграции иностранных граждан.

Резюмируя, необходимо указать, что миграционные процессы являются одной из составных частей социально-экономического и социокультурного развития региона, а также оказывают непосредственное влияние на состояние межэтнических отношений в республике.

Стоит отметить, что произошел рост уровня полиэтничности не только в масштабах региона, но и на локальном уровне. В последнем случае это касается тех территорий и конкретных населенных пунктов, которые являются привлекательными для мигрантов. Изменилась привычная этническая структура, усилилась тенденция к расселению и концентрации людей в сфере занятости по этническому признаку.

Наибольшая концентрация трудовых мигрантов наблюдается в наиболее экономически развитых районах и городах республики, таких как г. Уфа, г. Стерлитамак, Уфимский район и др. Соответственно, увеличение числа иностранных граждан может создать благоприятные возможности для улучшения демографической ситуации и ликвидации возможного дефицита рабочей силы, но это возможно только при значительных материальных затратах со стороны государства. В сочетании с нерешенностью проблем жизнеобеспечения значительной части местного населения увеличение количества иностранных граждан может повлечь дополнительную нагрузку на инфраструктуру республики и повысить уровень конфликтности в межнациональной сфере. Согласно социологическим исследованиям, негативное отношение местного населения к трудовым мигрантам во многом обусловлено тем, что в условиях безработицы, снижения уровня жизни в стране, последние составляют конкуренцию жителям республики на рынке труда.

В тоже время проблемы, связанные с мигрантами, включая вопросы их собственной адаптации, стоят достаточно остро и обусловлены как их высокой этнической самоидентификацией, так и рядом социально-психологических и социально-экономических проблем.

По статистике, наиболее массово в Башкортостан гастарбайтеры прибывают из Узбекистана, Азербайджана и Таджикистана. Рост количества мигрантов, часть из которых находится в республике нелегально, влияет на ухудшение криминогенной обстановки, является одним из важных факторов межэтнической напряженности.

ГЛАВА 3. РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКСТРЕМИЗМА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)*

3.1. Современные формы экстремизма на региональном уровне в контексте угроз нового типа

Общепринято, что основными причинами способствующими распространению деструктивных процессов, в том числе экстремистского характера, являются длительные периоды социально-экономической нестабильности, сопровождающиеся, с одной стороны, социальной дифференциацией граждан, бедностью, с другой – низкой эффективностью работы государственного аппарата, общественных институтов, отсутствием надежных механизмов правовой защиты населения. К сожалению, это по-прежнему остается актуальной проблемой и для современной России. К примеру, несмотря на то что в период экономического подъема в 2000-е годы доходы российского населения ощутимо выросли по сравнению с этапом реформ 1990-х годов, показатели неравенства в России остаются одними из самых высоких в мире. В этих условиях попытки правительства провести болезненные пенсионные реформы, лишь красноречиво обнажили все противоречия, накопившиеся в социально-экономической сфере страны. Как утверждает авторитетный российский социолог О. Шкаратан: «Де-факто осуществляемая властями социальная политика не достигает декларируемых целей; возможности налоговых мер по перераспределению богатств в пользу наиболее нуждающихся слоев населения остаются нереализованными. Весомая часть россиян живет в условиях бедности, многие из них при этом работают, но их доходы лишь незначительно превышают прожиточный минимум. В то же время отсутствие существенных результатов в эгалитарной политике государства сопровождается ростом числа олигархов, что позволяет сделать выводы о недостаточной реализации имеющегося потенциала по сокращению неравенства в России»[1].

Как считает другой социолог Л. Бызов, «несмотря на годы стабильности и относительного достатка, российское общество так и не смирилось с ситуацией глубокого общественного неравенства, вызванного не до конца продуманными реформами начала 90-х годов, и так и не преодоленного до дня сегодняшнего. Опросы рисуют картину классового, глубоко стратифицированного общества, наполненного глубокой агрессией, пожалуй, более разобщенного чем когда-либо в своей новейшей истории, налицо ситуация тотального недоверия наших граждан и друг к другу и к власти, которая остается в целом неизменной»[2].

---

* Автор раздела – кандидат исторических наук А.М. Буранчин.

[1] Шкаратан О.И. Социально-экономическое неравенство в современном мире и становление новых форм социального расслоения в России // Мир России. 2018. №2. С. 6.

[2] Бызов Л.Г. Ценностные трансформации путинской эпохи: от консолидации к дисбалансу (2000-2018 гг.) // http://www.proza.ru/2018/07/15/1028.

Однако другими причинами, способствующими возникновению и распространению деструктивных идеологий, являются сложные социокультурные процессы в обществах, вступивших на путь трансформаций, которые концентрируются в маргинальных слоях социума, характеризующихся причудливым сочетанием традиционных и новых черт культуры, неполным изменением статуса и условий жизни[1].

Во многом это относится и к ситуации в Республике Башкортостан, где в 2010 г. произошел демонтаж регионального авторитарного режима, а радикальные политические реформы, инициированные новым руководством, запустили цепную реакцию неоднозначных социально-экономических, социокультурных и политических процессов в регионе.

Одной из особенностей социального развития республики является относительно большая доля сельчан в структуре населения – 39,5%; доля горожан – 60,4%. Для примера, доля городского населения в Республике Татарстан составляет – 76%, в Челябинской области – 82%, в Свердловской области – 84 %.

Национальный состав Башкортостана также сложен и мозаичен: согласно Всероссийской переписи населения 2010 года: русские – 36,1%, башкиры – 29,5%, татары – 25,4%, чуваши – 2,7%, марийцы – 2,6 %, украинцы – 1 %, лица других национальностей – 2,7%. Всего в регионе проживают представители 160 национальностей.

Уже в структуре сельского населения РБ доля башкир составляет 43,2%, татар – 24,0%, русских – 20,7%. Как отмечает социолог Р. Валиахметов даже сегодня исторически сложившаяся профилирующая хозяйственная деятельность, связанная с деревней, «является определяющим фактором преимущественно сельского расселения башкирского народа. Несмотря на постепенное уменьшение доли сельскохозяйственной деятельности в общей структуре занятости башкир, она остается более высокой, чем у татарской и русской части населения»[2].

Обладая высоким уровнем традиционализма, значительная часть регионального сообщества ответила на данные процессы усилением архаики, а также определенным ростом протестной активности. К примеру, одной из причин (помимо сугубо политических) ставших показателем усиления контрмодернизационных тенденций в башкирском обществе, можно считать волну «языковых митингов». Так, осенью 2017 года в регионе прошла череда протестов башкирской общественности («в защиту языка») с участием от 2,5 до 3 тыс. человек. Цифра очень значительная для республики, где акций с таким количеством участников, собранных по этническому принципу, не

---

[1] Паин Э.А. Социальная природа экстремизма и терроризма // Общественные науки и современность. 2002. №4. С. 114.

[2] Валиахметов Р.М. Динамика и особенности изменений структуры сельского и городского башкирского населения // Традиция и толерантность: проблема понимания. Мат. Всероссийской научно-практической конференции. Уфа: Гилем, 2012. С. 107.

было с начала 1990-х годов. Отмена в школах РБ башкирского языка в качестве обязательного предмета, стала последней каплей для общественности, которая с 2010 года практически все изменения, происходящие в республике, интерпретировала в основном через призму «антибашкирской политики». И это притом, что после ликвидации «этнократического режима» в Башкирии, основные тренды национальной политики в регионе во многом определяются не местными властями, а преимущественно федеральной повесткой.

Для сравнения в 2014 г. в Республике Башкортостан состоялись 672 акции протеста с совокупным числом участников в 11 тыс. человек, в 2015 г. – 522 акции (5,7 тыс. человек). Кроме того, публичные протестные мероприятия проводились по различным вопросам жизни страны и внешней политики: политические, социальные, акции дольщиков, экологические, против органов власти и т.д.

Другими словами, разовая акция, собравшая за один день до 3 тыс. протестующих, сама по себе является важным трансформационным сдвигом, свидетельствующим о неоднозначном характере протекающих сегодня процессов в регионе. Поскольку для полиэтничного субъекта РФ выход на улицы даже 300 человек с национальными призывами и лозунгами можно считать опасным сигналом деструктивного характера. В этой связи необходимо учитывать и тот факт, что еще с конца 1980-х годов основными силами, влияющими на внутриполитическую ситуацию в Башкирии, были и остаются этнополитические организации и движения; роль партий традиционно остается второстепенной. И только в последние годы обозначился новый тренд, когда протестный потенциал стали показывать местные отделения внесистемной либеральной оппозиции страны (Штаб сторонников А. Навального, «Открытой России»), способные мобилизовать от 1 до 2 тыс. своих активистов в республике.

Несмотря на то, что данная группа в основном состоит из городской «продвинутой» молодежи, идейный костяк движения включает в себя представителей «среднего класса», блогеров и других гражданских активистов несогласных с положением дел в стране. Региональная повестка озвучивается ими зачастую только в общем контексте протестного дискурса и пока не имеет содержательной критики.

Обращает на себя внимание и тот момент, что буквально за несколько лет резко выросла социальная база именно башкирского этнического национализма. К примеру, еще 3-4 года назад башкирские молодежные организации такие как «Кук буре» (в настоящий момент самораспустилась), а затем «Башкорт», могли собрать на свои пикеты и акции максимум 200 человек своих сторонников. Теперь же по их инициативе проходят тысячные акции протеста – в защиту башкирского языка, национальных символов (Салавата Юлаева, горы Торатау) и др. Причем довольно часто некоторые представители из числа национальной общественности весьма позитивно оценивают эти явления в башкирском обществе наивно утверждая о

«возрождении башкирского национального движения». Хотя в данном случае речь скорее идет о постепенной маргинализации широких социальных групп коренного населения, которые не сумели включиться модернизационные процессы среди других народов республики.

Основные факторы данного социального феномена имеют, кроме чисто политических (сужение прав национальных субъектов РФ, перекосов в национальной политике), более глубокие причины, лежащие в плоскости социокультурных и ценностных изменений современного башкирского общества; во многом связаны с окончательным переходом трансформирующего социума от аграрного к городскому этапу в своем развитии. На это косвенно указывает и факт качественного изменения состава лидеров башкирского движения. Так, костяк этнообъединений коренного населения БАССР, возникших на волне перестроечных событий, формировался в основном из числа советской национальной и научной интеллигенции, среди которых было много кандидатов и докторов наук, деятелей культуры. Именно ими был создан по-своему целостный идеологический дискурс, неосознанно пронизанный инвективами «советского модерна», ценностями Просвещения (тезис «возрождения культуры народа и возврата к истокам»). Сегодня же возник скорее некий симулякр нацдвижения, но при этом обладающий устойчивой структурой и обрывочной квазиидеологией в духе 90-х годов.

Трагизм ситуации заключается в том, что громоздкая машина силового и правоохранительного блока зачастую не видит сложную цепочку причинно-следственных связей, борясь преимущественно с последствиями, а не с условиями, породившими деструктивные социальные явления, часто при этом ломая судьбы людей (особенно молодежи) большими сроками за экстремизм или терроризм. Главной причиной этого во многом является отсутствие устойчивой системы обратной связи – как следствие невыполнения государством коммуникативных задач в отношении структур «гражданского общества», в данном случае на региональном уровне[1]. Выход башкирской общественности на улицы – это не результат идеологической деятельности националистов, а прежде всего проявление безысходности этнической общественности, чьи проблемы не были услышаны федеральными и местными властями. Но которые, тем не менее, никто, кроме националистов, не решился публично озвучить. В этих условиях, наверное, единственно верным выходом из создавшегося положения может стать патерналистское решение региональными властями возникших социальных и социокультурных противоречий в нынешнем башкирском обществе; возложение на себя, как это было в советский период, модерирующих функций в расколотом и в потерявшем сегодня ориентиры социуме.

[1] Шайхисламов Р.Б. Коммуникативные проблемы социокультурной интеграции современного российского общества. Автореф. дис. … доктора социологических наук. Уфа, 2007.

Таким образом, начиная с 2014 г. (то есть с «посткрымского консенсуса») можно зафиксировать качественное обновление и расширение социальной базы в линейке протестных групп региона, причем учитывая усиление постмодернистских тенденций в российском обществе в будущем, в условиях острой нестабильности, возможно их любое сочетание (например, башкирских националистов и навальнистов). К сожалению, ситуация по ряду системных факторов все больше начинает напоминать позднесоветские времена в Башкирии, в том числе по царящим настроениям в элитах. Напомним, что тогда деятельность сверхцентрализованной системы привела к тому, что к 1990 г. в республике сложился «исторический блок», в котором различные по целям и задачам политические силы консолидировались против местной власти (в лице обкома БАССР) и выступили за провозглашение Декларации о суверенитете. Примечательно, что позиции общесоюзной («федеральной») элиты в БАССР оказались в тот момент настолько слабыми, что она, как и в начале XX в., не сумела удержаться под напором набирающего силы регионализма и фактически была выкинута на обочину общественно-политической жизни.

В целом сегодня становится ясно, что с ликвидацией, в рамках путинских реформ, местных авторитарных режимов, завершением эпохи «региональных тяжеловесов», угроза повторного распада, но теперь уже Российской Федерации никуда не исчезла, поскольку данный тип угроз является системно обусловленным, и очевидно: что независимо от того какие именно условия могут спровоцировать причины повторной дезинтеграции, они будут иметь такой же характер и логику развития. Следовательно, в случае повторения «перестроечных» событий и реализации негативного сценария, в рамках уже современной Российской Федерации, а именно на уровне национальных регионов, можно будет наблюдать следующие процессы:

– на фоне кризиса центральной власти, общего политического кризиса, резкое сближение интересов федералистских (под лозунгом увеличения экономических прав регионов) и национал-сепаратистских сил (под идеями самоопределения и этнического возрождения);

– возникновение или рост политической активности национальных движений, партий либерально-западнического толка, религиозных, экологических и неформальных организаций;

– формирование местной интеллектуальной элитой (гуманитарной интеллигенцией) этнически окрашенных версий региональной идеологии, а также их трансляция на широкие слои населения через республиканские СМИ.

– когнитивный кризис, связанный отсутствием реальных знаний о текущей ситуации и характере набирающих процессов со стороны государственных органов власти, а также федеральных силовых структур. Последнее, вероятнее всего, будет обусловлено наличием лишь

ангажированной, идеологизированной информации, сформированной бюрократической машиной для манипуляции населения.

– кризис и демонтаж общегражданской идентичности, и как следствие – усиление, а также политизация идентичности региональной. Последнее, станет реакцией на резкий дисбаланс интересов между центром и субъектами федерации.

– потеря контроля над общей ситуацией, неадекватное поведение органов управления, чиновнического аппарата, либо их активная регионализация (смещение центров силы во власти, к примеру, усиление роли Правительства или местного парламента);

– политизация (этнизация) и архаизация массового сознания, увеличение иррационального; оттеснение ценностей Модерна, носителей рационально-критического восприятия на периферию общественной жизни. В этих условиях: рост апокалипсических или, наоборот, радужно-мифологических настроений.

Можно обратить внимание, что часть из перечисленных пунктов уже существует как реальность в нынешней российской действительности. Однако необходимо учитывать тот момент, что многие из них достались «в наследство» от распада системы в 90-е годы, либо являются результатом активной суверенизации «допутинской эпохи». Часть новых угроз, к примеру, массовая архаизация и понижение общего уровня культуры, можно отнести к плохо осознанным культурологическим вызовам, обусловленным переходом к Постмодерну, а также общим социальным распадом (аномией). На последнем, в виду важности проблемы, хотелось бы остановиться более подробно.

Аномия представляет собой тотальное изменение индивидуальных или групповых ценностей и норм, что в ходе радикальных реформ, приводит к «вакуумизации» социального пространства. Аномия в этом смысле близка к понятию «отчуждение». Значительные, резкие перемены в социальной, политической и экономической сферах разрушают порядок в обществе и социальные связи, человек оказывается лишенным ориентиров, ценностных установок, потерянным в пространстве.

Как отмечают исследователи, социальная аномия современного российского общества в первую очередь связана с интеграционным ослаблением социетальных культурно-символических структур. Такое изменение происходит на фоне развития интернационального информационного общества и нарастающей культурной глобализации[1].

Для регионального же общества аномия является именно угрозой нового типа, поскольку возникла она во многом по причине резкого фазового перехода от регионализма к новой системе политико-властных отношений между субъектами и федеральным центром в ходе реформ по укреплению

[1] Сердюков Б.В. Аномия и солидарность в сфере общественной безопасности: интеграционная специфика социального контроля // Социальная политика и социология. Т. 17. 2018. №1 (126). С. 94.

«вертикали власти». Сложные общественные трансформации, которые запустились вслед за этим в Республике Башкортостан, привели многочисленным разрывам устоявшейся социальной ткани, к заметной хаотизации и ускорению общественно-политических и экономических процессов в регионе. В какой-то мере это неизбежный и закономерный процесс, который, тем не менее, требует решения новых интеграционных задач, соответствующих динамике усложняющегося общества.

Силой противостоящей аномии является концепт «социальной солидарности», разработанный еще Э. Дюркгеймом[1]. Как известно, ученый отталкивался от идеи разделения двух типов общества: традиционного и современного. Отсюда он выделял два типа социальной солидарности.

Во-первых, механическую солидарность, которая типична для традиционного, архаического общества и основывается на неразвитости и сходстве составляющих общество людей. Индивид в таком обществе не принадлежит сам себе, а коллективное сознание почти целиком покрывает индивидуальные особенности, то есть отсутствует собственное «Я» – «Я это только Мы». Что, конечно, является упрощенным толкованием специфики традиционного общества, но позволяет понять логику Э. Дюркгейма в этом вопросе.

Во-вторых, органическую солидарность, которая порождается разделением общественного труда и основана не на сходстве, а на различии индивидов. И если механическая солидарность предполагает поглощение индивида коллективом, то органическая солидарность, напротив, предполагает развитие личности. Именно благодаря разделению труда индивид осознает свою зависимость от общества, которая раньше поддерживалась только традицией и репрессивными мерами.

Формально в современном Башкортостане, как и в любом регионе РФ, существует и активно действует большое количество организаций негосударственного типа (различного рода НКО, национально-культурные автономии и т.д.), включая сегмент неформальных этнополитических движений республики. Они действительно проводят огромную культурно-просветительскую работу, являются мощными интеграторами, атомизированного реформами 90-х годов, регионального сообщества. Однако на деле это во многом лишь следствие усилий государства по искусственному созданию политических и социальных ниш, чтобы заполнить, таким образом, общественное пространство региона (путем распределения грантов и прямой поддержки через различные госпрограммы). Что можно считать воспроизводством прежних, советских практик в области государственного строительства. На деле эти структуры и содержательно, и функционально, не аналогичны структурам современного западного общества.

[1] Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. С. 63.

Далее, если из этой массы выделить общности, функционирующие вне государственной поддержки, то ситуацию также можно считать неоднозначной, поскольку значительная их часть основана на механистическом, традиционалистском типе солидарности (национальные группировки, религиозные исламские общины). Что во многом является закономерным итогом идущей архаизации общества, постепенного отхода от модернистского устройства социума. В то время как деятельность собственно групп органической солидарности постепенно начинает носить либо локальный (обманутые дольщики и др.), либо узкополитический характер (сторонники А. Навального, внесистемные акторы РБ). И это огромная и еще плохо осознанная обществоведами и властью проблема, поскольку реальная сфера «гражданского общества» (которая и является главной силой социальных изменений) сокращается в России и на региональном уровне, со скоростью «шагреневой кожи».

Другую проблему, возникшую с усложнением структуры регионального сообщества, также можно отнести к социальным угрозам нового типа. Возьмем в качестве примера деятельность мусульманской уммы Башкортостана. На фоне определенного кризиса официальных духовных управлений республики (ДУМ РБ, ЦДУМ России), идеологии «традиционного ислама», в Башкирии, как и в других «мусульманских» регионах РФ, расширилась сфера деятельности деструктивных религиозных течений (радикальные салафиты, нурсисты и др.), социальной базой которых преимущественно является слабо социализированная молодежь. Государством в этой сфере проводится большая работа, которая включает в себя, в том числе активную поддержу исторически традиционной для региона формы или версии ислама, а также деятельность официальных структур. Однако основная проблема в том, что центр силы постепенно смещается в сторону неформального сегмента религиозной сферы, деятельность акторов в котором носит преимущественно закрытый характер. Иными словами, процессы в данной области постепенно спускаются «вниз», на нижние этажи общества и фактически идут за пределами институциональных полей, поэтому их практически невозможно контролировать или серьезным образом влиять на них.

Причина данного общественного феномена порождена сложной трансформацией социального пространства. Дело в том, что сегодня параллельно вертикальному строению иерархизированных региональных структур, возникли социальные ниши ризоматического характера, то есть крайне неоднородного пространства, которое функционирует как клубневые растения или грибницы.

Клубневая организация пространства – это пространство без каких-либо центров иерархизации, точек развития, инстанций, устанавливающих коды функционирования системы[1]. И главная проблема заключается в том,

[1] Дугин А.Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. М.: Академический Проект; Трикста, 2010. С. 201.

что государство не может контролировать эти ниши иными инструментами, кроме силового подавления, что, однако, зачастую приводит к обратному эффекту. Более того, это, безусловно, сфера существования социальной архаики, не имеющей четкой структуры или формы; со своей параллельной логикой и языком мифа.

В целом хотелось было отметить, что сегодня современное региональное сообщество пребывает как бы в двух регистрах. На уровне элиты и интеллигенции оно мыслит категориями Модерна, консервативными и частью либеральными нарративами. Для местных элит общество еще есть, интеллектуально они живут еще в Модерне. Но массы, и особенно молодежные, переставшие понимать «большие нарративы», погружаются в стихию социального разложения, дефрагментации, группируясь по локальным коллективам, за пределами которых мир и общество существуют виртуально, как иная реальность. Молодежь все меньше понимает Модерн и его дискурс[1].

Фиксация на локальностях, особенно заметно проявляющаяся в молодежной среде, позволяет понять устройство сетевого общества, которое является характерным признаком Постмодерна. Сеть не имеет центра. Она развертывается одновременно от нескольких полюсов, причем эти полюса могут появляться и исчезать, перетекать один в другой, увеличиваться в количестве или сокращаться[2].

Как ни странно, усиление роли локальных общностей для Республики Башкортостан во многом есть результат изменений политического характера, которое также можно рассматривать в контексте новых социокультурных вызовов.

Неспособность централизованной советской имперской системы перейти на следующий этап модернизации, распад СССР, сопровождался высокой активностью регионализма в национальных субъектах, среди которых Башкирия, в начале 90-х годов, шла в авангарде движения за суверенитет, сразу же вслед за Чечней и Татарией (о чем многие забывают сегодня). В республике фактически до 2010 г. роль федеральных институтов носила номинальный характер, а сам субъект имел все черты квазигосударственного авторитаризма. Однако с политикой укрепления «вертикали власти» и окончанием «эпохи регионализма» в стране, маятник резко качнулся в другую сторону, что привело к иной системной диспропорции – заметному ослаблению и размыванию региональной идентичности. Основным же итогом данного процесса стало не столько усиление общегражданской идентичности, а сколько идентичности локальной.

Это аналогично тому, когда в условиях слома или кризиса традиции ее место автоматически заполняет архаика, компенсируя, таким образом, разрыв социальной ткани. Следовательно, рост локализма и сопутствующих

[1] Там же. С. 518.
[2] Там же. С. 518.

ему деструктивных явлений, во многом вызван несбалансированностью политической системы в разрезе «центр-регионы». Постепенное понимание того, что в Башкирии в 2010 г. был нанесен удар не по этнократии, а этнически окрашенному регионализму, привело к тому, что в РБ даже политологи провластного пула стали постепенно включать в свой дискурс элементы критики федеральной повестки (особенно в части распределения доходов, выполнения «майских указов» и др.). Данная проблема носит глобальный характер, поскольку ставит под удар всю систему федеративных отношений в долгосрочной перспективе и, скорее всего, суть ее в том, что ликвидировав местные режимы, центр не смог, взамен прежней системы отношений, предложить субъектам РФ новую, реально действующую модель модернизации регионов. Красноречивой иллюстрацией указанного системного дисбаланса является противостояние общественности республики, местных властей с Башкирской содовой компании вокруг шихана Торатау; конфликт невозможный в принципе в «рахимовские времена».

Одним из опасных показателей ослабления региональной идентичности в Башкортостане является тенденция оттока населения из республики (в широком спектре понимания проблемы). Так, только с 2011 по 2016 годы уровень временной трудовой миграции в Башкирии вырос с 113 тысяч до 148 тысяч человек, в основном за счет жителей села. Кроме того, проведенные социологические опросы фиксируют рост числа молодежи, которая не связывает с республикой своего будущего. Все это означает, что со стороны местных властей сегодня необходимы целенаправленные меры по укреплению региональной составляющей. Речь в данном случае должна идти не только о брендировании и продвижении Башкирии на федеральном и даже международном уровне, а об устойчивой историко-культурной идентичности, органично вписанной в парадигму общего развития страны. Необходимы определенные идеологические концепты и меры по заполнению местного контента, повышению легитимности общественных и властных институтов. Другими словами, нужны инициированные властями интеллектуальные усилия по созданию новой формы или идеологии региональной идентичности.

Изменение социальной структуры общества, возникновение новой карты этнополитических угроз делает актуальной проблему адекватного научно-экспертного описания современных процессов, а также общей ситуации на региональном уровне. Однако в условиях трансформирующейся реальности, релевантность системного анализа осложнена сегодня наметившимся когнитивным кризисом, или кризисом гуманитарного знания. С одной стороны, это является результатом ослабления институтов модерна в современном обществе, и в первую очередь, гуманитарной науки в России. С другой, вызвано малым количеством квалифицированных специалистов способных, на основе междисциплинарных подходов, описывать и выявлять угрозы нового типа.

В настоящий момент, помимо исследователей из ведущих вузов региона (БГУ, БГПУ, БАГСУ и др.), можно выделить ряд ученых и научных центров, которые занимаются изучением актуальных проблем текущей общественно-политической ситуации в Республике Башкортостан. В частности, вопросами эффективного функционирования политической системы региона (политологи Н. Евдокимов, Д. Михайличенко, С. Шкель, В. Гайдук, Д. Казанцев, А. Иванов и др.). В области этноконфессиональных отношений – религиовед А. Юнусова, философ Р. Вахитов, политолог Е. Беляев; ряд экспертов из Института этнологических исследований им. Р. Кузеева (этнополитологи И. Габдрафиков, Ф. Сафин, религиовед З. Хабибуллина), сотрудники Научно-исследовательского института духовной безопасности и развития религиозного образования БГПУ (руководитель Д. Абдрахманов); эксперты Центра геополитических исследований «Берлек-Единство» (А. Сулейманов, Б. Мурзагалеев), ЦСКА ИСИ РБ (А. Бердин, Ю. Юсупов), а также сотрудники и специалисты различных силовых и государственных ведомств республики.

Распоряжением местного Правительства от 25 сентября 2015 г., в целях организации системного мониторинга состояния межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций был создан Центр гуманитарных исследований Минкультуры РБ.

Основными задачами в рамках деятельности Центра является изучение:

– состояния сложившихся в республике и муниципальных образованиях межэтнических и межрелигиозных отношений;

– масштабов и степени проявления негативных последствий, возникших в ходе этноконфессионального взаимодействия на национальной и религиозной почве;

– интенсивности (степени) включенности населения в ситуацию этноконфессиональных разногласий;

– вероятности открытых этноконфессиональных конфликтов в местах проживания;

– анализ миграционной ситуации в регионе;

– изучение состояния и динамики процессов в языковой сфере.

В соответствии с возложенными задачами Центр оперативно получает и обрабатывает информацию о состоянии национальных и этноконфессиональных отношений в регионе. Оценивая степень и характер воздействия социально-политических факторов, а также динамику и ареал событий, выделяя причины межнациональных конфликтов и предконфликтных ситуаций.

Согласно госпрограмме «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов в Республике Башкортостан», Центр осуществляет сбор, изучение, обобщение, анализ и оценку следующей информации:

- данных мониторинга информационного пространства (публикаций и сообщений в средствах массовой информации, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»);

- статистических сведений, получаемых из территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, иных федеральных государственных органов, органов исполнительной власти Республики Башкортостан, органов местного самоуправления и организаций;

- информационно-аналитических сведений и экспертных оценок органов исполнительной власти Республики Башкортостан по вопросам, касающимся состояния межнациональной и межконфессиональной ситуации;

- результатов социологических исследований.

Также Центр дает экспертную оценку и прогностические модели развития этноконфессиональной обстановки, представляет инструмент для оперативной оценки возможных последствий политического воздействия.

Кроме того, Центр гуманитарных исследований определен региональным оператором Системы мониторинга межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтов Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН России).

Ежегодно ЦГИ проводится масштабное социологическое исследование по изучению межнациональных и межконфессиональных отношений в республике с охватом более 1200 респондентов. На постоянной основе действует социологическая лаборатория центра (руководитель Р. Яппарова). В анкете исследования отражаются вопросы-индикаторы для измерения показателей государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» и соответствующей республиканской государственной программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Республики Башкортостан», в том числе:

– уровень общегражданской идентичности;

– доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений в общей численности граждан Республики Башкортостан;

– доля граждан, подтверждающих отсутствие в свой адрес дискриминации по признакам национальности, языка, религии, в общем количестве опрошенных граждан;

– доля граждан, не испытывающих негативное отношение к мигрантам, в общей численности граждан РБ;

– доля башкирского населения, удовлетворенного имеющимися возможностями для реализации своих национальных потребностей, в общем количестве опрошенного населения региона и др.

В данном контексте интересными представляются результаты социологического исследования «Состояние межнациональных и

межконфессиональных отношений в Республике Башкортостан в 2017 г.» проведенного ЦГИ Минкультуры РБ[1].

Целью исследования являлось изучение состояния отношений между представителями различных этносов и религий в Республике Башкортостан. В анкету социологического опроса был также включен блок вопросов по оценке общественно-политической и социально-экономической ситуации в регионе. Так как социально-экономическое положение является одним из объективных факторов способствующих формированию экстремистских настроений в обществе, а социальное самочувствие населения является косвенным маркером, отражающим способность общества к радикализации, в ходе исследования респондентам был задан вопрос: «Если говорить в целом, как Вы оцениваете положение дел в Республике Башкортостан?». Согласно полученным данным, наиболее позитивно положение дел в регионе оценивают респонденты в возрасте 18-24 лет (77,2%) и пожилые в возрасте 61 и старше (70,2%). Наиболее негативно ситуацию оценивают участники опроса в возрасте 25-30 лет (38,9%) и в возрасте 31-40 лет (38,7%).

Если говорить о возрастной группе от 18 до 30 лет, то оценка положения дел республике выглядит следующим образом: хорошее (18,2 %), скорее хорошее (49,6%), скорее плохое (24,6%), плохое (5,7%), затруднились ответить (1,8%).

При ответе на вопрос «Как Вы считаете, ситуация в Республике Башкортостан лучше или хуже, чем в целом по России?» большинство респондентов (36,7%) ответило, что она не отличается от среднероссийской. О том, что ситуация лучше, заявили лишь 9,7% участников опроса. «Скорее лучше» ответили 24,1% респондентов. Затруднились ответить на данный вопрос 5,2% опрошенных.

Возрастные характеристики респондентов оказывают значительное влияние на оценку ситуации в республике в сравнении с Россией в целом. В частности, более молодые участники опроса (18-24 лет) считают, что ситуация либо лучше (39,7%), либо такая же (39,7%). Жители республики в возрасте 41-50 лет также считают, что положение дел либо лучше (37,1%), либо такое же (35,7%). Примерно аналогичной точки зрения придерживаются респонденты в возрасте 61 и старше (лучше – 35,9%, такая же – 35,4%). Наибольшее количество участников опроса, полагающих, что ситуация в регионе не отличается от положения дел по России, наблюдается в возрасте 25-30 лет – более 40%.

Таким образом, большинство участников социологического опроса положительно оценивает ситуацию в Республике Башкортостан. Ситуация в регионе рассматривается респондентами в общероссийском контексте.

Регулярное проведение социологических замеров позволяет оценить динамику определенных настроений в обществе. В ходе социологического

[1] См.: Буранчин А.М., Марданов М.Х., Романов С.Ю., Яппарова Р.Р. Состояние межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Башкортостан: аналитический отчет по результатам социологического исследования / Отв. ред. Р.Р. Яппарова. Уфа: Мир печати, 2018. 80 с.

исследования респондентам были заданы вопросы, которые способны диагностировать проявления этнического (национального) экстремизма.

В частности, отвечая на вопрос о том, многонациональность России, приносит ей, в целом, больше пользы или больше вреда положительно ответили 71% опрошенных в возрастной группе от 18 до 30 лет. 16,4% опрошенных видят в этом больше вреда, 12,5% затруднились ответить. В сравнении с остальными возрастными группами, молодежь в данном контексте настроена более негативно. Так, мнение всех опрошенных выглядит следующим образом: 78,6% считает, что многонациональность нашей страны является ее преимуществом (в той или иной мере). Только 10,8% опрошенных видят в этом аспекте больше вреда для страны, чем пользы, 10,6% – затруднились ответить.

Для анализа актуальности проблемы межэтнических отношений в обществе в анкету был включен вопрос о том, что на сегодняшний день вызывает у населения наибольшую обеспокоенность. В возрастной группе от 18 до 30 лет, самые злободневные проблемы имеют социально-экономический и социально-политический характер. Это, прежде всего, безработица (73,9%), отсутствие перспектив для молодежи (73,2%), коррупция, кумовство во власти, произвол чиновников (67,1%), рост цен (60,4%).

Выяснилось, что в возрастной группе опрошенных от 18 до 30 лет проблемы межнациональных и межрелигиозных отношений, как и у всех опрошенных занимают нижние позиции в этой иерархии. Среди молодых людей 36,1% опрошенных ответили, что не видят в межнациональных отношениях никаких проблем. Мы снова наблюдаем, несколько более негативную оценку ситуации со стороны молодежи сравнительно с остальными участниками опроса (43%). Также никаких проблем в отношениях с мигрантами не видят 38,2% опрошенных. Отсутствие враждебности между различными религиозными течениями отмечает 42,9% респондентов. Ухудшение взаимоотношений между людьми разных национальностей отмечает 24,6% опрошенных, на нарастание враждебности между коренным населением и мигрантами указывает 26,4%. Нарастание враждебности между различными религиозными течениями отмечает 20,4% опрошенных.

Беспокойство вызывает распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, в Вашем городе (посёлке, селе) у людей разных национальностей равные или неравные шансы?». В возрастной группе от 18 до 30 лет равными считают 33,6%, неравными – 50,0%, затруднились ответить – 16,4%. Эту опасную тенденцию также можно выделить как один из факторов потенциального развития экстремистских настроений в молодежной среде.

В данном контексте интересна корреляция ответов на указанный выше вопрос с теми ответами, в которых отмечается нарастание враждебности между коренным населением и мигрантами. Так, среди тех, кто указывает на нарастание враждебности между коренным населением и мигрантами 53,3%

считают, что в их населенном пункте у людей разных национальностей неравные шансы.

Одновременно, тревожным выглядит распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, возможны ли конфликты на межнациональной почве в Республике Башкортостан?» в возрастной группе от 18 до 30 лет. Ответы респондентов выглядят следующим образом: возможны – 31,4%, скорее возможны – 28,2%, скорее невозможны – 19,6%, невозможны – 14,3%, затруднились ответить – 6,4%. Среди молодежи доля, рассматривающих пессимистичный сценарий, значительно выше, чем среди опрошенных среднего и старшего возраста.

В общей массе, опрошенных, среди жителей Уфы и других городов доля тех, кто считает, что столкновения возможны, несколько выше, чем среди сельчан (по 46% против 39,1% соответственно). Респонденты с более высоким уровнем образования, отвечая на данный вопрос, чаще допускают возможность конфликтной ситуации, чем менее образованные (45,8% против 41,1%).

Вместе с тем, в возрастной группе от 18 до 30 лет, отношения между людьми различных национальностей в республике положительно охарактеризовали 78,9% опрошенных. Мнение респондентов в данной возрастной группе об отношениях между людьми различных национальностей выглядят следующим образом: доброжелательные – 15,0%, нормальные, бесконфликтные – 63,9%, напряженные, конфликтные – 14,3%, взрывоопасные, способные перейти в открытые столкновения – 1,1%, затрудняюсь ответить – 5,7%.

Также показательным является распределение ответов на вопрос «Испытывали Вы лично или не испытывали в течение последнего года по отношению к себе неприязнь, враждебное отношение из-за своей национальной принадлежности, языка?» среди молодежи. Так, указали, что испытывали неприязнь – 11,8 %, не испытывали – 86,4%, затруднились ответить – 1,8% опрошенных.

Если говорить про мнение общего числа респондентов о том, как изменились отношения между людьми разных национальностей в Республике Башкортостан за последний год, то большинство опрошенных считает, что они не изменились (57,5%), 20,9% считают, что они улучшились, 12,1% – ухудшились, 9,5% затруднились ответить. Чем моложе возрастная группа, тем выше в ней доля позитивных оценок. Так, улучшение отношений отметили 29,4% респондентов в возрасте 18-24 лет, 27,8% в возрасте от 25-30 лет и лишь 15,7% самого пожилого возраста.

Резюмируя, необходимо указать, что к основным причинам проявления и разрастания межнациональных противоречий следует отнести большой спектр экономических, социальных и культурных факторов. В частности, это резкие имущественные различия, интенсивные миграционные процессы, усиление этнического неравенства и конкуренции на рынке труда, разрушение системы социальных гарантий, кризис в духовной сфере.

Однако общее состояние межэтнических отношений в Башкортостане в целом остается положительным и, несмотря на определенные точки напряжения, не имеет резко-негативной динамики.

Таким образом можно констатировать, что в настоящий момент в республике создана многоуровневая и комплексная система оценки и анализа современных этноконфессиональных отношений; сложился определенный экспертный пул, в который входят специалисты из различных научно-исследовательских центров региона. Что в последующем должно способствовать эффективной реализации национальной политики, а также снизить возможные конфликты и риски в межэтнической сфере Республики Башкортостан.

3.2. Роль институтов модерна в противодействии религиозному экстремизму среди молодежи Башкортостана

В современном мире, где возрастает роль социально-экономических, политических и культурных взаимоотношений, также растет необходимость межрелигиозного и межкультурного диалога. Одним из опаснейших факторов дальнейшего развития цивилизации является рост религиозно-политического экстремизма.

И можно сказать, что в настоящее время наибольшую угрозу для общества представляет не просто экстремизм, а религиозный экстремизм, который характеризуется приверженностью к крайним толкованиям вероучения и методам действия по распространению своих взглядов и реализации своих целей. Характерная черта религиозного экстремизма – крайняя нетерпимость к инакомыслию, ко всем инаковерующим и, особенно, к неверующим, ксенофобия, проповедь своей исключительности и превосходства над окружающими. Религиозный экстремизм имеет проявления в сфере политики, культуры, межнациональных отношений. В этих случаях он выступает в качестве религиозной мотивации или религиозного оформления экстремизма политического, националистического и т.д.[1]

Религиозный экстремизм и радикализм проявляется в современном мире в разных формах. Однако следует отметить, что само название и широкое практическое использование в научном, общественном обороте, к примеру, выражения «исламский экстремизм» вызывает серьезные дискуссии, как среди экспертов, так и общественности.

Между тем по мнению ряда исследователей «радикальный исламизм» – это «комплекс искажённых интерпретаций мусульманства (ваххабизм, салафизм и др.), основанных на неверном толковании понятия джихада – священной войны. В классическом Исламе джихад – это, прежде всего, борьба человека со своими страстями, с слабостями, с самим собой, а во

[1] Профилактика экстремизма в молодёжной среде. Учебное пособие для педагогов и специалистов по воспитательной работе/ Под ред. Т.А. Хагурова. Краснодар: Парабеллум, 2015. С. 9.

вторую очередь, борьба с врагами религии, ведущаяся в защитных целях. Радикальные исламисты трактуют джихад как войну за «очищение мира от скверны», при этом под понятие «скверна» подпадает всё, что не соответствует их фундаменталистскому пониманию религии»[1].

В свою очередь, в силу наличия в современной социально-политической и специальной научной литературе различных интерпретаций понятия «исламский экстремизм» религиоведы А.Б. Юнусова, Д.С. Вояковский предлагают более конкретное определение этого явления, под которым понимается «идеологическая доктрина и основанная на ней политическая практика, характеризующиеся нормативно-ценностным закреплением идеологического, политико-мировоззренческого и даже вооруженного противостояния мира «истинного ислама» миру «неверных» вовне и миру «неистинной веры» внутри ислама и требующих абсолютного социального контроля и мобилизации своих сторонников»[2].

Следует отметить, что религиозный экстремизм сегодня постепенно становится актуальной социальной проблемой (особенно среди «мусульманских» народов РФ), поскольку на фоне растущей архаизации российского общества, постепенного ослабления институтов и практик Модерна заметно расширяется общественная база для деструктивных форм социального мировоззрения и поведения. Особенно это становится характерным для новой, постсоветской молодежи, значительная часть которой находится в состоянии латентной фрустрации и кризиса идентичности.

На фоне отсутствия «социальных лифтов» и несформировавшейся мотивации позитивных установок, кризиса культуры и духовной дезориентации молодежь становится все более восприимчивой к радикальным идеям. Отмечены попытки расширения сферы влияния некоторых организаций, использующих псевдорелигиозную и националистическую риторику, путем прикрытия своей экстремистской деятельности под маской легальных форм общественной деятельности. Все это создает предпосылки к увеличению количественного состава националистических группировок и популяризации экстремистской идеологии.

Радикальные формы ислама, неоязычества, некоторых новых религиозных движений, также представляют серьезную угрозу общественной безопасности.

Основными источниками экстремизма являются: смена ценностных оснований развития общества; отсутствие объединяющей идеологии; трудно разрешимые социальные проблемы, усиленные кризисом; коррупция как главный фактор, порождающий и оправдывающий любые действия,

---

[1] Там же. С. 10.

[2] Вояковский Д.С., Юнусова А.Б. Интервенция радикальных идеологий в российское исламское пространство. Уфа: БГПУ, ИЭИ УНЦ РАН, 2011. С.10.

направленные на противодействие власти; снижение общего культурного уровня населения, многочисленные «фобии»: русофобия, исламофобия и другие. Также его стимулируют: растущее социальное расслоение общества на бедных и богатых, духовная дезориентация населения, незатухающие противоречия между некоторыми течениями в Исламе и проч. Экстремизм продолжает поиск и пополнение своих рядов, пользуясь бездействием общества и государства.

В последние годы в России отмечается активизация ряда экстремистских движений, которые вовлекают в свою деятельность молодых людей. По экспертным оценкам в среднем 80% участников организаций экстремистского характера составляют лица, возраст которых не превышает 30 лет.

Ситуация относительно уровня религиозности современной молодежи Республики Башкортостан в целом не отличается от общероссийских тенденций, а имеющаяся (небольшая) социологическая эмпирика, позволяет сделать вполне определенные выводы.

В частности, в 2005 г. в рамках научно-исследовательского проекта «Современное состояние этнокультурных отношений в Республике Башкортостан: этносоциологическое измерение», были опрошены студенты высших учебных заведений РБ (дневных и заочных отделений)[1]. В исследовании приняли участие респонденты в возрасте 18-25 лет. Состав выборки среди представленной возрастной категории составил: башкиры – 35,6%, русские – 26,2%, татары – 33,1%, представители других национальностей (чуваши, марийцы, удмурты, украинцы, белорусы и др.) – 5,1%.

Тогда большая часть респондентов молодого поколения идентифицировала себя как людей верующих. К «верующим, но не соблюдающим обычаи и обряды» отнесли себя 51,6% респондентов, к «верующим и соблюдающим обычаи и обряды» – 27,4%. Количество «колеблющихся» составило 6%, к атеистам отнесли себя 2,4%[2].

Также были респонденты, которые отметили, что, несмотря на то, что они неверующие люди, но уважают чувства тех, кто верует (8,4%). Остальные 2,7% затруднились ответить и 1,5% респондентов выбрали вариант – «мне все равно».

Кроме того, среди тех респондентов, кто относит себя к верующему человеку, вне зависимости от соблюдения или не соблюдения ими всех обычаев и обрядов, был задан вопрос по посещению мечети, церкви и др. Подавляющее большинство этой группы респондентов (72,6%) отметило, что посещают мечеть, церковь (из них «не часто» – 54,6%, «по праздникам» – 10,3%, и «часто» – 7,7%). При этом 17,3% респондентов хотели бы посещать мечеть, церковь и т.д., а 10% отметили свое нежелание посещать их. Данная

[1] Шакурова Г.Р. Современная молодежь Башкортостана // Ватандаш, 2006. № 12.
[2] Там же.

тенденция зафиксирована у всех респондентов 18-25 лет вне зависимости от национальности и пола[1].

Проведенный в 2013 г. на базе БАГСУ уже общереспубликанский социологический опрос дал более конкретную картину по религиозной идентичности у молодежи Башкортостана. Так, по его результатам удалось выяснить, что 20,1 % отпрошенных не относят себя к верующим, 60,4 % респондентов относят себя к верующим, но не соблюдают религиозные обряды, только 8,4 % считают себя верующими, а 11,2 % респондентов затруднились с ответом[2].

По мнению исследователей, проводивших данный опрос, «большинство молодежи признает свою принадлежность к вере, но не ориентируется на религиозные институты. По данным опроса, 59,0 % опрошенных относят себя к исламу, 36,7 % – к православию и 4,3 % – к другим религиям[3].

Как считают социологи, «в молодежной среде предрасположенность к религии преобладает над установкой на атеизм. Распределение по месту проживания подтвердило тот факт, что в меньшей степени влияние религиозных институтов осуществляется в крупных городах. Так, в группе молодых людей, которые не относят себя к верующим, большую долю составили жители г. Уфы (25,7 %). Данные исследования показывают, что религиозность молодежи носит конформистский характер: есть желание быть как все, называться верующими (мусульманами, православными), время от времени вести себя как верующие, т. е. отмечать религиозные праздники, проводить обряды никаха, венчания, крестить детей, однако по-настоящему всерьез приобщаться к вере молодые люди не намереваются»[4].

Проведенное в ноябре 2016 г. Центром гуманитарных исследований Министерства культуры РБ социологическое исследование по теме «Состояние межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Башкортостан», также подтвердило сохранение данных тенденций в этой сфере.

Опрос был проведен в крупных городах и районах республики, выборка составила – 1201 человек, в том числе молодежь в возрасте от 18 до 30 лет.

Результаты социологического исследования показали, что к верующим (то есть соблюдающих все религиозные обряды и обычаи своей веры) относит себя лишь 8,7% опрошенных из числа молодежи. Подавляющее большинство (62,0%) респондентов причисляют себя к верующим, но не соблюдают религиозные обряды. Достаточно высок процент тех, кто колеблется между верой и атеизмом – 9,0%; атеистов, но толерантно относящихся к верующих – 8,7%; нетерпимых атеистов оказалась лишь 0,6%

---

[1] Там же.

[2] Современная молодежь Башкортостана: тенденции и проблемы развития: коллективная монография / Под ред. Г.А. Малофеевой и Р.Р. Яппаровой. Уфа: Мир печати, 2016. С. 135.

[3] Там же.

[4] Там же.

из числа опрошенной молодежи. Процент затруднившихся с ответом, по сравнению с 2013 г., остался на прежнем уровне (11,0%).

Сравнительных анализ результатов приведенных выше социологических опросов (2005, 2013, 2016 гг.) позволяет сделать вывод о том, что:

– для подавляющего числа молодежи РБ (62%) в целом свойственен «светский» тип мировоззрения, а религиозная идентичность носит больше «парадный» характер, то есть когда религиозные ценности в большинстве своем трансформировались в ходе промышленно-индустриальной модернизации, ушли в прошлое, но еще сохранились на «парадном» уровне;

– количество активных или «реальных» верующих (то есть живущих опираясь на религиозные установки в повседневных практиках) не превышает уровня 8-9% от общего числа молодежи РБ, кроме того нет в настоящий момент и заметного роста данного показателя,[1] что в целом характерно и для всего населения региона.

Таким образом социальная база для распространения прежде всего исламского религиозного экстремизма в Башкортостане (поскольку речь идет о «мусульманской» республике, где башкиры и татары составляют более 50% от общего числа населения), является относительно небольшой. Соответственно преувеличивать угрозу радикализации исламского сегмента было бы ошибочно. Тем не менее, на наш взгляд, в регионе всё же наблюдается определенный рост противоречий в этой сфере, особенно в условиях наметившегося кризиса в официальных духовных структурах (ЦДУМ России, ДУМ РБ), а также направлений связанных с «традиционным исламом», в котором также сегодня существуют группы деструктивного характера. К примеру, как отмечают современные исследователи: «За последние 20 лет произошло значительное омоложение кадров духовенства Республики Башкортостан, на фоне которого прослеживается тенденция конфликта поколений, передела сфер влияния духовных деятелей с традиционными взглядами и молодых, радикально настроенных, имамов»[2].

Последнее создало благоприятные условия для усиления и распространения течений и группировок просалафитского толка в РБ, которые в настоящий момент усилено стремятся дистанцироваться от идеологии ваххабизма, тем самым постепенно легитимируясь в общественном сознании. Между тем, по мнению известного религиоведа А.Б. Юнусовой, «в современной практике салафиты лишь на словах отличаются от ваххабитов, стремясь занять собственную идеологическую нишу и завоевать доверие мусульман», в то время как «местное население не

[1] Большой процент верующих (27,4%) среди студентов ВУЗов республики по опросу 2005 г. вряд ли связан с ростом религиозного фундаментализма в этой среде (то есть там, где его уровень по определению должен быть низким); вероятнее всего носит локальный характер или исследование выполнено с использованием другой методики.

[2] Хабибуллина З.Р. Мусульманское духовенство в Республике Башкортостан на рубеже XX–XXI веков. Уфа: Мир печати, 2015. С. 180.

различает ни тех, ни других, доверчиво относится к представителям фундаментализма как к носителям «настоящего» или «традиционного» ислама, поскольку само является достаточно невежественным в отношении знаний Корана, Сунны, ислама в целом»[1].

Кроме того, как показывает практика салафиты более адаптивны к запросам исламской молодежи, они социально мобильны и могут, в отличие от традиционного мусульманского духовенства, находить общий язык с молодым поколением. С одной стороны – исламский фундаментализм является движением относительно небольшого меньшинства, так как подавляющее число современных мусульман исповедует «традиционный ислам». С другой – высокая политическая и медийная активность фундаменталистов, а также широкое использование ими террористических методов борьбы в мире способствуют широкой известности именно этого направления.

Другим словами, в установках современного исламского фундаментализма заложены некоторые элементы, которые парадоксальным образом частично резонируют с парадигмой Модерна. К примеру, как считает известный философ А. Дугин в их идеологии «вполне модернистскими являются идея равенства всех верующих перед Богом, отсутствие клира, идея индивидуального отношения к вере. В то время как в «традиционном исламе» эти тенденции в значительной степени стерты под влиянием этнических и иных социокультурных влияний»[2].

В любом случае исламский фундаментализм является сложным социологическим явлением, требующим внимательного и детального исследования. И совсем неверным является расхожее представление о нем как о крайнем выражении архаики. Традиционный ислам и особенно суфизм намного более архаичны, нежели ваххабитские теории[3].

В целом же между исламским социальным нормативом и секулярными формами общества Модерна западного (либерального) типа существует жесткое противоречие, которое может решаться в формате либо-либо. Либо ислам настаивает на своей социальной матрице, и это означает отказ от Модерна, либо мусульмане принимают секулярные, демократические и либеральные схемы, но при этом отказываются от части своей религиозной идентичности.

Для наших реалий подобный путь является, на наш взгляд, довольно радикальным, особенно если учитывать тот факт, что современное российское общество по многим социокультурным параметрам можно отнести к обществу традиционного типа. Это означает, что исторически сформировавшиеся в нашей стране традиционные религиозные конфессии могут в определенной степени послужить ресурсом модернизационных

---

[1] Вояковский Д.С., Юнусова А.Б. Интервенция радикальных идеологий в российское исламское пространство. Уфа: БГПУ, ИЭИ УНЦ РАН, 2011. С. 52.

[2] Дугин А.Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. М.: Академический Проект; Трикста, 2010. С. 446.

[3] Там же.

изменений в рамках консервативной доктрины реформ, либо же занять свою нейтральную нишу в структуре постсоветского социума. В тоже время параллельно с этим процессом, необходима четкая линия со стороны государства на усиление и повышение роли институтов Модерна (в том числе и на региональном уровне), которые постепенно начинают испытывать серьезный кризис, особенно на фоне растущей архаизации общественных отношений[1].

На первом этапе такими мерами могут стать:

– повышение образовательного и культурного уровня населения РФ, особенно у молодежи;

– четкое определение понятий «традиционного ислама», а также перечень течений и групп, отнесенных к «религиозного экстремизму»;

– укрепление и модернизация деятельности традиционных религиозных структур;

– наконец, демонтаж и противодействие экстремисткой мифологии, проникшей в постсоветский период в сознание некоторых групп населения России[2].

3.3. Проблемы духовной безопасности российских регионов: на примере Республики Башкортостан

Одной из актуальных, но слабоизученных тем современной гуманитарной науки является проблема архаизации российского общества в контексте угроз нового типа. В условиях глубинных социальных трансформаций, попыток со стороны государства поднять работу социально-экономических и политических институтов на качественно новый уровень развития, запустить полноценную модернизацию, проблема архаики, то есть контрмодернизационного полюса в социальной динамике[3], постепенно выходит на первый план, становится заметным фоном общественной жизни. Во многом именно растущее давление архаики является причиной, создающей условия для распространения идей экстремистского и радикалистского толка, особенно на уровне российских регионов.

Исходя из этого, одной из главных задач в решении данного вопроса является:

– диагностика состояний регионов как социокультурных сообществ, основанная на комплексном их исследовании;

– выявление потребностей, коридоров возможностей, а также новых угроз в ходе социокультурного развития регионов.

---

[1] Абдрахманов Д.М., Буранчин А.М., Демичев И.В. Архаизация российских регионов как социальная проблема. Уфа: Мир печати, 2016.

[2] Бабинцев В.П., Заливанский Б.В., Самохвалова Е.В. Этнический экстремизм в молодежной среде: диагностика и перспективы преодоления. Мир России. 2011. Т. 20. № 1. С. 84.

[3] Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность. 2001. № 2.

В настоящей статье речь пойдет о социокультурных угрозах нового типа, которые, на наш взгляд, еще слабо описаны и поняты во всей сложности, поскольку они зачастую проявляются пока как некие тенденции, которые, тем не менее, уже достаточно активно начинают влиять на современные общественно-политические процессы в Республике Башкортостан[1].

Республика Башкортостан как один из опорных регионов в Поволжском федеральном округе по ряду причин находится на особом контроле, поскольку имеет, в отличие скажем, от соседней Татарии, более сложную этническую и конфессиональную структуру. Она представлена тремя наиболее крупными этносами: русскими, башкирами, татарами (составляют около 90% всего населения региона). Кроме того, несмотря на то что республика относится к высоко урбанизированным территориям, она обладает 40% сельским населением, что также является одним из факторов, который требует особого внимания.

Главной причиной роста деструктивных процессов являются неустойчивые социально-экономические показатели. К примеру, численность зарегистрированных безработных в Башкортостане на 1 августа 2018 года составила 19 152 человека, что формально на 7% меньше, чем в начале года, однако все же остается высокой. Больше всего безработных в Уфе – 4 738 человек. Средний уровень регистрируемой безработицы по данным Минтруда РБ в регионе составляет 0,96%.

Уровень регистрируемой безработицы выше среднего показателя по республике в городах Агидель, Баймак, Белебей, Межгорье Учалы и Дюртюли, а также в 19 районах республики. В первую пятерку по безработице входят города Агидель, Межгорье, Чишминский, Шаранский, Кармаскалинский районы. В Уфе выше всего уровень безработицы в Ленинском районе, ниже – в Демском.

Однако кроме официальных данных, существуют и такие показатели как скрытая безработица, снижение уровня жизни и доходов населения, которые в совокупности ухудшают психологическое состояние людей; то есть параметры, которые зачастую слабо фиксируется органами власти, а они, в данном случае, и могут стимулировать политическую активность населения.

Одним из опасных показателей ослабления региональной идентичности в Башкортостане является и тенденция оттока населения из республики (в широком спектре понимания проблемы). Так, только с 2011 по 2016 годы уровень временной трудовой миграции в Башкирии вырос с 113 тысяч до 148 тысяч человек, в основном за счет жителей села. Кроме того, проведенные социологические опросы фиксируют рост числа молодежи, которая не связывает с республикой своего будущего.

---

[1] Буранчин А.М. Архаизация как социальная проблема (на примере Башкирского Зауралья) // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Россия как традиционное общество: история, реалии, перспективы». Уфа, 2015. С.75.

Таким образом, налицо хоть и не критическое, но заметное ухудшение социально-экономической ситуации в регионе. И ее можно отнести именно к новому типу угроз, поскольку с 2014 г. страна вошла в новое состояние – изменился внешний и внутренний фон, и фактор социально-экономической нестабильности получил совершенно другой контекст и смысл.

Следующий тип угроз также носит сложный характер: в 2010 году в Башкортостане сменилось руководство республики, завершился 20-летний этап «суверенного» развития. Вместе с тем переход региональной системы в качественно иное состояние, сложные процессы, связанные с трансформацией местных элит, заметно изменили политический ландшафт региона, и наряду с положительными явлениями, выявили новые формы, главным образом, социокультурных противоречий.

Последние являются результатом не только смены власти, но и порождены неоднозначным характером процессов, запустившихся в регионе в период правления Р. Хамитова (2010-2018 гг.). Дело в том, что сама структура регионального сообщества, сравнительно с временем руководства М. Рахимова, существенно изменилась, стала более сложной; прежняя социокультурная однородность населения Башкирии постепенно исчезла, породив новые формы региональной идентичности – политической, религиозной, этнической. Соответственно сегодня можно наблюдать сложные синтезы Модерна и актуализированной архаики, элементов общества Постмодерна и традиционализма, поскольку в действительности в 2010 г. в Башкирии произошла не просто смена власти связанная с уходом М. Рахимова, а завершился аграрный этап в ее истории.

До 2010 г. региональное сообщество было гомогенным, патерналистски ориентированным на жесткую «вертикаль» власти. Теперь оно достаточно быстрыми темпами становиться разнородным – в культурном, социальном и экономическом плане. А таким обществом намного труднее управлять, оно менее предсказуемо. Вследствие чего сегодня наметились разрывы между городским и сельским населением, между крупными высоко урбанизированными городами и экономически бедными моногородами. Северо-восточные районы и башкирское Зауралье, к примеру, целиком отнесены местным экономистами к депрессивным, а это около трети территории республики[1].

Фактически в Башкортостане такие, относительно развитые, города как Уфа, Стерлитамак и др., живут в Модерне, современности, а на уровне сельских субрегионов постепенно разворачиваются процессы культурной и экономической архаизации, то есть наметился опасный структурный дисбаланс.

Слабый учет социокультурных особенностей региона, отсутствие разработанной научно-теоретической базы, закономерно привел к тому, что растущее давление реформ «постаграрного периода» на социально-

[1] Депрессивные территории: теория и практика стабилизации и развития. Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2008.

экономические процессы в РБ парадоксальным образом усиливают именно архаику. Поскольку в ходе достаточно радикальных изменений власть зачастую демонтирует структуры, связанные с традицией, то есть силы, которая всегда стоит между модерном и архаикой. В итоге процессы в региональном сообществе протекает крайне неровно; порождая конфликты и разломы там, где их можно было бы избежать. Ситуация более чем странная, поскольку она не укладывается в привычные, классические схемы теорий модернизаций. Она вызывает больше вопросов, нежели однозначных и ясных ответов.

В целом, по нашему мнению, сегодня в Башкортостане уже можно выделить в региональных социальных системах и структурах процессы, которые не просто развертываются с разной скоростью, но подчас имеют качественно иную природу и движутся в прямо противоположном направлении относительно друг друга.

Таким образом, проблема социальной связности региона постепенно будет выходить на первый план, поскольку давление архаики с каждым годом растет, а механизмы советского Модерна наоборот ослабевают, уходят в прошлое.

Наконец, третий тип новых угроз связан с ростом носителей религиозного фундаментализма (в данном случае исламского).

В социокультурном плане большинство населения республики может быть названо «консервативным», которые живет, опираясь на традиционные ценности. Однако сложные модернизационные перемены, которые сегодня запустились в Башкортостане, зачастую вызывают резкую традиционалистскую реакцию у части населения. Модернизация как болезненное состояние общества закономерно сопровождается частичным социальным распадом (аморализмом, падением нравов, маргинализацией части населения и т.д.). Человек традиционный культуры воспринимает данные процессы болезненно, поскольку они вызывает у него внутренний конфликт. Это приводит к тому, что в обществе усиливаются фундаменталистские настроения, которые могут принимать крайние формы.

Однако говоря о характере новой религиозности нужно всегда разделять традицию и сопутствующую ей архаику. В этой связи хотелось бы указать на следующий момент.

В советский период процент населения, открыто исполняющего религиозные обряды в Башкирской АССР, как и религиозная активность в целом по стране, были незначительными. Исходя из идеологических установок партийные органы вели широкую антирелигиозную пропаганду.

О том, каким было положение в этой сфере до «перестройки», можно судить по справке об участии молодежи в совершении религиозных обрядов подготовленной отделением КГБ по Башкирии в 1984 г. для первого секретаря обкома М. Шакирова.

В справке отмечалось, что в БАССР действует всего лишь 17 православных церквей, 14 мечетей и 5 молитвенных домов баптистов.

Православную церковь в 1984 г. посещали в основном женщины престарелого возраста (95%). В мечети ходили в большинстве случаев мужчины, также преклонного возраста. Молодежь появлялась в церквях и мечетях крайне редко[1].

Таким образом, данный документ ясно показывает, что религиозная идентичность в БАССР к 1980-м годам была практически полностью подавлена.

С распадом СССР в стране начался так называемый религиозный «ренессанс», связанный с восстановлением традиционных конфессий. Однако сегодня уже видно, что в большинстве случаев под видом восстановления религиозной традиции идет актуализация социальной архаики, которая в действительности ей противоположна. И это достаточно серьезная проблема, поскольку архаизация – негативный социокультурный феномен, который является одним из показателей примитивной социальной организации общества.

Традиция характеризуется, прежде всего, доминированием логоса над мифом, в то время как архаика – это царство мифа, коллективного бессознательного. В любом развитом традиционном (религиозном) обществе нет слепого фундаментализма архаики, основанного на чистом мифе, поэтому традиционные формы религии во многом рациональны. Носителей же архаики как раз можно определить такими чертами как – неспособность к диалогу, крайность, эмоциональность, низкий образовательный уровень.

Традицию и архаику в сфере религии необходимо различать; при этом первую нужно поддерживать, в том числе и со стороны государства, со второй – бороться, желательно через Просвещение и поднятие образовательного уровня населения. Сложность данной ситуации и в том, что если в Православии эта проблема стоит не так остро, то в Исламе, и, частности в Башкирии, она уже начинает выступает как определенный фактор общественного раскола.

В целом необходимо понимание того, что уже в XX в. с религией происходит сложная трансформация. В позднем Модерне религия утрачивает свое социальное измерение, перестает быть полноценным и центральным институтом, определяющим структуру, становится индивидуальным и произвольным делом отдельной личности. И сегодня религия возвращается, но не в форме полноценного социального института, а по сути, в виде симулякра. Религия возвращается в форме китча, который вплетается в общий гротескный контекст культуры Постмодерна, постоянно демонстрирующий на разные лады, что Модерн не выполнил свою освободительную миссию и остался – вопреки своим претензиям – в

[1] Буранчин А.М. Этнополитическое развитие Республики Башкортостан в 1990-2000 гг. Уфа: РИО РУНМЦ МО РБ, 2006. С. 121.

значительной степени «традиционным обществом», которое он силился изжить[1].

Видимость религиозного возрождения традиционных конфессий связана с ослаблением давления Модерна и свертыванием обязательной модернизации. Постмодерну в отличие от Модерна религия не опасна, так как Постмодерн наступает тогда, когда социальные связи прошли точку разрыва и никакие по-настоящему интегрированные тотальные социальные явления невозможны.

Другую проблему, возникшую с усложнением структуры регионального сообщества, также можно отнести к социальным угрозам нового типа. Возьмем в качестве примера деятельность мусульманской уммы Башкортостана. На фоне определенного кризиса официальных духовных управлений республики (ДУМ РБ, ЦДУМ России), идеологии «традиционного ислама», в Башкирии, как и в других «мусульманских» регионах РФ, расширилась сфера деятельности деструктивных религиозных течений (радикальные салафиты, нурсисты и др.), социальной базой которых преимущественно является слабо социализированная молодежь. Государством в этой сфере проводится большая работа, которая включает в себя, в том числе активную поддержу исторически традиционной для региона формы или версии ислама, а также деятельность официальных структур. Однако основная проблема в том, что центр силы постепенно смещается в сторону неформального сегмента религиозной сферы, деятельность акторов в котором носит преимущественно закрытый характер. Иными словами процессы в данной области постепенно спускаются «вниз», на нижние этажи общества и фактически идут за пределами институциональных полей, поэтому их практически невозможно контролировать или серьезным образом влиять на них.

Причина данного общественного феномена порождена сложной трансформацией социального пространства. Дело в том, что сегодня параллельно вертикальному строению иерархизированных региональных структур, возникли социальные ниши ризоматического характера, то есть крайне неоднородного пространства, которое функционирует как клубневые растения или грибницы.

Клубневая организация пространства – это пространство без каких-либо центров иерархизации, точек развития, инстанций, устанавливающих коды функционирования системы[2]. И главная проблема заключается в том, что государство не может контролировать эти ниши иными инструментами, кроме силового подавления, что, однако, зачастую приводит к обратному эффекту. Более того, это, безусловно, сфера существования социальной архаики, не имеющей четкой структуры или формы; со своей параллельной логикой и языком мифа.

---

[1] Дугин А.Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. М.: Академический Проект; Трикста, 2010. С. 432.
[2] Там же. С. 201.

В целом хотелось было отметить, что сегодня современное региональное сообщество пребывает как бы в двух регистрах. На уровне элиты и интеллигенции оно мыслит категориями Модерна, консервативными и частью либеральными нарративами. Для местных элит общество еще есть, интеллектуально они живут еще в Модерне. Но массы, и особенно молодежные, переставшие понимать «большие нарративы», погружаются в стихию социального разложения, дефрагментации, группируясь по локальным коллективам, за пределами которых мир и общество существуют виртуально, как иная реальность. Молодежь все меньше понимает Модерн и его дискурс[1].

Фиксация на локальностях, особенно заметно проявляющаяся в молодежной среде, позволяет понять устройство сетевого общества, которое является характерным признаком Постмодерна. Сеть не имеет центра. Она развертывается одновременно от нескольких полюсов, причем эти полюса могут появляться и исчезать, перетекать один в другой, увеличиваться в количестве или сокращаться[2].

Как ни странно, усиление роли локальных общностей для Республики Башкортостан во многом есть результат изменений политического характера, которое также можно рассматривать в контексте новых социокультурных вызовов.

Таким образом, подытоживая вышесказанное можно сделать следующие выводы.

В настоящий момент Республика Башкортостан находится в условиях сложных и неоднозначных трансформационных процессов запущенных новым этапом модернизации. Данные процессы имеют нелинейную динамику, в определенных сферах они протекают как в положительном, так и негативном ключе.

В рамках политических реформ регионального сообщества возникли точки конфликтности, угрозы нового типа, что усложняет общую картину общественных процессов, требует более внимательного, глубокого анализа.

Из угроз нового типа наиболее важными, на наш взгляд, являются:

– социально-экономическая нестабильность, осложненная геополитическими и внутренними (общероссийскими) факторами.

– постепенная утеря социальной связности региона, его социокультурная неоднородность. Заметная архаизация, особенно, на уровне субрегионов, как культуры населения, так и хозяйственных практик.

– и, наконец, хоть и не большой, но заметный рост носителей религиозного фундаментализма в Башкирии, появление новых деструктивных течений.

---

[1] Там же. С. 518.
[2] Там же.

3.4. Роль национально-культурных объединений Республики Башкортостан в разрешении межэтнических конфликтов и профилактике экстремизма

Работе с национально-культурными объединениями в Башкортостане традиционно уделяется большое значение, поскольку их активная культурно-просветительская деятельность является важной составляющей при формировании «позитивной повестки» в сфере межнациональных отношений в регионе. Одновременно представители местных диаспор оказывают весомую помощь при купировании конфликтных или предконфликтных ситуаций, возникающих в основном на бытовом уровне.

Еще в 2011 году был образован Совет при Президенте Республики Башкортостан по вопросам содействия укреплению межнационального согласия и мира, действуют муниципальные общественно-консультативные советы по межконфессиональным и межнациональным вопросам. Создана правовая база государственной национальной политики, которая предоставила гражданам всех национальностей возможность более полной реализации конституционных прав на сохранение и развитие родных языков, культур и традиций. В 2000 году в республике создана Ассамблея народов Башкортостана, основными задачами которой являются сохранение и укрепление межнационального согласия и духовного единства, содействие сохранению культурно-исторического наследия народов и укреплению государственных языков РБ, создание условий для возрождения и развития народных промыслов.

Исполнительным органом организации выступает «Дом дружбы народов РБ». В состав Президиума Совета Ассамблеи народов входят 7 человек; организацию возглавляет заместитель председателя Комитета Государственной Думы по культуре З.Я. Рахматуллина. Совет Ассамблеи народов Республики Башкортостан состоит из 34 человек.

В 2000, 2009, 2015 годах состоялись три съезда Ассамблеи народов Башкортостана, которые вызвали положительный резонанс среди населения. В состав Ассамблеи народов Башкортостана входят наиболее крупные национальные общественные объединения, которые с учетом интересов народов самостоятельно разрабатывают планы мероприятий, направленные на сохранение своего родного языка, национальной культуры.

Активную работу в области сохранения межнационального мира в регионе ведет и Государственное бюджетное учреждение «Дом дружбы народов Республики Башкортостан», руководителем которого является к.с.н., И.З. Султанмуратов.

В настоящее время в Доме дружбы народов РБ успешно функционируют 16 историко-культурных центров (ИКЦ), которые являются его филиалами. Это – Башкирский историко-культурный центр «Саитбаба», Башкирский историко-культурный центр «Темясово», Аксаковский историко-культурный центр, Татарский историко-культурный центр,

Белорусский историко-культурный центр, Украинский историко-культурный центр, Чувашский историко-культурный центр, Мордовский историко-культурный центр, Немецкий историко-культурный центр и др.

Более 40 национально-культурных центров республики сотрудничают с Домом дружбы народов, а также входят в состав Ассамблеи народа РБ. Сегодня активную общественно-культурную деятельность в рамках реализации национальной политики в регионе ведут исполкомы Международного союза общественных объединений «Всемирный курултай (конгресс) башкир», Собора русских Башкортостана, Региональной национально-культурной автономии татар Башкортостана (РНКАТ РБ), Региональной марийской национально-культурной автономии «Эрвел Марий» РБ, а также Республиканский национально-культурный центр удмуртов РБ, Мордовский национально-культурный центр РБ, Республиканский национально-культурный центр украинцев Башкортостана «Кобзарь», Культурно-просветительский союз немцев РБ «Видергебурт», Еврейская общественная организация «Кохав» РБ, Центр казахской национальной культуры «Ак Бата», Центр кыргызской культуры «Ала-Тоо» РБ, Национально-культурный центр армян РБ «Севан», Туркменский центр национальной культуры РБ, Центр таджикский национальной культуры им. И. Сомони, Азербайджанский национально-культурный центр РБ и др.

Ежегодно проводится конкурс среди общественных организаций на право получения субсидии за счет средств бюджета Республики Башкортостан, а также за счет средств, предоставляемых из федерального центра бюджету РБ на реализацию федеральных и региональных целевых программ в области укрепления гражданского единства, гармонизации межнациональных отношений и содействия этнокультурному многообразию народов России.

Председатель Совета Ассамблеи народов России С. Смирнова в своем отчетном докладе по итогам 2017 года особо отметила положительный опыт деятельности Ассамблеи народов Башкортостана в муниципалитетах республики. Как в свою очередь сообщила председатель Ассамблеи народов РБ З. Рахматуллина: «Ассамблея работает в тесном сотрудничестве с муниципалитетами, финансовая, организационная, информационная поддержка которых позволяет «Дому дружбы» и его филиалам на должном и качественном уровне проводить отборочные туры республиканских и иных конкурсов, многочисленные научные, фестивально-зрелищные, обрядовые мероприятия, которые давно стали не только культурными брендами своих районов, но и республиканскими, региональными, межрегиональными».

В области развития национальных культур ежегодно проводятся Международный Аксаковский праздник, Дни славянской письменности и культуры. Традиционными стали республиканские праздники «Шежере байрамы», «Широкая Масленица», «Навруз», праздники национальных культур народов, населяющих республику.

Можно выделить ряд значимы мероприятий, проведенных за последние годы в рамках работы с национально-культурными объединениями Башкортостана.

Так, в марте 2017 г. в. Уфе прошло Заседание Президиума Совета Общероссийского движения «Ассоциация финно-угорских народов РФ». На заседании принимали участие – члены Президиума Совета АФУН РФ из республик Марий-Эл, Мордовии, Удмуртии, Карелии, Кировской области и Ненецкого автономного округа. Делегацию возглавил Председатель Общероссийского общественного движения АФУН РФ, Глава ГО г. Саранск П.Н. Тултаев, а также представители органов государственной власти и руководители общественных объединений РБ. Были обсуждены вопросы этнокультурного развития финно-угорских народов республики и общее состояние национального вопроса в Республике Башкортостан и России.

В апреле в Доме дружбы народов РБ состоялась отчетно-перевыборная конференция РОО «Ассамблея финно-угорских народов РБ». В работе приняли участие делегаты из районов и городов РБ с компактным проживанием финно-угорского населения, национально-культурные центры РБ, представители органов исполнительной власти.

20 июня 2017 г. в Уфе прошел круглый стол «Межэтнические отношения в Республике Башкортостан и национальная политика в современной России». Организаторами мероприятия выступили Центр гуманитарных исследований Министерства культуры РБ и Региональное отделение Академии военных наук по РБ при поддержке Администрации Главы Республики Башкортостан.

Значимым событием для республики стало проведение 6 июля в Уфе российско-иранского социально-культурного форума. В нём приняли участие Специальный помощник Президента Исламской Республики Иран по делам национальностей, религиозных меньшинств и мазхабов Али Юнеси, Чрезвычайный и Полномочный Посол Исламской Республики Иран в РФ Мехди Санаи, руководитель ФАДН Игорь Баринов, руководитель Федерального агентства по туризму Олег Сафонов, депутаты Государственной Думы, представители регионов России, экспертного сообщества.

В рамках форума состоялась работа секции «Гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений», на которой обсуждались вопросы сохранения и развития национальных традиций, профилактики проявлений экстремизма на национальной и религиозной почве. Участниками работы секции стали руководители национальных общественных организаций – татарского, марийского, грузинского, азербайджанского, еврейского и других центров.

В сентябре 2017 г. РОО «Национально-культурная автономия татар РБ» провела обучающий семинар для руководителей местных национально-культурных автономий татар Республики Башкортостан. В повестке

семинара: сохранение и развитие родного языка, культуры и традиций народа, а также укрепление межнационального мира и согласия на примере проводимых проектов; развитие этнокультурного туризма; планы на 2018 год.

Одним из показателей плодотворной работы национальных объединений РБ с органами исполнительной власти является высокий показатель удовлетворенности своими национальными потребностями среди этнических групп населения РБ – 72,9%.

Так, отвечая на вопрос о степени удовлетворенности различными сторонами жизни, в рамках проводимых ЦГИ опросов, выше всего респонденты оценили личную безопасность и возможность реализации национальных потребностей (79,2% и 72,9% опрошенных, соответственно, удовлетворены этим аспектом жизнедеятельности). Наиболее низкие оценки удовлетворенности материального положения (52,5%) и достижения своих целей (55,5%).

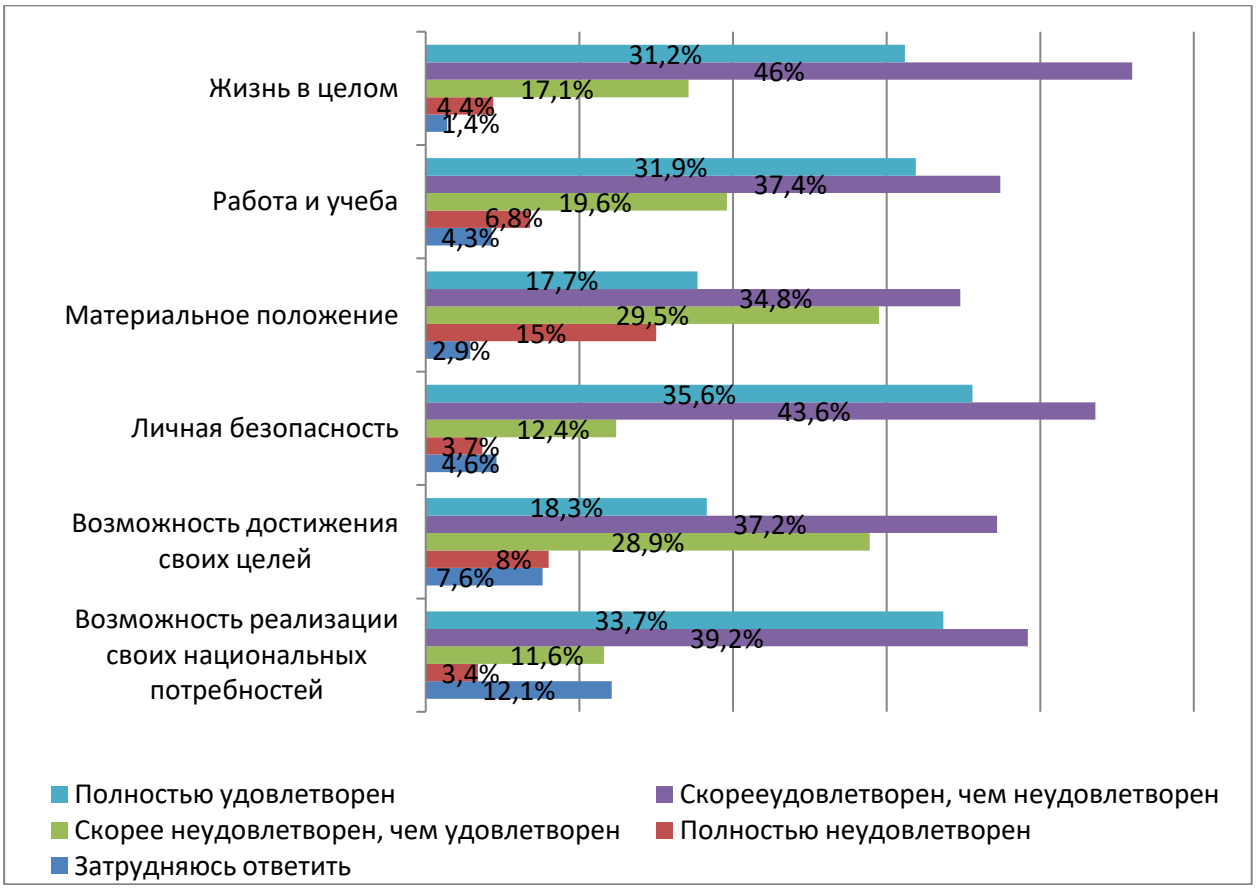

Рис. 1. Оценка респондентами удовлетворенности различными сторонами жизни, в %

При этом свои возможности реализации национальных потребностей жители столицы оценили несколько ниже, чем остальные респонденты (69,3% против 74,3% и 74,2% респондентов из других городов и сел, соответственно). Выше доля удовлетворенных реализацией национальных потребностей отмечена в самой молодой возрастной группе, в отличие от

остальных (80,1% против 74,3% 25-30 лет, 69,1% 31-40 лет, 71,0% 41-50 лет, 72,0% 51-60 лет, 74,2% от 61 и старше).

По национальному признаку нет значительных различий в ответах. Среди башкир, удовлетворенных возможностями реализации своих национальных потребностей оказалось 71,8%. Данный показатель является целевым и входит в число показателей, отражающих степень реализации Государственной программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Республики Башкортостан».

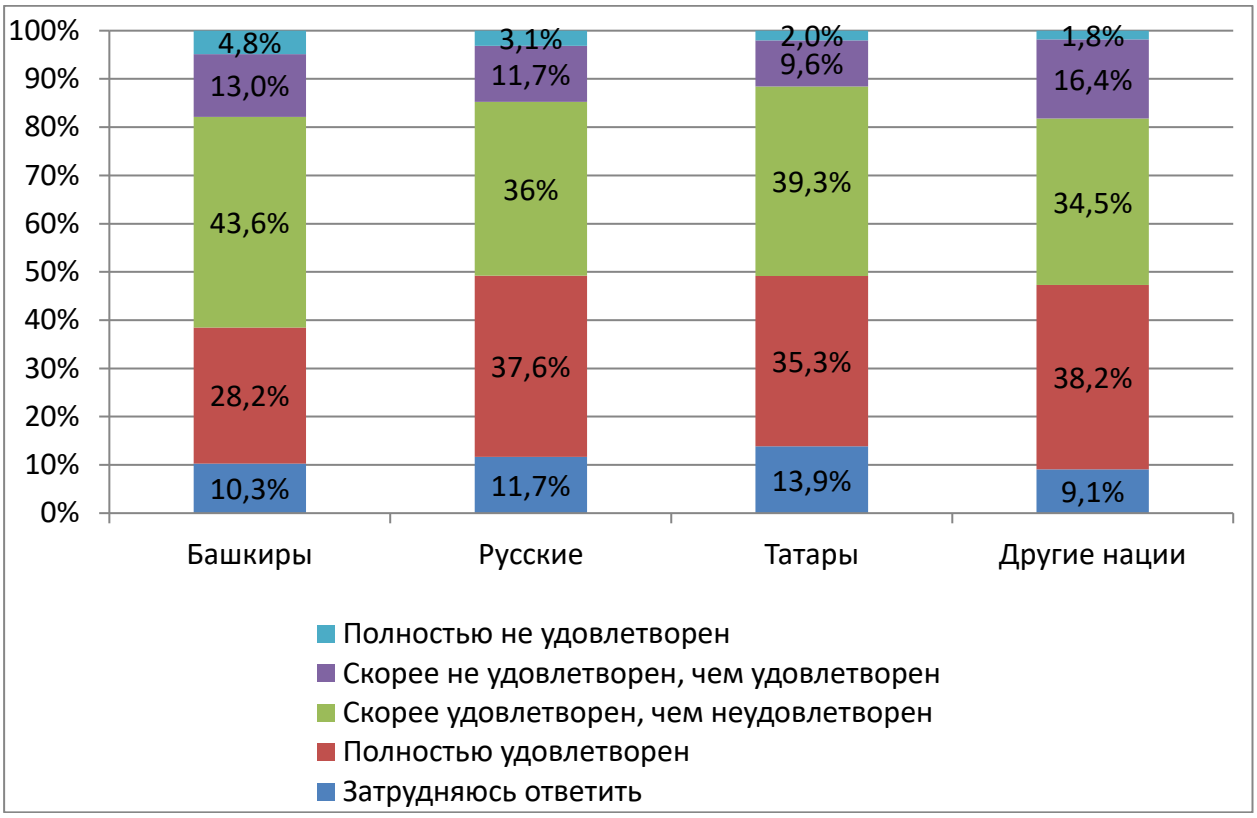

Рис.2. Оценка респондентами удовлетворенности возможностью реализации национальных потребностей в зависимости от национальности

В целом в можно отметить, что большинство принявших участие в настоящем опросе (72,9%), считают свои культурно-языковые решенными в достаточной мере. Причем данный показатель заметно превышает процент по сравнению с результатами 2016 г.

Таким образом количество удовлетворенных своими национально-культурными потребностями в Республике Башкортостан, по сравнению с предыдущими годами, возросло и имеет положительную динамику; что в свою очередь говорит об эффективности проводимой национальной политики в регионе в аспекте взаимодействия с национально-культурными объединениями Башкортостана.

Деятельность национально-культурных центров РБ (особенно диаспор) зачастую связанна с миграционными процессами в регионе.

Дело в том, что миграционное движение в Российской Федерации определяется, прежде всего, международной миграцией, оказывающей огромное социально-экономическое и демографическое воздействие. В последние четверть века массовая миграция иностранных граждан, прибывающих как на законных основаниях, так и незаконно, способствовала усилению межнациональных и межконфессиональных противоречий, нарастанию напряженности в обществе и росту экстремистских преступлений. Основную массу мигрантов составляют выходцы из бывших, в основном среднеазиатских, республик СССР, тесные связи с которыми сохраняются до сих пор, а развитию отношений с ними придается особое значение. В строительстве, в сферах жилищно-коммунального хозяйства и услуг, аграрном секторе и экономике в целом нехватка кадров всех квалификаций восполняется за счет иностранных работников.

В этой связи и Башкортостан является миграционно привлекательным регионом и миграционные процессы оказывают значительное влияние на социально-экономическое и социокультурное развитие республики, включая и сопутствующие риски. Например, рост преступности.

К примеру, только в 2017 г. по данным МВД по РБ на территорию республики прибыло 67287 иностранных граждан, из них выходцев из стран Средней Азии (Узбекистан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Казахстан) – 45787, из стран Закавказья (Азербайджан, Армения, Грузия, Абхазия, Южная Осетия) – 7238, из стран с напряженной и неблагоприятной террористической и экстремистской обстановкой (Афганистан, Ирак, Пакистан, Турция, Украина, Иран, Сирия) – 2862.

Наибольшая концентрация прибывших иностранных граждан наблюдалась в наиболее экономически развитых районах и городах республики, таких как г. Уфа, г. Стерлитамак, Уфимский район и др.

В тоже время за 12 месяцев 2017 года непосредственно иностранными гражданами на территории Республики Башкортостан было совершено 422 преступления, в том числе убийств – 7, умышленных нанесений тяжких телесных повреждений – 9, разбоев – 16, грабежей – 16, краж – 67, хулиганских действий – 1, изнасилований – 52, мошенничества – 5.

В контексте приведенной выше информации, интерес представляют данные социологического опроса проведенного ЦГИ Минкультуры РБ в 2017 г., которые затронули также вопросы, связанные с отношением местного населения к мигрантам. Так, в числе проблем, которые на сегодняшний день вызывает у населения наибольшую обеспокоенность самыми актуальными, являются социально-экономические и социально-политические. Нарастание враждебности между коренным населением и мигрантами отмечает 18,6% опрошенных, что является одной из самых нижних позиций, беспокоящих население.

Необходимо отметить, что в городах республики ситуация воспринимается несколько острее. Так, проблема нарастания враждебности между местным населениям и мигрантами, в Уфе составляет 17,9%, в других

городах республики 24,4%, на селе 14,2% среди опрошенных. Соответственно жителей столицы и сел проблемы миграции беспокоят в меньшей степени, чем жителей других городов.

Стоит указать, что доля респондентов, считающих, что мигранты приносят больше вреда, чем пользы, несколько выше, тех, кто разделяет противоположную точку зрения (36,4 против 23,6%, соответственно). При этом необходимо отметить значительную долю (40% опрошенных) затруднившихся ответить на вопрос о роли мигрантов в жизни республики.

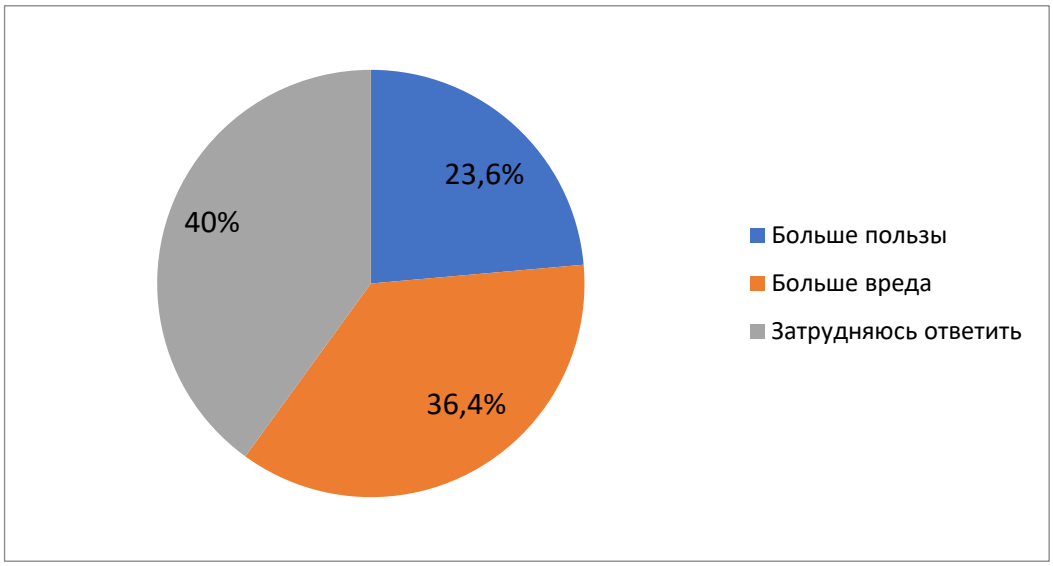

Рис.1. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, в Республике Башкортостан трудовые мигранты приносят больше пользы или больше вреда?»

При этом мнения жителей г. Уфы, других городов и селян имеют значительные различия. Если уфимцы по большей части затруднились ответить на данный вопрос, то селяне в большинстве однозначно заявили, что трудовые мигранты приносят больше вреда, чем пользы. Жителей других городов отличает высокий разброс мнений. Хотя большинство полагает, что мигранты приносят больше вреда, значительная доля жителей других городов видят в их деятельности большую пользу.

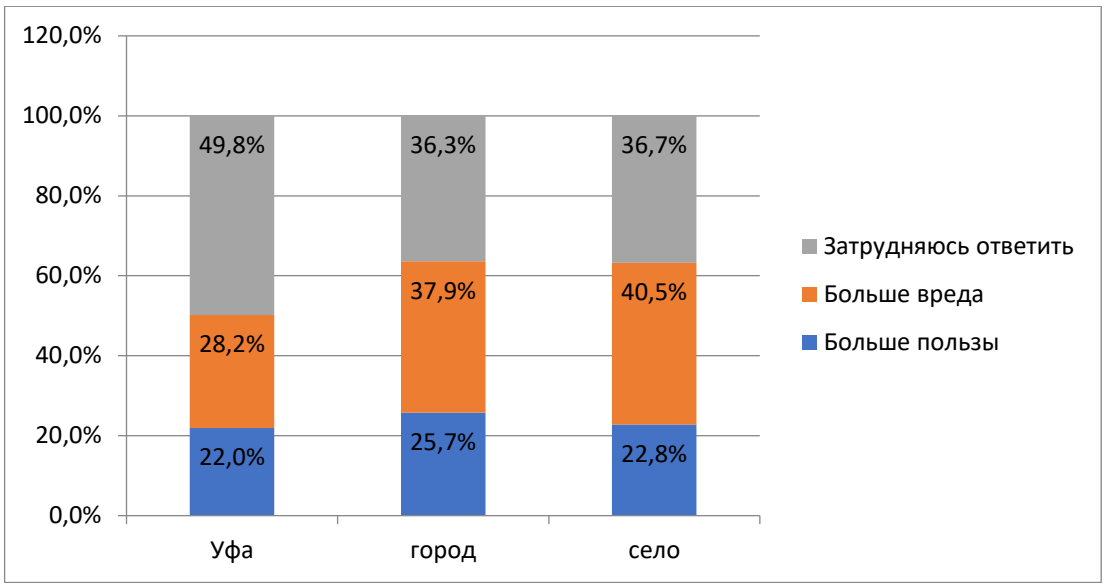

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, в Республике Башкортостан трудовые мигранты приносят больше пользы или больше вреда?» в зависимости от места жительства

В этой связи, интерес вызывает отношение местного населения к мигрантам в 2016 г. Так, на вопрос: «Как бы Вы оценили в целом отношение местного населения к мигрантам, прибывшим в Башкортостан из ближнего и дальнего зарубежья?». Положительное отношение высказало 16,2% респондентов. «Скорее положительно, чем отрицательно» также 16,4%. «Не положительно и не отрицательно» – 21,7%. «Скорее отрицательно, чем положительно» – 19,4%, «отрицательно» – 13,8%. Затруднилось ответить – 12,5%.

По данным опроса 2017 г., большинство опрошенных (62,8%) сталкиваясь в повседневной жизни с трудовыми мигрантами из других стран, не испытывают опасения. При этом 33,9% настороженно относятся к этой категории «гостей» республики. Чаще всего с мигрантами респонденты сталкиваются в торговых точках (34%), в транспорте (16,8%) (Таблица 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Где Вы чаще всего встречаете мигрантов?»

	Процент	Процент наблюдений
Нигде не встречаю	8,0%	10,8%
В подъезде, во дворе своего дома	4,9%	6,5%
В магазине, торговых центрах	34,0%	45,7%
На работе	10,0%	13,4%
В транспорте (автобусы, такси, маршрутки)	16,8%	22,5%
В спортивных клубах, фитнес–центрах	1,5%	2,1%
В учреждениях культуры (библиотеки, клубы, театры и т.д.)	1,3%	1,7%

В социальных учреждениях (больницы, поликлиники, школы, детские сады)	7,2%	9,6%
Другое	4,6%	6,2%
На улице	3,6%	4,9%
На стройке	1,6%	2,2%
Везде	1,9%	2,5%
Затрудняюсь ответить	4,7%	6,4%
Всего	100,0%	134,4[1]%

Негативное отношение местного населения к трудовым мигрантам во многом обусловлено тем, что в условиях безработицы, снижения уровня жизни в стране, последние составляют конкуренцию жителям республики на рынке труда. Так, 61,6% респондентов считают, что многие их знакомые и родственники готовы делать работу, которую сейчас выполняют мигранты. Каждый пятый разделяет противоположную точку зрения. 17,5% опрошенных затрудняются с определением своей позиции по этом вопросу.

Эти данные подтверждаются и опросом 2016 г. Вопросы не являются полностью идентичными опросу 2017 г., однако верно отражают суть и тенденции в отношении местного населения к мигрантам. Так, результаты ответов на вопрос: «С какими проблемами, связанными с трудовыми мигрантами, сталкивается местное население? (укажите все возможные варианты)». Наибольший процент считает, что риски, связанные с мигрантами связаны с «ростом безработицы» (44,3%), «вытеснение местного населения из ряда отраслей экономики» (29,2%), далее идет «ухудшение условий труда и снижение требований к рабочим местам», «криминализация общества» по 21,8% ответивших. 17,3% затруднилось с ответом на данный вопрос.

В связи с этим, стоит отметить, что в республике наблюдается тенденция роста нелегальной трудовой миграции за счет так называемых «сезонных мигрантов», в первую очередь, из Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана. Нелегальная трудовая миграция заменяет местных жителей в секторах, в которых требуется низкоквалифицированная рабочая сила – в строительстве, в качестве подсобных рабочих на рынках, на отдельных видах сельскохозяйственных работ с невысоким уровнем оплаты труда.

Увеличение числа иностранных граждан может создать благоприятные возможности для улучшения демографической ситуации и ликвидации возможного дефицита рабочей силы, но это возможно только при значительных материальных затратах со стороны государства. В сочетании с нерешенностью проблем жизнеобеспечения значительной части местного населения увеличение количества иностранных граждан может повлечь дополнительную нагрузку на инфраструктуру республики и повысить уровень конфликтности в сфере межнационального общения и межкультурного взаимодействия.

[1]Сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Вместе с тем деятельность организованных преступных групп, построенных на этнической основе, попытки их влияния на органы государственной власти и органы местного самоуправления, риски экстремизма, коррупция, связанная с деятельностью этих групп, использование труда нелегальных мигрантов провоцируют рост националистических настроений, приводящих к межнациональным конфликтам.

Большинство опрошенных (около 70%) считают, что в их городе (посёлке, селе) нет каких-либо противоречий и конфликтов между приезжими других национальностей и местными жителями. Вместе с тем 15,3% опрошенных отмечают наличие конфликтных ситуаций как с мигрантами из других стран (8,6%), так и из других регионов (6,7%).

Миграционные процессы являются одной из важных компонент развития межнациональных отношений. Возрастающая дифференциация населения по этнонациональному и конфессиональному признакам сопровождается нарушением сложившегося этнокультурного равновесия, сегментацией рынка труда, сложностями межкультурной адаптации и, как следствие, снижением толерантности совместно проживающих людей.

Беспокойство местного населения миграционными процессами в основном связано с социально-экономическими и бытовыми причинами. Миграция, прежде всего, проявляется в росте нагрузки на экономическую (рынок труда) и социокультурную (рынок потребления услуг) инфраструктуру, что приводит к росту конкуренции. Оценка конкуренции в массовом сознании, преломляется сквозь призму межэтнических отношений. Возрастание культурной дистанцированности от принимающей стороны, формирование замкнутых этнических общин, распределение мигрантов и коренных жителей по разным сферам приложения труда формирует социальную напряженность в местах повышенной концентрации мигрантов, ведет к возможным локальным вспышкам этнических конфликтов, росту ксенофобии.

В тоже время проблемы, связанные с мигрантами, включая вопросы их собственной адаптации, стоят достаточно остро и обусловлены как их высокой этнической самоидентификацией, так и рядом социально-психологических и социально-экономических проблем. По статистике, наиболее массово в Башкортостан гастарбайтеры прибывают из Узбекистана, Азербайджана и Таджикистана. Рост количества мигрантов, часть из которых находится в республике нелегально, влияет на ухудшение криминогенной обстановки, является одним из важных факторов межэтнической напряженности.

Негативное отношение к мигрантам жители республики связывают, прежде всего, обострением конкуренции на рынке труда и активной криминализацией бизнеса. В условиях роста безработицы в будущем сохранятся негативные тенденции миграции. Указанные тенденции сопряжены с дополнительными рисками дестабилизации общественного

порядка, нарастания экстремистских проявлений и эскалации межнациональных (межэтнических) конфликтов, реагирование на которые потребует принятия мер к усилению миграционного контроля со стороны уполномоченных органов.

Кроме того, как отмечают исследователи: «В последние годы особую опасность представляет рост экстремизма в миграционных процессах. Данный феномен является питательной средой для политического радикализма, экстремизма и терроризма. На территориях массовых вселений мигрантов зачастую формируются иммигрантские этнические и религиозные молодежные группировки экстремистской направленности, они демонстрируют свое агрессивное и враждебное отношение к менее сплоченному местному населению. В противовес им из числа местного населения создаются молодежные группировки тоже экстремисткой направленности, ориентированные на разжигание враждебного отношения к иммигрантам»[1].

К сожалению, такого рода тенденции наблюдаются и в Республике Башкортостан. Для примера можно взять произошедший конфликт в с. Темясово Баймакского района РБ.

Так, в ночь с 29 на 30 сентября 2018 г. в поселке Темясово подрались местные жители и приезжие рабочие чеченцы, работающие в карьере, их было порядка 10 человек. Хронология событий, судя по материалам СМИ, была следующей: трое представителей чеченской национальности зашли в кафе «Шаурма» в с. Темясово и начали распивать алкоголь, после начали приставать и оскорблять девушку, работающую продавщицей, в данном магазине. Далее, девушка пожаловалась брату, после чего и начался конфликт, переросший в драку и поножовщину, в результате которого житель с. Темясово оказался в тяжелом состоянии в реанимации, с ножевым ранением в брюшную полость в Центральной больнице Баймакского района. По другой информации второй потерпевший получил незначительное ножевое ранение.

Формально это был бытовой конфликт, которые часто случаются между мигрантами и местными; и, которые должны решаться правоохранительными органами в рамках законодательного поля. Однако по странной случайности в этот день проходил сбор сторонников национальной организации «Башкорта» в Уфе. В итоге им удалось за короткие сроки мобилизовать из Уфы, Сибая к отделению полиции в Темясово до 300 башкирских активистов, которые приехали туда на 60 автомашинах и стали требовать выдачи задержанных.

После того как задержанных отпустили, члены «Башкорта» вернулись в Уфу, где провели небольшой сход (около 20-30 человек) возле памятника

[1] Кононов Л.А., Чеботарев А.В. Взаимосвязь экстремизма и современных миграционных процессов как предмет политологического исследования // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 70, 2018. С.113.

Салавату Юлаеву. Оттуда было сделано видеообращение председателя организации Фаиля Алчинова на родном языке «к башкирской молодежи». Он заявил, что потасовку с чеченами власти и некоторые провокаторы, пытаются интерпретировать как «бытовой конфликт» хотя «это драка между двумя народами». «Башкорт» будет следить за развитием ситуации и «не оставит дело просто так». «Данный случай – это «результат детальности руководства республики и башкирская молодёжь будет действовать против засилья мигрантов из Средней Азии» и т.д.

После этого лидерами организации «Башкорт», 6 октября в Баймакском районе возле о. Графское, был проведен уже Съезд башкирской общественности. На данный Йыйын (съезд) собралось около 1000 человек, преимущественно из числа башкирской молодежи. Кроме самих жителей Баймакского района, в данном мероприятии приняли участие приехавшие «поддержать темясовцев» представители Белорецкого, Хайбуллинского, Абзелиловского, Зилаирского районов, а также городов Сибая и Уфы. Основные темы и лозунги, озвученные на сходе – о сохранении прав республики, засилье со стороны мигрантов, тяжелом социально-экономическом положении башкир, закрытии школ. 14 октября состоялся сход молодежи уже в Зианчуринском районе (в рамках других сходов, которые массово начались в Зауралье), с численностью до 500 человек.

Говоря о «Башкорте» необходимо указать на следующие моменты. Падение популярности среди башкирской общественности, обострившиеся конфликты внутри организации и уход ряда сторонников, в том числе имеющих авторитет в кругу башкирских активистов, «разбудили» руководство «Башкорта», которое резко нарастило свое присутствие и в социальных сетях, и в оффлайне. Конфликт с чеченскими рабочими в Баймакском районе, привлекший внимание общества и продемонстрировавший мобилизационный потенциал башкирской молодежи зауральских районов, по сути, сыграл на руку «Башкорту», который попытался первым возглавить волну протестов и набрать политические очки на теме.

Очевидно, чтобы не ослаблять эффект и закрепить свое присутствие на территории, лидеры «Башкорта» и приняли решение провести 6 октября Форум башкирских парней Зауралья в Баймакском районе, на Графском озере. Интерес к форуму привлек внимание тысяч пользователей, которые поддержали его проведение и выразили желание принять участие. Некоторые пользователи назвали этот Йыйын «экстренным съездом», учитывая возникший конфликт между местным населением и приезжими работниками и необходимость консолидации всех башкир.

То есть в этих условиях, ранее маргинальная организация «Башкорт», используя антимигрантские настроения среди местных жителей Башкирского Зауралья, попыталась найти новых сторонников и поднять свой политический статус.

Как действовали местные власти в данной ситуации? В принципе достаточно логично и эффективно. Так, еще 1 октября, вечером, состоялось совещание у главы Администрации Баймакского района И. Ситдикова по произошедшему конфликту между представителями чеченской диаспоры и местными жителями с. Темясово. На совещании присутствовали представители: Администрации Баймакского района, сельского поселения Темясовский с/с, Администрации Главы РБ, председатель Курултая башкир А. Ишемгулов, Начальник РОВД Баймакского р-на; сотрудники Центра по борьбе с экстремизмом РБ, ФСБ, главврач Баймакского р-на, общественники Зауралья, жители с. Темясово, оппозиционный политик Айрат Дильмухаметов и представитель Рамзана Кадырова в РБ С. Мусаев.

В ходе общения за круглым столом, участники пришли к единому мнению, что «вопрос о межнациональном конфликте надуман и раздут, а сама драка произошла на бытовой почве. Вина зачинщиков устанавливается, и после выяснения всех обстоятельств, итоги расследования будут официально озвучены правоохранительными органами».

Представитель чеченского народа в РБ и Главы Чеченской Республики Р. Кадырова Сайдамат Мусаев публично извинился за пьяную выходку представителей своего народа и заверил собравшихся, что данная ситуация находится под личным контролем Р. Кадырова, а виновные получат суровое наказание у себя на родине.

Таким образом, именно согласованные действия, прежде всего, местных властей, силовиков и представителей национальных центров, позволили остановить разраставшийся конфликт в с. Темясово. Другое дело, что правильное и объективное информационное освещение событий было полностью провалено в результате спекуляций со стороны ряда оппозиционных СМИ, а также политических сил, которые в тот момент были заинтересованы в смещении Р. Хамитова с поста Главы РБ.

В этой связи возникает вопрос: каков сегодня реальный потенциал диаспор РБ в урегулировании подобных конфликтов?

14 августа 2019 г. по заказу Центра гуманитарных исследований Министерства культуры РБ состоялся опрос (фокус-группа) представителей национально-культурных центров и общественных организаций региона на тему: «Проблемы взаимодействия этнических диаспор с социальными институтами Республики Башкортостан» (модератором опроса выступил руководитель Республиканского центра кадрового тестирования, профессор, д.п.н. Р.Ф. Латыпов).

Группа состояла из семи человек – представителей наиболее крупных диаспор РБ, а также имеющих негативный бэкграунд или конфликтный потенциал в рамках межнационального взаимодействия, особенно с местным населением:

- Магомедов Хабиб Шагидалиевич, заместитель председателя Башкирской Республиканской общественной организации Дагестанской национальной культуры;

- Ахунбабаев Икрамжон Мусалджанович, председатель Региональной общественной организации «Узбекский национально-культурный центр по Республике Башкортостан»;

- Мусаев Сайдамат Сайдмагомедович, представитель Главы Чеченской Республики в Республике Башкортостан;

- Буров Хакимджон Бегиджонович, заместитель председателя Региональной общественной организации – Центр таджикской национальной культуры им И. Сомони РБ;

- Мурадян Ашот Мушегович, председатель Региональной общественной организации «Национально-культурный центр армян Республики Башкортостан «Севан»;

- Кузембаев Аскар Бердиканович, председатель Региональной общественной организации «Центр казахской культуры «Шанырак» РБ;

- Дадашов Мирза Мохуббатович, председатель региональной общественной организации «Азербайджанский конгресс».

Основный круг проблем был предварительно обозначен экспертами ЦГИ по вопросам следующего характера (см. ниже), с целью выявить причины межэтнических конфликтов с точки зрения диаспоры и методы урегулирования ситуации:

- Как Вы оцениваете взаимоотношения между диаспорой, которую Вы представляете и местными жителями?

-Как Вы считаете отношения местных жителей к диаспорам в Башкортостане, лучше или хуже, чем в других регионах Российской Федерации?

- Были ли у Ваших земляков конфликты с местными жителями?

- Если да, то почему так произошло и кто был виноват?

- Как складываются взаимоотношения вашей молодежи и местной молодёжи?

- Как на Ваш взгляд складываются отношения Вашей диаспоры с местными властями? Нет ли проблем?

- Как складываются отношения Вашей диаспоры с правоохранительными органами?

- В чем причина возникающих проблем и как её разрешить? и др.

В результате были получены следующие выводы[1]:

1. В целом лидеры землячеств и диаспор настроены конструктивно и готовы к сотрудничеству с местным населением и муниципальными органами власти.

2. Из контекста выступлений участников можно сделать вывод о том, что землячества и диаспоры пользуются поддержкой органов власти

[1] Необходимо особо оговориться, что полученные данные должны интерпретироваться как данные социологического опроса, выражающие позицию лидеров этнических землячеств и диаспор, а не как экспертное заключение.

государств СНГ или республик – субъектов федераций Северного Кавказа. Диаспоры вертикально интегрированы, имеют координаторов в Москве, поддерживают связи с диаспорами из других регионов. Развиты горизонтальные связи между лидерами различных диаспор и землячеств.

3. По мнению лидеров землячеств и диаспор, наблюдается переход от стратегии трудовой миграции к стратегии постоянного проживания внутренних и внешних мигрантов на территории Республики Башкортостан. Диаспоры отвергают идею как анклавизации, так и ассимиляции, высказываясь в пользу модели глубокой интеграции в российский социум при сохранении основ этнической самобытности.

4. Жалоб на недостаточную толерантность местного населения в отношении мигрантов в ходе фокус-группы зафиксировано не было.

5. Лидеры землячеств и диаспор отрицают массовый характер межэтнических конфликтов, а также их этно-религиозный характер, настаивая на бытовом характере возникающих размежеваний.

6. Респонденты считают факторами возникновения межэтнических инцидентов:

— слабую социализированность молодёжи в российской правовом, культурном и языковом поле;

— деструктивную деятельность псевдорелигиозных сект;

— финансовую недоступность образования и спорта;

— коррумпированность правоохранительных органов;

— неэффективность муниципальной этно-конфессиональной политики;

— отсутствие каналов межкультурной коммуникации мигрантов и местного населения.

Кроме того, по экспертным оценкам участников фокус-группы лидеры диаспор РБ не контролируют молодёжь на все 100% – «это невозможно, но они прислушиваются».

Таким образом, позитивная роль институализированных диаспор (в виде национальных объединений и центров РБ) в сохранении межэтнического мира, в деле противодействия радикализму и разрешения конфликтов в Республике Башкортостан, пока еще достаточно высока. И главное сегодня – это не только правильно использовать данный потенциал, но и создать эффективную и действенную систему коммуникаций между диаспорами и властью (особенно на муниципальном уровне), а также вновь поднять вопросы по обеспечению «информационной безопасности» в регионе в случаях, подобных тем, которые произошли в с. Темясово осенью 2018 года.

ГЛАВА 4. ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИЗМА В ПОЛИЭТНИЧНОМ И МНОГОКОНФЕССИОНАЛЬНОМ РЕГИОНЕ: ТЕНДЕНЦИИ, РИСКИ И ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ*

(отчет по экспертному опросу – исследованию детерминации и проявлений экстремистских настроений в массовом сознании населения Республики Башкортостан и регионов России)

Рассматриваемая проблема сложна с исследовательской точки зрения, поскольку сопряжена с необходимостью не только определения ключевых понятий, но и высокой вероятностью неоднозначной трактовки как обычными респондентами, так и экспертным сообществом. Если некоторые термины имеет юридическое толкование (экстремизм, терроризм), чем можно воспользоваться при их уточнении и операционализации, то большая часть, известная на обывательском уровне, не вполне однозначна в определении. Так, например, требуют уточнения такие понятия, как «экстремистские настроения», «проявления экстремистских настроений», «массовое сознание населения», «склонность к экстремистским проявлениям» и т.д. Очевидно, определения могут быть получены посредством экспертных суждений.

С целью выявления основных детерминаций и тенденций в проявлениях экстремистских настроений в массовом сознании населения Республики Башкортостан на первом этапе был проведен экспертный опрос. Экспертный опрос – разновидность опроса, в ходе которого респондентами являются эксперты – высококвалифицированные специалисты в определенной области деятельности. Метод подразумевает компетентное участие специалистов в анализе и решении рассматриваемой проблемы. Метод экспертной оценки – вид опроса с помощью анкетирования или интервью у ограниченной группы респондентов, являющихся специалистами или наиболее компетентными людьми в определенной области. Данный метод довольно часто используется социологами (чаще в совокупности с другими методами), однако следует иметь в виду, что отбор экспертов также должен производиться по определенным критериям.

Ученые-эксперты в центральных изданиях публиковали данные о состоянии проблемы. Так, например, в статье Е.В. Некрасовой еще в 2011 году были приведены эмпирические данные о состоянии проблемы. «Особенностью молодежного экстремизма является его ярко выраженный групповой характер, групповое оформление экстремистского поведения. Так, «экстремизм конституируется как характеристика специфических форм группового сознания», «концептуализация агрессии сознанием некоторых групп». Он «выражает специфическую идентичность определенных групп людей, которые находятся в ситуации открытого несогласия с нормами и

* Автор раздела – кандидат социологических наук З.Л. Сизоненко.

ценностями доминирующей культуры». Этот групповой феномен также является специфическим жизненным стилем некоторых групп. Действия экстремистов продиктованы некими ложными «благородными высшими мотивами» во имя какой-то «высшей цели», идеи, существующими лишь в их собственном представлении. Однако страшны не только сами идеи, объединяющие молодых людей в экстремистские неформальные группы или движения, которыми «живут» соответствующие адепты, но и то, какими средствами они стараются навязать их обществу. По мнению Д.И. Аминова и Р.Э. Оганяна, среди людей, являющихся носителями идей экстремистской направленности, весьма редки те, кто борется за так называемую «чистую» идею. Многие из них преследуют как раз сугубо прагматические цели – власть и деньги. Однако если рассмотреть мотивы участия молодежи в движениях (разной направленности), выявленные в ходе исследования «Экстремистские проявления в молодежных движениях», то можно отметить следующее. У представителей националистических объединений из числа молодежи преобладали такие мотивы как идейная близость (46,8%); борьба за справедливость (27,4%); борьба с иноверцами, с представителями других национальностей (24,2%); протест (22,6%); борьба с инакомыслием (22,6%); желание участвовать в общественной деятельности (11,3%); объединиться, чтобы почувствовать силу (9,7%); желание «потусоваться» (8,1%); сделать политическую карьеру (4,8%); романтика (1,6%). В некоторых молодежных объединениях фигурировали также мотивы поддержки нынешнего политического курса и желание заработать. Важной чертой экстремистских групп является сопротивление переменам, которые могут содержать в себе угрозу существованию группы или ее влиянию. В результате интенсивного сопротивления (в процессе совместной деятельности) многие группы могут добиться довольно высокого уровня сплоченности и организованности, что является основным условием эффективности действий всей группы. Зачастую члены групп реагируют не на реально угрожающие события, а на их субъективный образ. По данным исследователей, в 2007 г. на территории Российской Федерации действовала 141 молодежная группировка экстремистской направленности общей численностью не менее полумиллиона человек. За год в Российской Федерации происходит более 300 преступлений на почве расовой и национальной ненависти, религиозной вражды и ксенофобии. Лишь по 70 из них возбуждаются уголовные дела. До суда доходят не более 10. И лишь в 3–4 случаях суды выносят обвинительные приговоры. Преступления экстремистской направленности относятся к «преступлениям ненависти» («Hate Crimes»), число которых в России резко возросло за последние годы. Так, только в Санкт-Петербурге преступления ненависти совершаются почти еженедельно. В основе данного вида преступлений лежит определенное предубеждение, предрассудок в отношении той или иной социальной группы, приводящие к тому, что составляет суть преступлений ненависти, - проявлению ксенофобии и преследованию на почве национальной, расовой, религиозной вражды, а

также по мотивам гомофобии, неприязни к каким бы то ни было категориям населения (в основном к представителям маргинализированных групп — нищим, бездомным, инвалидам и др.). В молодежной среде явление экстремизма зачастую перерастает в терроризм. Поскольку экстремистские формирования постоянно «эволюционируют», образуются новые, наиболее агрессивные и социально опасные структуры, в частности, молодежные боевые группы (МБГ), действующие с середины 90-х годов по настоящее время, и главным образом боевые террористические организации (БТО). Первые из них – молодежные боевые группы – относятся к организациям ультраправой молодежи, в первую очередь, скин-движению и отличаются от остальных крайней степенью жестокости в отношении своих идеологических противников, регулярно используют прямое физическое насилие. По прогнозам специалистов, в дальнейшем некоторые наиболее фанатично настроенные члены этих групп могут осуществить переход от индивидуальных (разрозненных) агрессивных акций к планированию систематических актов насилия в отношении больших групп людей. Таким образом, молодежная боевая группа становится боевой террористической организацией»[1].

В настоящем исследовании важно было выяснить мнение экспертов о состоянии межнациональных и межконфессиональных отношений, с одной стороны, с другой – о технологиях и мерах профилактики экстремизма в молодежной среде с учетом ее возрастных и психолого-педагогических особенностей. В соответствии с целью и задачами исследования следовало определить экспертов, осведомленных о ситуации в республике, «изнутри» и «извне». Поэтому география расположения экспертов охватила по республике – г. Уфу, несколько населенных пунктов Республики Башкортостан (г. Стерлитамак, г. Сибай, Федоровский, Бакалинский, Куюргазинский районы). Внешними экспертами стали специалисты из г. Москва, г. Казань (Республика Татарстан), Республики Крым, Республики Дагестан, г. Оренбург (Оренбургская область). Таким образом планировалось выяснить, насколько комфортно чувствует себя экспертное сообщество в полиэтничной и многоконфессиональной среде региона. Мнение внешних экспертов (проживающих за пределами республики) должно было прояснить несколько моментов, а именно:

1) как воспринимается республика на фоне и в сравнении с другими регионами: как спокойный и комфортный в плане межэтнических и межконфессиональных отношений?

2) известны ли за пределами республики факты проявления национальной или религиозной нетерпимости, ксенофобии и враждебности по отношению к представителям определенных культур, мигрантам?

---

[1] Некрасова Е.В. Экстремизм и его особенности в молодежной среде // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2011. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekstremizm-i-ego-osobennosti-v-molodezhnoy-srede (дата обращения: 24.11.2019).

3) что вообще известно внешним экспертам о межэтнических и межконфессиональных отношениях в республике? Как можно охарактеризовать отношение к исламу и мусульманам в регионе, есть ли изменения в этих отношениях?

4) какие технологии профилактики экстремизма среди молодежи в полиэтничной и многоконфессиональной среде являются наиболее эффективными?

Иными словами, эксперты должны быть дать ответ на два главных вопроса: есть ли в принципе проблема и как ее следует решать?

Помимо географического положения при отборе экспертов были приняты еще 2 критерия. Во-первых, возраст. Эксперты должны были быть старше 25 лет, что предполагает наличие определенного стажа профессиональной деятельности, уровня образования и, что немаловажно, жизненного опыта.

Еще один критерий: собственно род занятий. Специфика рассматриваемой проблемы подразумевает, что необходимо привлечь представителей педагогического и научного сообщества, духовенство, работников правоохранительных органов, органов государственной и муниципальной власти, в ведении которых находятся межэтнические и межконфессиональные отношения.

Стандартные вопросы были заданы каждому эксперту в отдельности. Помимо индивидуального опроса был проведен круглый стол в рамках всероссийской научно-практической конференции по профилактике экстремизма. Последнее можно рассматривать как «мозговой штурм», результатом которого стали предложения, которые были рекомендованы для включения в резолюцию.

В итоге на первом этапе исследования были опрошены эксперты. Всего 44 человека, в том числе 36 местных экспертов и 8 – внешних.

В качестве экспертов выступали представители высших образовательных учреждений Башкортостана и России (38 %), ведущие ученые, специализирующиеся на тематике исследования (14 %), представители религиозных организаций (32 %), региональной и муниципальной власти (16 %).

Опрошенные эксперты положительно оценивают состояние межконфессиональных и межэтнических отношений в Республике Башкортостан. 86 % опрошенных охарактеризовали состояние межконфессиональных отношений как спокойные и скорее спокойные, при этом положительную оценку межэтническим отношениям дали 88 % экспертов, что свидетельствует о прямой зависимости данных показателей.

По мнению большинства экспертов, развитие мусульманского образования (48 %), рост количества публикаций в СМИ и в Интернете (46 %), строительство новых мечетей (44 %) и, наконец, распространение мусульманских традиций и ритуалов (42 %) свидетельствуют об изменении отношения к исламу и мусульманам в республике.

Рисунок 1

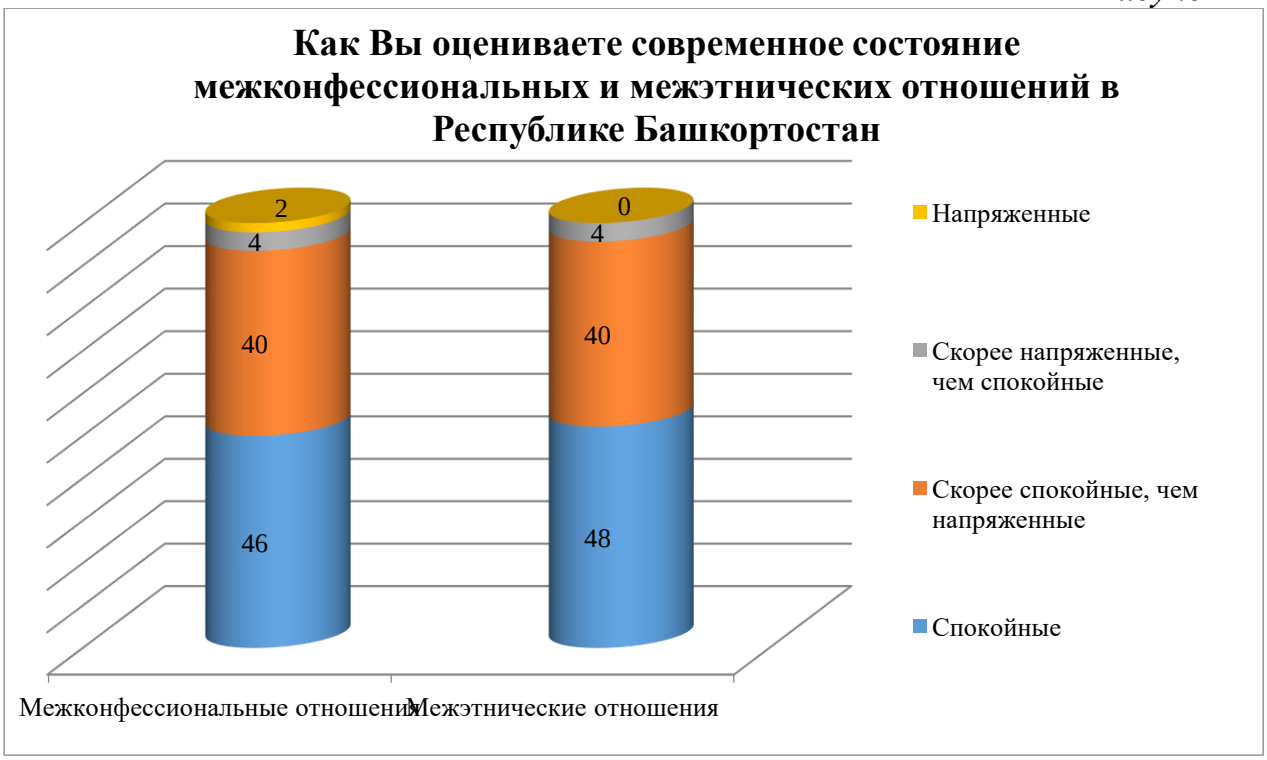

Рисунок 2

Нет оснований оценивать происходящие в республике изменения как негативные, хотя факторы, обуславливающие отрицательное отношение в обществе к исламу и мусульманам присутствуют. Некоторые из них носят объективный характер – международный терроризм (54 %), проявления религиозного экстремизма (64 %) и негативная информация из СМИ (62 %). Слабая подготовка священнослужителей (42 %), изменение (прежде всего, снижение) образовательного уровня населения (16 %), преступления

трудовых мигрантов (12 %) являются факторами, которые вполне можно нейтрализовать в условиях республики.

Рисунок 3

В республике толерантно относятся к верующим, в том числе к мусульманам, которых в Башкортостане большинство. Проведенный опрос позволил зафиксировать в целом равнодушное отношение населения к внешним признакам религиозности (34-54 %). Исключение составляет отношение к хиджабу. 38 % экспертов считают, что ношение хиджаба вызывает раздражение в обществе. Для сравнения, уровень раздражения в отношении тюбетейки и нагрудного креста, по мнению респондентов, не превышает 2 %. Некоторые эксперты считали нужным подчеркнуть, что такие признаки, как борода и тюбетейка не всегда воспринимаются жителями республики как принадлежность к Исламу, тогда как хиджаб ассоциируется исключительно с религией и религиозностью.

Согласно полученным данным, большинство экспертов склоняются к тому, что информационная политика играет наиболее важную роль в нейтрализации негативных факторов. Так, 62 % экспертов полагают, что интересные передачи об исламе в СМИ могут способствовать формирования положительного отношения к исламу и мусульманам. Также немаловажную роль играют: развитие мусульманского образования (44 %), разъяснительная работа Духовных управлений мусульман (38 %) и активная деятельность самих верующих по популяризации ислама (34 %).

Рисунок 4

Большинство экспертов сходятся во мнении, что наиболее авторитетным мусульманским лидером в республике остается председатель ЦДУМ Талгат Таджуддин. В связи со сложной ситуацией в руководстве ДУМ Республики Башкортостан данный вопрос с экспертами не обсуждался. В 2018 году проведенный опрос показал, что ныне покойный председатель ДУМ Республики Башкортостан Нурмухамет Нигматуллин несколько уступал в рейтинге популярности таким мусульманским деятелям, как Ишмурат Хайбуллин, Мухаммад Галлямов. В качестве негативного фактора, влияющего на авторитет руководителя ДУМ РБ, был назван проблемный вопрос со строительством мечети Ар-Рахим в Уфе и противостояние с благотворительным фондом «Урал», который до недавнего времени финансировал строительство.

Таким образом, именно активный диалог представителей мусульманского духовенства с обществом и деятельность самих верующих рассматриваются опрошенными экспертами как основополагающие в процессе популяризации ислама в республике и в политике противодействия распространению угрозы экстремизма в России. Причем, особое значение приобретает вопрос развития исламского образования.

Эксперты из числа представителей МВД прокомментировали ситуацию с молодежной преступностью и дали оценку уровню распространения экстремизма в регионе. Так, по данным МВД, особую опасность в религиозной сфере представляет распространение идей терроризма и фундаментализма участниками таких террористических организаций как «Исламское государство», «Джебхат ан-Нусра» (в настоящее время вошла в состав НВФ «Хият тахрир аль-Шам»), «Хизб ут-Тахрир аль Ислами». Несмотря на прилагаемые усилия, около 100 жителей республики попали в

сети «агитаторов террора» и выехали для участия в боевых действиях на стороне незаконных вооруженных формирований в Сирии и Ираке.

Представители указанных организаций при осуществлении вербовочной деятельности основную ставку делают на молодежь, которая, не имея четких моральных принципов и устоев, легко поддается внушению. Проводя анализ возрастного состава участников международных террористических организаций (МТО), действующих на территории республики можно утверждать, что он молодеет. Так, из всех участников МТО «Исламское государство», состоящих на учете в Центре около 40 % являются лицами до 30 лет, из которых несколько человек ранее являлись учащимися ВУЗов республики. Кроме того, из числа установленных участников МТО «Джебхат ан-Нусра», в отношении которых по материалам МВД и УФСБ возбуждены уголовные дела по ст.ст. 205.5 (участие в деятельности террористической организации) и 208 (участие в незаконном вооруженном формировании), около 60% (6 человек) являются молодежью.

Омолаживается состав и МТО «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами». Из общего числа участников организации, состоящих на учете в Центре, около 30 % являются молодыми людьми в возрасте до 30 лет. Однако эта цифра еще несколько лет назад была значительно меньше, так как возрастной состав участников указанной организации раньше варьировался от 27 до 45 лет, но в силу изменения уголовного законодательства и увеличения степени ответственности за совершение преступлений террористического характера, определенный зрелый состав МТО отказался от дальнейшей своей преступной деятельности. Молодежь, недостаточно социально зрелая, склонная к азарту и авантюризму, имеющая в большинство своем сравнительно невысокий социальный статус, продолжает осуществлять противоправную деятельность. Например, по данным первого квартала 2017 года на территории республики было зарегистрировано более 30-ти преступлений террористического характера, из них 4 совершенных лицами в возрасте от 14 до 30 лет. Наиболее активны радикальные религиозные течения, основанные на исламском вероучении.

Экспертами было отмечено увеличение количества различных деструктивных организаций религиозной направленности, часть которых функционирует в качестве религиозных групп. Наибольшую активность при этом проявили объединение «Орда» («Ата-жолы», «Путь предков»), «Алля Аят», «Свидетели Иеговы», «Церковь Саентологии», и некоторые другие. Используя различные методики, они изменяют сознание и психоэмоциональное состояние граждан, а также манипулируют их отношением к устоявшимся традициям в обществе, формируют общественно опасное социальное поведение.

В целях недопущения распространения идеологии указанных террористических организаций необходимо проведение правоохранительными органами, органами местного самоуправления и священнослужителями совместных профилактических мероприятий,

направленных на установление неприязненного отношения среди населения к деятельности МТО. Со стороны МВД принимаются меры профилактического характера, направленные на недопущение вовлечения молодежи, в том числе обучающихся в общеобразовательных школах, организациях высшего образования республики, в различного рода деструктивные и экстремистские организации. Во взаимодействии с Министерством образования РБ, Министерством по молодежной политике и спорту РБ, проводятся мероприятия, направленные на недопущение распространения идеологии терроризма и экстремизма в студенческой среде. В образовательных организациях республики организовано проведение разъяснительной работы об ответственности за заведомо ложные сообщения об актах терроризма, а также об уголовной и административной ответственности за националистические и иные экстремистские проявления. Сотрудниками МВД по РБ подготовлена и направлена в Министерство образования РБ «Памятка по недопущению вовлечения молодежи в экстремистскую и террористическую деятельность и деятельность деструктивных групп» с описанием рекомендуемых моделей поведения на случай столкновения с экстремистским воздействием, информационно-справочное пособие «Экстремизм. 100 ответов на насущные вопросы об экстремизме и терроризме». Национальным антитеррористическим комитетом разработаны и тиражируются Памятки по противодействию распространению идеологии экстремизма и терроризма.

Эксперты о профилактике экстремизма. Ежегодно органами и учреждениями молодежной политики проводится более двух тысяч мероприятий с общим охватом около восьмидесяти тысяч человек. Выявляются материалы, содержащие экстремистский контент. Большую работу проводит Научно-исследовательский институт духовной безопасности и развития религиозного образования БГПУ им. М. Акмуллы, Российский исламский университет Центрального управления мусульман России, молодежный отдел Духовного управления мусульман Республики Башкортостан, миссионерский отдел Уфимской епархии Русской Православной Церкви по профилактике экстремизма и терроризма в молодежной среде.

По мнению экспертов, ситуация по преступности и асоциальному положению в молодежной среде в республике в целом не катастрофичная. Тем не менее, необходимо обратить внимание на несколько моментов:

1. Социально активная, образованная и целеустремленная молодежь в большинстве своем стремится найти себя на максимально комфортных для социального продвижения территориях: в крупных городах либо за рубежом. Примерно той же стратегии придерживаются и активисты неформальных группировок. Соответственно, в малых населенных пунктах, со слабо развитой инфраструктурой наблюдается отток молодежи, что определенным образом отражается и на динамике асоциального поведения, создавая иллюзию позитивных тенденций.

2. В условиях нарастания внешних угроз, проникающих в первую очередь посредством Интернет-коммуникаций, преступное поведение обрело иные характеристики: молодежь вовлекается в экстремистские группировки и вербуется для подрывной деятельности. Важно понимать, что открытые формы борьбы, публичное наказание главарей группировок чреваты обратным эффектом в молодежной среде – популяризацией и привлечением внимания к антигероям – потенциальным кумирам преступного мира.

3. Деятельность по профилактике экстремистских проявлений в молодежной среде должна быть направлена на молодых людей, чья жизненная ситуация позволяет предположить возможность их включения в поле экстремистской активности. К таким категориям могут быть отнесены: выходцы из неблагополучных, социально-дезориентированных семей, с низким социально-экономическим статусом, недостаточным интеллектуальным уровнем, имеющим склонность к трансляции девиаций (алкоголизм, наркомания, физическое и морально-нравственное насилие); «золотая молодежь», склонная к безнаказанности и вседозволенности, экстремальному досугу и рассматривающая участие в экстремистской субкультуре как естественную форму времяпрепровождения; дети, подростки, молодежь, имеющие склонность к агрессии, силовому методу решения проблем и споров, с неразвитыми навыками рефлексии и саморегуляции; носители молодежных субкультур, участники неформальных объединений и склонных к девиациям уличных компаний; члены экстремистских политических, религиозных организаций, движений, сект. Важно понимать, что молодой человек потенциально мобилен, готов к экспериментам, участию в акциях, митингах, погромах. При этом готовность к подобным действиям усиливается из-за его низкой материальной обеспеченности, в связи с чем участие в проплаченных кем-либо акциях протеста может рассматриваться как допустимая возможность дополнительного заработка.

4. Министерством молодежной политики и спорта РБ ведется большая работа по профилактике асоциального и преступного поведения молодежи, тем не менее, определенная часть подростков остается по-прежнему пассивной. Очевидно, назрела необходимость внедрения новых форм работы.

В связи с вышесказанным, рекомендуется:

1. Активизировать организацию работы с молодежью в образовательных организациях, содействуя повышению их престижа и формированию социальной сплоченности внутри коллективов, что, в свою очередь, усилит социальный контроль за проявлениями асоциального поведения.

2. Организовывать работу в тесном контакте со структурами общественной безопасности во избежание некорректных действий и получения т.н. «обратного эффекта».

3. Развивать детский и юношеский спорт как средство профилактики асоциального и преступного поведения. При этом обратить особое внимание

на спортивные единоборства и их лидеров. Оказывать им поддержку и привлекать к мероприятиям по профилактике экстремизма.

4. При организации профилактической работы важно учитывать социально-экономические и возрастные особенности разных периодов, в которых оказываются подростки и молодежь. Наиболее опасным, с точки зрения вхождения в поле экстремистской активности, является возраст от 14 до 22 лет. На это время приходится наложение двух важнейших психологических и социальных факторов. В психологическом плане подростковый возраст и юность характеризуются развитием самосознания, обострением чувства справедливости, поиском смысла и ценности жизни. Именно в это время подросток озабочен желанием найти свою группу, поиском собственной идентичности, которая формируется по самой примитивной схеме «мы» − «они». Также ему присуща неустойчивая психика, легко подверженная внушению и манипулированию. В социальном плане большинство молодых людей в возрасте от 14 до 22 лет оказываются в позиции маргиналов, когда их поведение не определено практически никакими социально-экономическими факторами (семья, собственность, перспективная постоянная работа).

Экспертами также отмечено, что профилактика экстремизма в молодежной среде должна проводиться с учетом ее неоднородности. Можно выделить два основных направления работы:

1.С группами, у которых еще не сформировались экстремистские наклонности. Такие молодые люди, обычно, добровольно включаются в социальную работу, так как не имеют каких-либо агрессивных или незаконных настроений. Задача профилактики состоит лишь в закреплении толерантных мировоззрений.

2. С группами, у которых уже сформированы экстремистские мировоззрения и убеждения. Такая работа в большинстве случаев проводится в принудительном порядке, соответственно молодые люди могут быть агрессивно настроены. Здесь важно найти индивидуальный, нестандартный подход, который поможет установить доверительные отношения. Результатом должно стать переубеждение подростка, отказ от экстремистских взглядов и активное включение в общественную жизнь.

Как известно, основные убеждения и личностные качества формируются прежде всего под влиянием семьи. Следовательно, работа по профилактике экстремизма в школе должна подразумевать тесный контакт с родителями. До них должна быть доведена следующая информация по таким темам, как: специфика молодежных субкультур и неформальных организаций, а также их потенциальная опасность; степень ответственности родителей за преступления несовершеннолетних детей; формы агрессии, а также профилактика их проявления у подростков; механизмы вовлечения детей в экстремистскую деятельность; определение возраста уголовной ответственности за правонарушения, а также описание возможных мер наказания; сущность таких понятий, как "терроризм" и "экстремизм";

специфика формирования жизненной позиции и убеждений у подростков; необходимость занятости подростков (кружки, секции и прочие формы) во внеурочное время.

Программа по профилактике экстремизма в первую очередь должна затрагивать детей, подростков и молодежь. Именно эти группы населения наиболее подвержены влиянию подобных радикальных идей, что связано с неокрепшей психикой и отсутствием твердой жизненной позиции. Безусловно, работа в школах и прочих учебных заведениях важна, но не стоит забывать и о роли семьи в данном процессе. В связи с этим педагоги и сотрудники правоохранительных органов должны проводить регулярные профилактические беседы с родителями.

Основные программы для профилактики рассматриваемого явления могут появиться при социальной работе с такой группой риска как экстремисты. Социальная работа является той системой знаний, которая, будучи мультидисциплинарной, способна разработать адекватные сложившейся ситуации программы превенции, коррекции, реабилитации всех групп общества, в частности, молодежи. Для социальной работы важно развитие молодежных программ, усовершенствование форм работы с молодым поколением, которое составит будущее нашей страны.

Борьба с международным экстремизмом подразумевает в первую очередь работу с молодежью как с наиболее уязвимой категорией граждан. Для того, чтобы деятельность была эффективной, нужно понимать, откуда у юных людей берутся подобные идеи. Так, среди факторов молодежного экстремизма экспертами отмечаются:

-влияние родителей, которые отличаются радикальными убеждениями;

-влияние группы сверстников, которые являются приверженцами экстремистских взглядов;

-влияние авторитетных лиц, находящихся в кругу общения подростка (преподавателей, руководителей спортивных или творческих секций, лидеров молодежных организаций и т. д.);

-стресс, повлекший за собой дезинтеграцию в обществе;

-собственные представления и моральные установки;

-личностные психологические особенности (агрессивность, внушаемость), психическое напряжение.

На данный момент отмечается растущая угроза вербовки юношей и девушек террористическими организациями. В связи с этим профилактика экстремизма в молодежной среде должна проводиться по следующим направлениям:

-взаимодействие образовательных учреждений с родителями;

-повышение квалификации педагогического персонала по данному вопросу;

-включение в образовательную программу отдельных предметов или тем, касающихся профилактики экстремизма;

-внедрение воспитательных программ, касающихся нравственного воспитания детей и молодежи (профилактика правонарушений, насилия и беспризорности);

-непрерывный мониторинг уровня толерантности в обществе, а особенно среди молодежи;

-анализ процессов, происходящих в молодежной среде, а также их философский и социокультурный аспекты;

-обеспечение доступности культурных благ для молодежи;

-реализация потребности в самореализации и самовыражении;

-организация досуга учащихся (волонтерских проектов, социальных программ).

Особое внимание эксперты обращают на психологические и возрастные детерминанты при организации работы по профилактике экстремизма. Повышенную опасность представляет студенческое сообщество как наиболее мобильная, склонная к рискованным действиям, но при этом определенным образом организованная группа населения. Именно для них предлагается

Для экстремистских организаций студенческая молодежь является главной целевой аудиторией как наиболее активная, энергичная и целеустремленная часть общества. Самой «продвинутой», образованной и в тоже время находящейся в процессе личностного самоопределения, частью молодежи является студенчество. В силу этого оно одновременно является востребованной в экстремистской среде как боевая, ударная группа, так и часть социума, сознание которой еще формируется, а значит, может быть захвачено тем, кто хочет ее получить в качестве активных членов.

Защитой от такого воздействия должно заниматься не только государство в лице репрессивного аппарата, пропаганды и просвещения толерантности через государственную же систему образования, но и само студенчество через возможные инструменты широкого самоуправления и саморегулирования жизни в границах учебного заведения. Особенно важен вопрос самоуправления и саморегулирования в силу того, что большая часть студенчества – это совершеннолетние, дееспособные граждане России, которые несут полную ответственность за все происходящее в их жизни.

Проблемы, связанные с построением гражданского общества, с нарастающим коммуникационным единством мира, которое далеко не всегда приводит к согласованию интересов людей и взаимопроникновению ценностей, транслируемых обществом, порождают утрату социальных ориентиров, комплекс «гражданской неполноценности». Современному человеку не всегда удается утвердить себя как гражданина общества и одновременно как личность, индивидуальность. Проблема формирования гражданской идентичности члена общества как базовой национальной ценности российского общества является важной и при реализации Федеральных образовательных стандартов высшего образования.

В данных условиях культурная безопасность становится одним из ключевых понятий в системе современной цивилизации. Культурная безопасность может быть определена как такая форма социальной организации личности, которая дает возможность обеспечить ему в общественной среде безопасность в различных видах жизнедеятельности. Объектом культурной безопасности выступает личность как сумма стабильных качеств, появляющихся в ходе социализации и использующихся в ходе жизнедеятельности. Константа безопасного поведения социальных групп зависит от качеств индивидов их составляющих. Система социальных, этических и государственных ценностей и приоритетов, которая составляет будущее любого общества, и является важнейшим фактором обеспечения безопасности жизнедеятельности государства. Важной стороной актуальности подобной работы является помощь в противодействии часто агрессивному натиску представителей тоталитарных и деструктивных культов (сект) и экстремистских организаций и групп на обыденную жизнь отдельных людей и их семей.

К решению этого вопроса нужно подходить всесторонне, учитывая все психологические и физиологические особенности молодёжи и подбирая конкретно-направленные способы воздействия. Наиболее успешно с этой задачей может справиться именно ВУЗ, как один из основных институтов социализации. Он охватывает важнейшие стороны жизни студентов, такие как развитие профессиональных навыков, этическое и моральное воспитание, обучение навыкам межличностного и делового общения; способствует формированию устойчивого мировоззрения, а также позитивного отношения к здоровому образу жизни. В конечном счёте студенты, участвуя в творческой жизни университета, являясь членами студенческого самоуправления, реализуют свои лидерские и организаторские способности, направляют свою энергию и активность в социально-значимое русло.

Эксперты от образовательных организаций со ссылкой на активных студентов, предложивших свои творческие наработки по профилактике экстремизма, рекомендуют к реализации ряд проектов. Так, например, проект по формированию религиозной грамотности, толерантности и коррекционной работы со студенчеством в условиях поликонфессионального общества Республики Башкортостан.

Основные задачи проекта:

- мониторинг конфессиональных знаний и пограничных состояний личности, способствующих попаданию в группы риска, связанных с экстремистскими взглядами на общество и составляющие культуры;

- методическое сопровождение профилактической и коррекционной работы по противодействию и профилактике экстремизма и терроризма в студенческой среде;

- формирование атмосферы, в которой: педагоги и учащиеся признавали бы акты жестокости, насилия и агрессии, относясь к ним со всей серьёзностью, не считая их чем-то незначительным;

- профилактика экстремизма: принятие мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, на выявление и устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности;

- оказание информационной, социальной, психологической и юридической помощи молодежи в противодействии экстремистским организациям и группам, тоталитарным и деструктивным культам (сектам) в целях повышения уровня социальной стабильности и построения толерантного общества;

- создание условий для формирования общероссийской гражданской идентичности и культурного самосознания, принципов соблюдения прав и свобод человека.

Проект включает разработку методических рекомендаций и мониторинговых мероприятий по профилактике экстремизма в молодёжной среде ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы». Авторами предлагается вариант создания новой структуры в вузе, которая будет выполнять роль связующего и организующего звена между различными органами студенческого совета и структурными подразделениями университета. Это позволит проводить постоянную превентивную работу со студентами в указанном направлении и диагностировать студентов, попадающих в группу риска. Кроме того, предполагается разработка научно-образовательных курсов, как для студентов группы риска, так и для религиозного просвещения студенчества в целом. Предполагаемые результаты работы:

- противодействие возможным фактам и проявлениям терроризма и экстремизма в студенческой среде;

- формирование толерантной среды на основе ценностей многонационального российского общества;

- формирование общероссийской гражданской идентичности и культурного самосознания, принципов соблюдения прав и свобод человека.

- снижение уровня асоциального поведения;

- формирование психологически здоровой, морально целостной личности;

- формирование доброжелательного отношения студентов друг к другу.

В рамках проекта предлагается создать социально-культурный центр «Студенчество против экстремизма».

Экстремизм, как одна из форм проявления девиантного поведения, может быть скорректирован с помощью следующих способов профилактики психологических факторов. Организация благоприятной социальной среды, воздействуя на социальные факторы, может предотвратить нежелательное поведение личности, так как отклонение, как правило, возникает в результате неудовлетворенности личностных потребностей (отсутствие чувства безопасности, как одной из первичных потребности человека), что заставляет людей становиться агрессивнее и подталкивает их к поиску новой

социальной группы, где они могут найти эту защиту. Практическая деятельность заключаются в создании оптимальных условий для правовой и гражданской социализации студентов и подразумевает активизацию воспитательной и профилактической работы в ВУЗе. В качестве приоритетного направления данной работы должно быть создание системы профилактики различных видов девиантного поведения, включающей в себя организацию досуга и «вторичной занятости», профессионального самовоспитания. Важным аспектом здесь выступает влияние на ценностные ориентации студентов, вовлечение студенческой молодёжи в различные акции, благотворительные мероприятия.

Следующим фактором является информирование. Это направление профилактической работы в форме лекций, бесед, распространения специальной литературы или видео и кинофильмов. Суть подхода заключается в попытке воздействия на когнитивные процессы личности с целью повышения ее способности к принятию конструктивных решений.

Далее необходимо активное обучение социально важным навыкам, которое преимущественно реализуется в различных групповых тренингах (тренинг резистентности (устойчивости) к негативному социальному влиянию; тренинг аффективно ценностного обучения; тренинг формирования жизненных навыков).

Еще одним фактором должна быть организация деятельности, альтернативной девиантному поведению. В качестве альтернативных форм активности можно использовать: познание, путешествия, испытание себя (походы в горы, спорт с риском), значимое общение, любовь, творчество, деятельность (в том числе профессиональная, религиозно-духовная, благотворительная деятельность).

Завершающим фактором, определяющим возможность получения позитивного результата такой работы, является разработка и введение в программы обучения специальных курсов по вопросам религиозной грамотности и толерантности. Для реализации данных методов была создана модель общественной структуры в рамках вуза, позволяющая всесторонне охватить работу со студентами.

Все эти методы должны осуществляться с учетом возрастных психологических особенностей молодежи. В период молодости происходит формирование характера и самоидентификации – устойчивое отождествление себя с какой-либо группой или общностью, принятие ее целей и системы ценностей, осознания себя членом этой группы или общности. На становление характера и полноценной психологически здоровой личности влияет её окружение. В рамках вуза необходимо создавать как можно возможностей для объединения студентов в различные группы по интересам. При этом группа должна иметь поддержку со стороны администрации для ее развития, чтобы студенты могли самореализовываться посредством участия в этой группе.

Равным образом, отношение молодёжи к окружающей социальной среде неопределенно, оно характеризуется старанием доказать свою суверенность и самобытность и сопровождается типичными поведенческими реакциями: пренебрежительное отношение к советам взрослых, недоверие и критика старшего поколения, в некоторых случаях открытое противодействие. Зачастую это ведет к нежелательным последствиям, которых они сами не хотели получить. Молодой человек отдаёт предпочтение основываться на моральную поддержку сверстников, что приводит к типичной реакции «повышенной подверженности» (неосознанная внушаемость, сознательный конформизм, влияние ровесников) и обусловливает единообразие вкусов, стилей поведения и норм морали молодого поколения (молодежная мода, жаргон, субкультура). Даже преступления среди молодежи, как правило, носят групповой характер, совершаются под влиянием группы. Определенные опасности и сложности подстерегают юношей и девушек, поступивших в учебные заведения и подтвердивших тем самым свои жизненные планы. Процесс адаптации первокурсников к вузу обычно сопровождают отрицательные переживания, связанные с уходом вчерашних учеников из школьного коллектива с его взаимной помощью и моральной поддержкой; неподготовленность к обучению в вузе; неумением осуществлять психологическое саморегулирование собственного поведения и деятельности, усугубляемое отсутствием привычного, повседневного контроля педагогов; поиском оптимального режима труда и отдыха в новых условиях; налаживанием быта и самообслуживания, особенно при переходе из домашних условий в общежитие и т.п.

Наибольшее влияние на студентов могут оказать молодые преподаватели и работники университета, поэтому возникает необходимость привлечения к данной работе молодых специалистов, более близких по своим возрастным и психофизиологическим особенностям. В юности молодые люди впервые сталкиваются с экзистенциальным кризисом – кризисом смысла жизни. Актуальны вопросы о смысле жизни вообще и смысле своей жизни, о назначении человека, о собственном Я. Отсюда – интерес к нравственно-этическим проблемам, психологии самопознания и самовоспитании. Отсутствие внутренних средств разрешения кризиса приводит к таким негативным вариантам развития, как наркомания, алкоголизм. Крайняя форма неспособности справиться с кризисом приводит к суициду. Из протеста против массовости и обезличенности отношений взрослой жизни вырастают различные неформальные объединения. Здесь должна усилить свою поддержку служба социальной и психологической помощи. Зам. деканов/директоров по воспитательной работе совместно с руководителями социального сектора факультета/института должны собрать информацию о студентах на основе проведённого психологического теста. Далее она отправляется в описываемый центр, где проводится обработка информации и выявление студентов, попадающих в группу риска. Далее

конкретно, работая с этими студентами, Центр психологической помощи определяет направление дальнейшей коррекции и решения проблем конкретных студентов.

Перечень возможных мероприятий центра «Студенчество против экстремизма» проводимых совместно с центром психологической помощи:

1. Разработка методов исследования (анкеты, тесты).
2. Анализ результатов, полученных от факультетов.
3. Распределения группы риска по степени восприимчивости к внешнему влиянию.
4. Разработка тренингов и других способов работы с группами.
5. Работа с группами.
6. Наблюдение за студентами, уже прошедшими курс.
7. Разработка и проведение мероприятий на факультетах и в университете в целом.
8. Активное вовлечение студентов в спортивную, культурно-творческую и общественную деятельность.

Примерный план работы по профилактике экстремизма в образовательном учреждении может выглядеть так:

Месяц	Мероприятие	Исполнители
Сентябрь	Диагностика психологического состояния учащихся. Полученные данные отправляются в «Студенчество против экстремизма»	Заместитель декана по воспитательной работе совместно с социальным сектором факультета
Октябрь	Обработка данных; Анализ ситуации на факультете и в университете в целом. Выявление студентов, попадающих в группу риска. Определение дальнейшей формы работы с конкретными студентами.	Центр психологической поддержки совместно с центром «Студенчество против экстремизма»
Ноябрь	Проведение профилактических мероприятий и коррекционной работы.	Заместитель декана по воспитательной работе совместно с сектором социальной работы факультета и центром «Студенчество против экстремизма»

Февраль	Повторная диагностика.	Заместитель декана по воспитательной работе совместно с сектором социальной работы факультета
Март	Блок мероприятий на уровне университета включающий в себя информирование, социальное обучение навыкам эмоционального самоконтроля, резистентности в целях профилактики экстремизма.	Центр психологической поддержки совместно с центром «Студенчество против экстремизма».
В течение всего года	Постоянное наблюдение и анализ психологического состояния студентов, на основе этих данных проведение необходимых мероприятий (тренинг, игры, беседа и т.д.)	Заместитель декана по воспитательной работе совместно со студенческим советом.

Для мониторинга психологического состояния учащихся можно предложить анкету со следующими вопросами:

1. Возникает ли у Вас желание отомстить, восстановить справедливость?

2. Бывает ли так, что Вы чувствуете, что окружающие к Вам относятся негативно?

3. Бывает ли , что Вы испытываете потребность в острых ощущениях?

4. Всегда ли Вы знаете, как правильно (хорошо) поступить в определенных жизненных ситуациях?

5. Возникает ли у Вас желание совершать опасные для окружающих или для себя поступки?

6. Бывает ли, что Вам трудно устанавливать дружеские отношения с другими людьми?

7. Если Вас кто-нибудь оскорбит, Вы ответите обидчику?

8. Склонны ли Вы прощать обиду, если кто-то обойдется с Вами несправедливо?

9. Чувствуете ли Вы себя одиноким, даже находясь среди людей?

10. Бывало ли, что Ваши родители были настроены против тех людей, с которыми Вы общаетесь?

11. Согласны ли Вы с тем, что в споре может быть правильной только одна точка зрения?

12. Для защиты своих прав можете ли Вы прибегнуть к насилию?

К каждому вопросу можно предложить варианты ответов (шкалу). Но более ценная информация может быть получена при использовании открытых вопросов (без вариантов ответов).

Важно понимать, что культура безопасности граждан в целом находится на достаточно низком уровне, в том числе и по причине отсутствия четкой и определенной позиции государства в вопросе религиозного образования. Мы живем в то время, когда светское просвещение в области религиозной культуры находится в процессе становления. Религиозное просвещение сегодня необходимо вести повсеместно, как со светских, так и с теологических позиций. Не менее важной проблемой является отсутствие подготовленных квалифицированных педагогических кадров, имеющих соответствующую профессиональную базу.

Совокупность этих факторов рождает новую проблему – распространение экстремистских и террористических настроений среди населения. Особенно среди молодёжи, студентов, в связи с их психологическими особенностями.

Для эффективного решения этого вопроса необходимо проводить работу, охватывая все стороны жизни в студенческой среде. В этом большая часть ответственности возлагается именно на образовательные учреждения, где происходит основной процесс взаимодействия молодых людей друг с другом и их становление, как личности, формируются взгляды на многие аспекты взрослой самостоятельной жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Экстремизм и терроризм в любых формах своих проявлений превратились в одну из самых опасных проблем, с которыми человечество вошло в XXI столетие. Терроризм представляет реальную угрозу национальной безопасности страны: похищение людей, взятие заложников, случаи угона самолетов, взрывы бомб, акты насилия в этно-конфессиональных конфликтах, прямые угрозы их реализация и т.д. Поэтому проблема противодействия терроризму и экстремизму в Российской Федерации – это одна из наиболее важных задач обеспечения безопасности на государственном уровне.

В Российской Федерации экстремизм приобрел значение проблемы, угрожающей национальной безопасности, решение которой требует усилий на государственном уровне, что связано с многообразием форм и проявлений экстремизма, неоднородностью по организационной структуре, идеологической концепции и составом экстремистских организаций.

Экстремисты всех мастей на современном этапе агрессивно пропагандируют идеологию, оправдывающую правомочность насильственных действий для достижения поставленных общественно опасных целей. Прямое и косвенное воздействие экстремистской деятельности затрагивает все основные сферы общественной жизни: политическую, экономическую и социальную, что требует организации широкого фронта по противодействию экстремизму на всех уровнях, а также разработки путей минимизации его последствий.

Правовую базу по противодействию экстремистской деятельности составляют Конституция РФ; Уголовный кодекс РФ; федеральные законы и ряд других нормативных актов, включая нормы международного права, ратифицированные международные соглашения. Важное место необходимо отвести Концепции национальной безопасности РФ; Доктрине информационной безопасности РФ, а также нормативным правовым актам Президента РФ и Правительства РФ, Генеральной прокуратуры РФ и федеральных ведомств, регламентирующих деятельность по борьбе с терроризмом и экстремизмом.

В целом нормативно-правовая база, регулирующая сферу борьбы с экстремизмом, отвечает интересам национальной безопасности, но требует дальнейшего совершенствования в виду многообразия постоянно модернизирующихся форм экстремизма.

В настоящее время экстремизм и терроризм являются реальной угрозой национальной безопасности Российской Федерации. Экстремизм – это исключительно большая опасность, способная расшатать любое, даже самое стабильное и благополучное, общество.

Одним из ключевых направлений борьбы с экстремистскими и террористическими проявлениями в общественной среде выступает их профилактика.

Особенно важно проведение такой профилактической работы в среде молодежи, так как именно молодое поколение, в силу целого ряда различных факторов, является наиболее уязвимым в плане подверженности негативному влиянию разнообразных антисоциальных и криминальных групп. Социальная и материальная незащищенность молодежи, частый максимализм в оценках и суждениях, психологическая незрелость, значительная зависимость от чужого мнения – вот только некоторые из причин, позволяющих говорить о возможности легкого распространения радикальных идей среди российской молодежи. Между тем, данные идеи в молодежной среде получают значительное распространение.

Лидеры экстремистских группировок различного толка завлекают молодежь в свои объединения, часто обещая ей легкое решение всех проблем, в том числе и материальных. Неокрепшие молодые умы зачастую даже не задумываются о том, что участвуя в деятельности подобных формирований, они не только не решают свои существующие проблемы, но и создают себе многочисленные новые, по сути, уничтожают свое будущее.

Безусловно, проводить профилактику экстремизма и терроризма среди молодежи намного выгоднее, чем ликвидировать последствия подобных явлений. Можно, в частности, предложить следующие действия, направленные на уменьшение радикальных проявлений в молодежной среде:

Первое – проведение комплексных мероприятий по формированию правовой культуры в молодежной среде. В частности, этому могло бы способствовать существенное расширение юридической составляющей в воспитании и образовании. Знание своих собственных прав и свобод будет способствовать развитию у молодого поколения чувства уважения к правам и свободам других лиц, в том числе к их жизни, здоровью и достоинству.

Второе – воспитание у молодежи толерантного мировоззрения, терпимого отношения ко всем людям, вне зависимости от их национальности, религии, социального, имущественного положения и иных обстоятельств. Часть 2 статьи 19 Конституции Российской Федерации запрещает любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой и религиозной принадлежности. И у каждого человека с детства должна закладываться мысль о том, что нужно уважать всех людей, независимо от каких - либо обстоятельств, нельзя делить людей по любым признакам. Это поможет противодействовать различным видам религиозного, национального и социального экстремизма.

Данные меры помогут молодым людям осознать, что государство заботится о них, и нет необходимости совершать противозаконные действия.

Несмотря на накопленный опыт в сфере регулирования миграционных процессов, российское общество в современных условиях столкнулось с проблемами незаконной миграции, интеграции выходцев из других государств и обострения конфликтов на национальной почве. В немалой степени этому способствовали подходы, сложившиеся на протяжении

нескольких десятилетий в миграционной политике, направленной на стимулирование этнокультурной дифференциации.

Столкновение интересов разных этнических и религиозных общностей детерминировало экстремистские проявления.

Общемировые миграционные тенденции в полной мере затронули Российскую Федерацию, в которой, как и в большинстве европейских государств, отмечаются тенденции сокращения численности коренного населения и его демографического старения. Россия активно включилась в процессы международной экономической миграции, превратившись в крупный мировой центр притяжения трудовых ресурсов. Это было вызвано значительным спросом на рабочую силу и более высоким уровнем доходов по сравнению со многими соседними странами.

Активные миграционные потоки и межэтническая напряженность на фоне проблем в экономической сфере спровоцировали целый ряд конфликтов.

Таким образом, экстремистские проявления объективно обусловлены количественными и качественными характеристиками миграции.

Неоднозначные процессы связанные радикализацией общества происходят и в регионах РФ. На примере Республики Башкортостан видно, что одной из актуальных проблем постепенно становится рост религиозного экстремизма.

Башкортостан имеет сложную этническую и конфессиональную структуру. Она представлена тремя наиболее крупными этносами: русскими, башкирами, татарами (составляют около 90% всего населения региона). Кроме того, несмотря на то что республика относится к высоко урбанизированным территориям, она обладает 40% сельским населением, что также является одним из факторов, который требует особого внимания.

В целом следует отметить, что религиозный экстремизм сегодня постепенно становится актуальной социальной проблемой (особенно среди «мусульманских» народов РФ), поскольку на фоне растущей архаизации российского общества, постепенного ослабления институтов и практик Модерна заметно расширяется общественная база для деструктивных форм социального мировоззрения и поведения. Особенно это становится характерным для новой, постсоветской молодежи, значительная часть которой находится в состоянии латентной фрустрации и кризиса идентичности.

На фоне отсутствия «социальных лифтов» и несформировавшейся мотивации позитивных установок, кризиса культуры и духовной дезориентации молодежь становится все более восприимчивой к радикальным идеям. Отмечены попытки расширения сферы влияния некоторых организаций, использующих псевдорелигиозную и националистическую риторику, путем прикрытия своей экстремистской деятельности под маской легальных форм общественной деятельности. Все это создает предпосылки к увеличению количественного состава

националистических группировок и популяризации экстремистской идеологии.

Радикальные формы ислама, неоязычества, некоторых новых религиозных движений, также представляют серьезную угрозу общественной безопасности.

Основными источниками экстремизма являются: смена ценностных оснований развития общества; отсутствие объединяющей идеологии; трудно разрешимые социальные проблемы, усиленные кризисом; коррупция как главный фактор, порождающий и оправдывающий любые действия, направленные на противодействие власти; снижение общего культурного уровня населения, многочисленные «фобии»: русофобия, исламофобия и другие. Также его стимулируют: растущее социальное расслоение общества на бедных и богатых, духовная дезориентация населения, незатухающие противоречия между некоторыми течениями в Исламе и проч. Экстремизм продолжает поиск и пополнение своих рядов, пользуясь бездействием общества и государства.

На фоне определенного кризиса официальных духовных управлений республики (ДУМ РБ, ЦДУМ России), идеологии «традиционного ислама», в Башкирии, как и в других «мусульманских» регионах РФ, расширилась сфера деятельности деструктивных религиозных течений (радикальные салафиты, нурсисты и др.), социальной базой которых преимущественно является слабо социализированная молодежь. Государством в этой сфере проводится большая работа, которая включает в себя, в том числе активную поддержу исторически традиционной для региона формы или версии ислама, а также деятельность официальных структур. Однако основная проблема в том, что центр силы постепенно смещается в сторону неформального сегмента религиозной сферы, деятельность акторов в котором носит преимущественно закрытый характер. Иными словами, процессы в данной области постепенно спускаются «вниз», на нижние этажи общества и фактически идут за пределами институциональных полей, поэтому их практически невозможно контролировать или серьезным образом влиять на них.

В настоящий момент Республика Башкортостан находится в условиях сложных и неоднозначных трансформационных процессов запущенных новым этапом модернизации. Данные процессы имеют нелинейную динамику, в определенных сферах они протекают как в положительном, так и негативном ключе.

В рамках политических реформ регионального сообщества возникли точки конфликтности, угрозы нового типа, что усложняет общую картину общественных процессов, требует более внимательного, глубокого анализа.

Из угроз нового типа наиболее важными являются:

– социально-экономическая нестабильность, осложненная геополитическими и внутренними (общероссийскими) факторами.

– постепенная утеря социальной связности региона, его социокультурная неоднородность. Заметная архаизация, особенно, на уровне

субрегионов, как культуры населения, так и хозяйственных практик.

– и, наконец, хоть и не большой, но заметный рост носителей религиозного фундаментализма в Башкирии, появление новых деструктивных течений.

По мнению экспертов, ситуация по преступности и асоциальному положению в молодежной среде в Республике Башкортостан в целом не катастрофичная. Тем не менее, необходимо обратить внимание на несколько моментов:

1. Социально активная, образованная и целеустремленная молодежь в большинстве своем стремится найти себя на максимально комфортных для социального продвижения территориях: в крупных городах либо за рубежом. Примерно той же стратегии придерживаются и активисты неформальных группировок. Соответственно, в малых населенных пунктах, со слабо развитой инфраструктурой наблюдается отток молодежи, что определенным образом отражается и на динамике асоциального поведения, создавая иллюзию позитивных тенденций.

2. В условиях нарастания внешних угроз, проникающих в первую очередь посредством Интернет-коммуникаций, преступное поведение обрело иные характеристики: молодежь вовлекается в экстремистские группировки и вербуется для подрывной деятельности. Важно понимать, что открытые формы борьбы, публичное наказание главарей группировок чреваты обратным эффектом в молодежной среде – популяризацией и привлечением внимания к антигероям – потенциальным кумирам преступного мира.

3. Деятельность по профилактике экстремистских проявлений в молодежной среде должна быть направлена на молодых людей, чья жизненная ситуация позволяет предположить возможность их включения в поле экстремистской активности. К таким категориям могут быть отнесены: выходцы из неблагополучных, социально-дезориентированных семей, с низким социально-экономическим статусом, недостаточным интеллектуальным уровнем, имеющим склонность к трансляции девиаций; дети, подростки, молодежь, имеющие склонность к агрессии, силовому методу решения проблем и споров, с неразвитыми навыками рефлексии и саморегуляции; носители молодежных субкультур, участники неформальных объединений и склонных к девиациям уличных компаний; члены экстремистских политических, религиозных организаций, движений, сект.

Важно понимать, что молодой человек потенциально мобилен, готов к экспериментам, участию в акциях, митингах, погромах. При этом готовность к подобным действиям усиливается из-за его низкой материальной обеспеченности, в связи с чем участие в проплаченных кем-либо акциях протеста может рассматриваться как допустимая возможность дополнительного заработка.

Список источников и литературы:

1. Gambetta D., Hertog St. Engineers of Jihad: The Curious Connection between Violent Extremism and Education. Princeton University Press, 2016.
2. Абдрахманов Д.М. Духовная безопасность и профилактика экстремизма на примере Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы Печатн. The fundamentals of our spirituality. Proceedings of the International scientific conference. Batumi, 18-19 May, 2018.
3. Абдрахманов Д.М. Инновационные технологии профилактики экстремизма. Хрестоматия. Уфа: Изд-во БГПУ, 2018. 170 с.
4. Абдрахманов Д.М. Общественная безопасность и приоритеты профилактики экстремизма // Общественная безопасность: новые идеи и вызовы времени. Материалы межрегиональной научно-практической конференции по профилактике экстремизма. Уфа: Изд-во «Мир печати», 2016. С. 41-53.
5. Абдрахманов Д.М., Буранчин А.М., Демичев И.В. Архаизация российских регионов как социальная проблема. Уфа: Мир печати, 2016.
6. Абдрахманов Д.М., Максимов К.В., Нугуманов М.М., Сафина Э.Н. Экстремизм. 100 ответов на насущные вопросы об экстремизме и терроризме. Информационно-справочное пособие. Уфа: Мир печати, 2018. – 80 с.
7. Абдрахманов Д.М., Сафина Э.Н., Максимов К.В. Профилактика экстремизма. Учебник. Уфа: Изд-во БГПУ, 2017. 232 с.
8. Абдрахманов Д.М., Сафина Э.Н., Соболев Е.В. Профилактика экстремизма в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений. Учебное пособие. Уфа: Изд-во БГПУ, 2017. 188 с.
9. Аминов Д. И. Молодежный экстремизм / Д. И. Аминов, Р. Э. Оганян. – М.: Изд-во «Триада ЛТД», 2005. - 196 с.
10. Амиров Р.Б. Ислам и политика: Беседы об исламе / Р. Б. Амиров. – М.: Наука, 2005. - 64 с.
11. Андреева О. А. Нормативно-правовая база местного самоуправления как фактор противодействия экстремизму / О. А. Андреева // Государственная власть и местное самоуправление. - 2006. - № 3. - С. 29-35.
12. Антонян Ю. М. Экстремизм и его причины: монография / Ю. М. Антонян, А. В. Ростокинский, Я. И. Гилинский и др.; под ред. Ю. М. Антоняна. - М: Логос, 2013. - 312 с.
13. Афанасьева Р. М. Социокультурные аспекты противодействия молодежному экстремизму / Р. М. Афанасьев // Власть. - 2007. - № 5. - С. 51-55.
14. Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность. 2001. № 2.

15. Бабинцев В.П., Заливанский Б.В., Самохвалова Е.В. Этнический экстремизм в молодежной среде: диагностика и перспективы преодоления. Мир России. 2011. Т. 20. № 1.

16. Безбородов М. И. Профилактика религиозного экстремизма как важная составляющая сохранения мира и обеспечения безопасности [Электронный ресурс] / М. И. Безбородов // Официальный сайт Петрозаводского государственного университета. - Режим доступа: http://www.petrsu.ru/files/2012/09/f7631_1.pdf .

17. Безрукова В. С. Педагогика. Проективная педагогика: учебное пособие для инженерно-педагогических институтов и индустриально-педагогических техникумов / В. С. Безрукова // Екатеринбург: Деловая книга, 1996. - 344 с.

18. Бессчетнова О. В. Превенция экстремизма в молодежной среде (социологический аспект) / О. В. Бессчетнова // Феномен экстремизма и ксенофобии в современной России: факторы генезиса, пути и способы противодействия: материалы конф., 9-10 декабря 2010 г. / редкол.: Л. В. Карнаушенко (отв. ред.), Е. О. Кубякин, Е. М. Куликов, В. Н. Ракачев. - Краснодар: Изд-во Краснодарский университет МВД России, 2010. - С. 29-30.

19. Биктагирова А.Р., Шакиров Р.М. Инновационная деятельность религиозной организации // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2016.№ 1 (37). С. 95-100.

20. Бирюков В. В. Еще раз об экстремизме / В. В. Бирюков // Адвокат. - 2006. - № 12. - С. 66-71.

21. Болтаева М. Л. Деловая игра в обучении / М. Л. Болтаева // Молодой ученый. - 2012. - №2. - С. 252-254.

22. Бровко Е. И. Психолого-акмеологические и педагогические особенности профилактики и коррекции делинквентного поведения юношей допризывного возраста: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13. – М., 2004. 166 с.

23. Буранчин А.М. Архаизация как социальная проблема (на примере Башкирского Зауралья) // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Россия как традиционное общество: история, реалии, перспективы». Уфа, 2015.

24. Буранчин А.М. Этнополитическое развитие Республики Башкортостан в 1990-2000 гг. Уфа: РИО РУНМЦ МО РБ, 2006.

25. Буранчин А.М., Марданов М.Х., Романов С.Ю., Яппарова Р.Р. Состояние межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Башкортостан: аналитический отчет по результатам социологического исследования. Уфа: Мир печати, 2018.

26. Бызов Л.Г. Ценностные трансформации путинской эпохи: от консолидации к дисбалансу (2000-2018 гг.) // http://www.proza.ru/2018/07/15/1028.

27. Валиахметов Р.М. Динамика и особенности изменений структуры сельского и городского башкирского населения // Традиция и толерантность:

проблема понимания. Мат. Всероссийской научно-практической конференции. Уфа: Гилем, 2012.

28. Вояковский Д.С., Юнусова А.Б. Интервенция радикальных идеологий в российское исламское пространство. Уфа: БГПУ, ИЭИ УНЦ РАН, 2011.

29. Вызовы религиозного экстремизма в глобализирующемся мире: коллективная монография. – Казань: Фолиант, 2017. – 232 с.

30. Глухарев Д. С. Борьба с экстремизмом в современном медиа-пространстве / Д. С. Глухарев // Феномен экстремизма и ксенофобии в современной России: факторы генезиса, пути и способы противодействия: материалы конф., 9-10 декабря 2010 г. / редкол.: Л. В. Карнаушенко (отв. ред.), Е. О. Кубякин, Е. М. Куликов, В. Н. Ракачев. - Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2010. - С. 52-54.

31. Гутман М. Ю. О некоторых вопросах методики формирования у обучаемых иммунитета к экстремизму и ксенофобии / М. Ю. Гутман // Социально-правовая и политическая природа экстремизма и терроризма: проблемы интерпретации и противодействия: материалы международной научно-практической конференции, 10 июля 2009 г. - СПб: СПВГУ, 2010. - С. 48-50.

32. Гущин В. А. Социально опасные молодежные формирования: пособие / В. А. Гущин, В.А. Канаян. - СПб: Санкт-Петербургский ГУ «Городской Центр профилактики безнадзорности и наркозависимости несовершеннолетних», 2002. - 187 с.

33. Дробижева Л. М. Социальные факторы предупреждения экстремизма / Л. М. Дробижева, О. В. Щедрина // Современный экстремизм в Российской Федерации: особенности проявления и средства противодействия: материалы Всероссийской научно-практической конференции в Академии управления МВД России 16 июня 2006 г. – М.: Академия управления МВД России; Тверь: ООО «Изд-во «Триада», 2006. - С. 14-29.

34. Дугин А.Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. М.: Академический Проект; Трикста, 2010.

35. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996.

36. Зеленов Ю. Н. Педагогическая профилактика экстремистских проявлений в молодежной среде в системе непрерывного профессионального образования / Ю. Н. Зеленов. – М.: Изд-во ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2014. - 342 с.

37. Зубок Ю. А. Молодежный экстремизм, сущность и особенности проявления / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // Социологические исследования. - 2008. - № 5. - С. 3-17.

38. Ковалев, В. С. Политический экстремизм и механизм противодействия ему в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Ковалёв Виктор Сергеевич. – М., 2003. - 26 с.

39. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ [Электронный ресурс]: принят Государственной Думой Федерального собрания РФ 20.12.2001; ред. от 21.07.2014, с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2014. - Режим доступа: http://www.consuttant.ru/document/- cons_doc_LAW_164056 (29.11.2017).

40. Комментарий к статье 282 УК РФ [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.labex.ru/page/kom_uk_282.html / (23.06.2017).

41. Кононов Л.А., Чеботарев А.В. Взаимосвязь экстремизма и современных миграционных процессов как предмет политологического исследования // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 70, 2018.

42. Конституция Российской Федерации (от 25 декабря 1993 г., с изм. от 30 декабря 2008 г.) // Российская газета.

43. Кубякин Е. О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: автореф. дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.04 / Кубякин Евгений Олегович. - Краснодар, 2012. - 53 с.

44. Любин С. Ю. Профилактика экстремизма в молодежной среде (на примере мероприятий, проводимых ГУВД по Краснодарскому краю и департаментом молодежной политик Краснодарского края) / С. Ю. Любин, О. А. Яценко // Феномен экстремизма и ксенофобии в современной России: факторы генезиса, пути и способы противодействия: материалы всерос. науч. -практ. конф., 9-10 декабря 2010 г. / редкол.: Л. В. Карнаушенко (отв. ред.), Е. О. Кубякин, Е. М. Куликов, В. Н. Ракачев. - Краснодар, 2010. - С. 155-156.

45. Методические рекомендации по профилактике и противодействию экстремизму в молодежной среде (разработаны Минспорттуризмом России совместно с МВД России и ФСБ России). [Электронный ресурс] // Режим доступа: seversknet.ru/Методические%20 (12.01.2018).

46. Методическое пособие по предотвращению насильственного экстремизма (A Teacher’s Guide on the Prevention of Violent Extremism). Опубликовано в 2016 г. Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры.

47. Мусаелян М. Ф. Экстремизм как угроза национальной безопасности Российской Федерации / В. Ф. Мусаелян // Журнал российского права. - 2009. - № 3. - С. 18-27.

48. Мухаметзарипов И.А. Европейские программы дерадикализации сторонников экстремистских и террористических организаций. Учебное пособие. Казань: Изд-во АН РТ, 2017. – 94 с.

49. Никифоров, Л. С. Молодежный экстремизм: учебное пособие / Л. С. Никифоров. - Томск: Изд-во ФИМИС-Р, 2012. - 318 с.

50. О политических партиях // Официальный сайт «Российской газеты» [Электронный ресурс] // Режим доступа: (http://www.rg.ru/2001/07/11/partii-dok.html) (14.07.2017).

51. Основы противодействия терроризму и экстремизму по законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан. Информационно-справочное пособие / Рахмонов А.С., Кравченко О.В., Насков Д.С., Рахмонзода Д.А., Холиков Э.А. Душанбе. РТСУ, 2017. – 280 с.

52. Паин Э.А. Социальная природа экстремизма и терроризма // Общественные науки и современность. 2002. №4.

53. Розанова А. А., Богданова, М. В. Экстремизм в молодежной среде: возникновение и профилактика / А. А. Розанова, М. В. Богданова // Проблемы противодействия молодежному экстремизму: материалы круглого стола (21 декабря 2006 г.) и научно-практического семинара (23 марта 2007 г.). – М.: ВНИИ МВД России, 2007. - С. 9-24.

54. Седых Н. С. Социально-психологические особенности пропаганды экстремизма и терроризма посредством интернета / Н. С. Седых // Социальная психология и общество. - 2013. - № 2. - С. 137-145.

55. Сердюков Б.В. Аномия и солидарность в сфере общественной безопасности: интеграционная специфика социального контроля // Социальная политика и социология. Т.17. 2018. №1 (126).

56. Современный фашизм: новые облики и проявления. М.: Наука и политика, 2017. 328 с.

57. Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) от 13.06.1996 № 63-ФЗ (принят ГД ФС РФ 24.05.1996, ред. от 29.12.2010 с изм. и доп., вступающими в силу с 27.01.2011) // Официальный сайт компании «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.consultant.ru/-popular/ukrf/ (21.10.2017).

58. Уразметов Т.З. Религиозный мир: глобализация, конфликты, экстремизм. Уфа: Изд-во БГПУ, 2017. 160 с.

59. Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях».

60. Федеральный закон «Об общественной палате».

61. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://base.garant.ru/12127578/ (25.08.2017).

62. Федеральный закон Российской Федерации от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ

63. Федеральный закон Российской Федерации от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Официальный сайт компании «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.consultant.ru (24.11.2017).

64. Федеральный закон Российской Федерации от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» // Официальный сайт компании «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.consultant.ru/popular- /obob/ (28.05.2017).

65. Федеральный закон Российской Федерации от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» (ред. от 30.11.2010) // Официальный сайт компании «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://base.consultant.ru (30.07.2017).

66. Федеральный закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 года Федеральный закон № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Официальный сайт «Российской газеты» [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.rg.ru/1991/12/27 (29.06.2017)

67. Федеральный закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [Электронный ресурс] // Режим доступа: http ://www.consultant.ru/ docLAW164931/ (23.03.2017).

68. Федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3- ФЗ «О полиции» // Российская газета. - 2011. № 5401.

69. Федеральный Конституционный закон Российской Федерации от 30 мая 2001 года № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» // Российская газета. - 2001. - 2 июня. - № 2717.

70. Федорко С.Н. Правовое регламентирование противодействия терроризму и экстремизму в РФ / С. Н. Федорко // Российский следователь. - 2007. - № 16. - С. 28-31.

71. Федоров Б. С. Проблемы обучения: формы и методы / Б. С. Федоров. - Новосибирск: Изд-во АФТЛ, 2009. - 328 с.

72. Хабибуллина З.Р. Мусульманское духовенство в Республике Башкортостан на рубеже XX–XXI веков. Уфа: Мир печати, 2015.

73. Чудинов С.И. Неустойчивая идентичность и ультранационалистический экстремизм в обществе риска // Общество и этнополитика: материалы Восьмой Международной научно-практической конференции 24-26 сентября 2015 г. / РАНХиГС, Сиб. ин-т упр., под науч. ред. Л. В. Савинова. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2015. - С. 148-154.

74. Шайхисламов Р.Б. Коммуникативные проблемы социокультурной интеграции современного российского общества. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук. Уфа, 2007.

75. Шкаратан О.И. Социально-экономическое неравенство в современном мире и становление новых форм социального расслоения в России // Мир России. 2018. №2.

76. Эрвье-Леже Д. В поисках определенности: парадоксы религиозности в обществах развитого модерна // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 1 (33). С. 254-268.